

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ,
ПРАКТИКА,
НАУКА

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в июле 2004 года

Выходит 6 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет»
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

РЕДАКЦИЯ

В. В. ДОЛГАНИЧЕВ, главный редактор
К. С. ПУТУШКИНА, редактор
М. А. ХОМЯКОВА, ответственный
секретарь

АДРЕС РЕДАКЦИИ

620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 23, каб. 209.
Адрес для корреспонденции:
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21.
тел./факс (343) 375-58-47,
<https://rospravojournal.usla.ru>
e-mail: rp@usla.ru

Издание зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуника-
ций, свидетельство ПИ № ФС 77-55438 от
17 сентября 2013 г.

Использование материалов возможно
только с письменного согласия редакции

Фотографии, использованные в номере,
предоставлены авторами статей, героями
интервью и организаторами мероприятий

Журнал распространяется по подписке;
придерживается независимой политики.
Мнения авторов могут не совпадать
с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- Бублик В. А., Семякин М. Н.**
Идеи становления и развития
вещного права за рубежом 4
- Тихонов А. Н.**
Правоотношения, возникающие
в связи с заключением договора
о приемной семье 12

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

- Брановицкий К. Л., Ярков В. В.**
Возможные направления трансформации
цивилистического процесса в условиях
цифровизации и пандемии: предиктивное
правосудие 19
- Ватаманюк В. О.**
Заключение мирового соглашения
в групповом производстве иностранных
государств 27

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Аничкин Е. С., Серебряков А. А.**
Модели нормативно-правового
обеспечения международного
научного и научно-технического
сотрудничества и управления
результатами совместных исследований 41

ЗЕМЕЛЬНОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

- Винницкий А. В., Вагина О. В.,
Гаевская Е. Ю.**
Правила возведения построек
на садовых земельных участках
и последствия их нарушения 50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, Л. Н. Берг, В. С. Белых, А. В. Брызгалин, В. А. Бублик, А. В. Винницкий, Д. В. Винницкий, Б. М. Гонгало, В. В. Гошуляк, Е. Ю. Грачева, Д. А. Гришин, И. Г. Дудко, Т. Д. Зражевская, В. Б. Исаков, А. Я. Капустин, И. Я. Козаченко, Ю. В. Козубенко, Г. А. Кокурин, Г. Н. Комкова, А. Н. Костюков, В. В. Круглов, В. И. Крусс, А. М. Куренной, А. А. Ливеровский, Н. А. Мехренцева, А. Н. Митин, А. Н. Мочалов, В. В. Невинский, Е. И. Носырева, В. Д. Перевалов, В. В. Полянский, А. Д. Прошляков, И. В. Решетникова, В. Н. Руденко, М. С. Саликов (председатель), Н. М. Саликова, А. С. Смыкалин, С. Д. Хазанов, А. М. Хлус, С. Н. Чернов, В. В. Ярко

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Авакьян, С. Н. Бабурин, В. В. Блажеев, А. К. Голиченков, В. В. Ершов, В. В. Игнатенко, Г. С. Казинян, Л. О. Красавчикова, П. В. Крашенинников, В. А. Малиновский, С. П. Степкин, Т. Я. Хабриева, Ю. Я. Чайка, Г. Н. Чиботарев, М. Ф. Чудаков, Ю. С. Шемшученко, Б. С. Эбзеев, Э. С. Юсубов

**Воронин Б. А., Чупина И. П.,
Воронина Я. В.**

Аграрное право как регулятор отношений
в современном сельском хозяйстве 59

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Казакова А. В.

Является ли копия документа доказательством
в российском уголовном процессе? 64

Раменская В. С., Никитина Е. В.

Проблемы взаимодействия частного
и публичного права на примере
возмещения вреда в рамках уголовного
процесса 72

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Губарева А. В.

Российское законодательство,
регулирующее использование
иностранной рабочей силы 80

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Митин А. Н., Рассохин А. В.

Управленческий процесс в органах
прокуратуры: задачи и механизм
совершенствования 87

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Жабреев М. В.

Из истории развития предпринимательского
права в России и на Урале в годы НЭПа 96

	CIVIL LAW
<hr/>	
Bublik V. A., Semyakin M. N. Ideas of the Formation and Development of Property Law Abroad	4
Tikhonov A. N. Legal Relations Arising Out of a Foster Family Agreement	12
<hr/>	
	CIVIL PROCEDURE
<hr/>	
Branovitskiy K. L., Yarkov V. V. Possible Ways of the Civil Procedure Transformation under Digitalization and Pandemic: Predictive Justice	19
Vatamanyuk V. O. Conclusion of a Settlement Agreement in the Group Proceedings of Foreign Countries	27
<hr/>	
	INTERNATIONAL LAW
<hr/>	
Anichkin E. S., Serebryakov A. A. Models of Regulatory Support for International Scientific and Technical Cooperation and Management of the Results of Joint Research	41
<hr/>	
	LAND AND ENVIRONMENTAL LAW
<hr/>	
Vinnitskiy A. V., Vagina O. V., Gaevskaya E. Yu. Rules for the Construction of Buildings on Garden Land Plots and the Consequences of Their Violation	50
Voronin B. A., Chupina I. P., Voronina Ya. V. Agrarian Law as a Regulator of Relations in Modern Agriculture	59
<hr/>	
	CRIMINAL PROCEDURE
<hr/>	
Kazakova A. V. Can a Copy of the Document be Used as Evidence in the Russian Criminal Procedure?	64
Ramenskaya V. S., Nikitina E. V. Problems of the Interaction of Private and Public Law on the Example of Compensation for Harm in the Framework of Criminal Proceedings	72
<hr/>	
	LABOR LAW
<hr/>	
Gubareva A. V. Russian Legislation Regulating the Use of Foreign Labor	80
<hr/>	
	LAW ENFORCEMENT AGENCIES
<hr/>	
Mitin A. N., Rassokhin A. V. Management Process in the Prosecutor's Office: Tasks and Improvement Mechanism	87
<hr/>	
	HISTORY OF STATE AND LAW
<hr/>	
Zhabreev M. V. From the History of the Entrepreneurial Law Development in Russia and the Urals during the NEP Years	96

В. А. Бублик, М. Н. Семякин
Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

ИДЕИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ВЕЩНОГО ПРАВА ЗА РУБЕЖОМ

Вещное право интенсивно модернизируется, в результате чего обозначился ряд тенденций его дальнейшего развития, которые нуждаются в научном осмыслении. Авторы анализируют цивилистическую литературу, разбирая определение понятия «вещные права». Используя методы сравнения и ретроспективного анализа, авторы пришли к выводу о том, что, несмотря на долгую историю становления и развития института вещных прав, сегодня во многих государствах применяются нормативные правовые акты, прототипами которых стали законы, регулирующие вещные отношения в эпоху становления римского частного права.

Рассматриваются различные принципы форм собственности. Большое внимание уделено раскрытию принципа «физического единства» собственности и противоположного ему принципа «горизонтального деления» собственности; каждый из них был основой вещного права в разные исторические периоды. Анализ нормативной базы и научной литературы показал, что в современных реалиях необходимо отойти от принципа «физического единства» собственности в пользу принципа ее «горизонтального деления».

Ключевые слова: личный сервитут, собственность, право собственности, феномен вещного права, принцип «физического единства» собственности, принцип функционального единства собственности

Для цитирования

Бублик В. А., Семякин М. Н. Идеи становления и развития вещного права за рубежом // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. С. 4–11. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_4.

УДК 347.2/.3

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_4

В цивилистической литературе принято считать, что понятие «вещные права» уходит корнями в римское частное право и получило достаточную разработку в данной правовой системе. Так, Л. В. Щенникова обращает внимание на то, что понятие личного сервитута было выработано еще в римском частном праве [Щенникова 2001: 35]. И далее: «Другие вещные права в виде прав на чужие вещи появились в своем первоначальном виде в римском частном праве наряду с правом собственности и продолжают до настоящего времени с ним добрососуществовать» [Там же: 37].

Приведенные суждения автора, как представляется, несколько не согласуются с его мыслями, высказанными ниже: «„Римский“

этап развития отношений собственности, получивший закрепление в нормах римского частного права, характеризуется свободой собственности, не связанной ничем... Носитель права собственности в Риме имел всестороннюю возможность пользоваться и распоряжаться вещью, а также исключать вмешательство всех прочих лиц в сферу своего господства. Классическая юриспруденция понимала собственность как неограниченное и исключительное господство лица над вещью, как право, свободное от ограничений по своему существу» [Там же: 38]. Причем свобода собственности предполагалась; всякое же ее ограничение должно было быть доказано [Дождев 1996: 178]. Однако затем Л. В. Щенникова пишет сначала о введении

«узкого круга ограниченных вещных прав в римском частном праве», а затем и о том, что нам в наследство от римского частного права достались достаточно разработанная система сервитутов и «такие ограниченные вещные права, как эмфитевзис, суперфиций, залоговое право» [Щенникова 2001: 39].

Противоположную позицию занимает Е. А. Суханов, который, говоря об идее происхождения вещных прав из римского права, замечает, со ссылкой на С. А. Муромцева, что «в этом взгляде отразилась давно ставшая в цивилистике традиционной склонность освещать идеи и явления современного происхождения покровом векового авторитета римского права» [Муромцев 2004: 240, цит. по: Суханов 2017: 18]. И далее: «В действительности дошедшие до нас источники римского частного права не содержат (и не могли содержать) таких обобщенных, абстрактных понятий, как „вещное право“ или „ограниченные вещные права“, ибо римской юриспруденции было „почти совершенно чуждо распределение материала на основании общих понятий и принципов, составляющее характеристическое свойство догматической классификации“» [Муромцев 2004: 222, цит. по: Суханов 2017: 18].

Многие из отечественных дореволюционных «романистов» скептически относились к идее происхождения вещных прав из римского частного права. Так, по мнению Д. Д. Гримма, древнеримское право «не знало противоположения между правом собственности и ограниченными вещными и личными правами на чужие вещи. Всякое отношение к вещи мыслилось как разновидность единого права – права собственности» [Гримм 2007: 189]. Изначально сервитутное право не было «правом в чужой вещи», а считалось «как бы правом на свою вещь, которой пользовались только совместно с собственником служащего имени», в силу чего сервитутное право «первоначально во всем сходно с юридическим положением собственности» [Муромцев 2003: 149; Суханов 2017: 18].

Можно заключить, что, во-первых, таких достаточно абстрактных, научно «нагруженных» категорий, как «вещное право», «ограниченные вещные права», в римской юриспруденции, безусловно, не было и принципиально быть не могло, ибо для этого необходимо развитие очень высокого уровня

научных обобщений и сравнительного теоретического анализа, на основе чего могли бы быть выработаны указанные феномены.

Во-вторых, за свою более чем тысячелетнюю историю римская юриспруденция находилась в постоянном развитии, приспособлении к практическим нуждам, поэтому на ранних этапах первоначально могли возникать лишь отдельные прообразы (прототипы) соответствующих понятий, которые в дальнейшем эволюционировали, наполняясь более конкретным содержанием, и принимали те или иные правовые формы. Например, в римской юриспруденции сервитутное право изначально воспринималось как разновидность участия в собственности, когда одно лицо могло пользоваться вещью (главным образом – земельным участком) совместно с другим лицом в рамках «единой собственности», и лишь значительно позднее, в императорский период, оно стало мыслиться как «право в чужой вещи».

Аналогично такие права, как суперфиций и эмфитевзис, в римском частном праве в его «первородном» состоянии отсутствовали и как права на особую категорию недвижимости – земельные участки – возникли уже только в Новое время и в отличие от сервитутов носили долгосрочный и отчуждаемый характер, могли также передаваться по наследству [Зайков 2012: 283–284]. К указанной эпохе относится и возникновение залогового права с его разновидностями (*pignus* и *hypotheca*).

Однако все указанные выше виды прав в отношении объектов недвижимости (главным образом – земельных участков) в римской юриспруденции, в том числе на ее высшем и завершающем этапе развития, знаменующемся таким выдающимся памятником римского права, как Дигесты Юстиниана, не считались отдельными разновидностями права на чужую вещь и тем более не именовались общим термином «ограниченные вещные права».

В-третьих, в римской юриспруденции предпринимались некоторые попытки разграничения вещных и обязательственных прав. Так, в Институциях Гая (ок. 160 г. н. э.), состоящих из четырех книг, фактически выделялись три раздела, посвященные соответственно лицам, вещам и искам, в книге третьей говорилось о наследовании и некоторых обязательствах как основаниях возникновения права собственности на вещи [Памят-

ники римского права 1997]. Примечательно, что здесь Гай различал наследование и соответствующие обязательства, с одной стороны, и право собственности как их результат – с другой, хотя, конечно, такое различие содержательно не затрагивает противопоставления вещных и обязательственных прав, их отличительных особенностей.

Другой известный римский юрист Юлий Павел обращал внимание на сущность обязательства, которая, по его мнению, состоит «не в том, чтобы сделать какой-нибудь предмет... нашим, но чтобы обязать другого перед нами с тем, чтобы он что-нибудь нам дал, сделал или предоставил» [Суханов 2017: 19]. Однако вряд можно сделать вывод о том, что в данном высказывании содержатся критерии, позволяющие более или менее определенно разграничивать вещные и обязательственные права либо вывести их общие определения. Римские юристы рассматривали различие вещных и обязательственных прав главным образом в контексте различия способов их защиты – вещных и личных исков.

Феодальному праву средневековой Европы были известны разные формы участия в собственности на один и тот же объект недвижимости (земельный участок), хотя обычно они не имели четкого юридического выражения и критериев их соотношения с понятием «собственность», которое, по словам А. В. Венедиктова, появилось в Германии лишь в XIII–XIV вв., а в России – только в XVIII в. [Венедиктов 1948: 103 и след.]. По утверждению Л. В. Щенниковой, эпоха феодализма была временем расцвета ограниченных вещных прав [Щенникова 2001: 39]. «При этом характер владения (земельного. – М. С.) мог быть разным: пожизненным, безусловным, заповедным. Иными словами, в феодальный период складывается целая система ограниченных (ленных) прав на земельные участки» [Там же: 40].

В связи с этим необходимо обратить внимание на следующее.

Во-первых, указанные формы земельного владения (лен) не именовались в феодальную эпоху ограниченными правами на земельные участки, а расценивались как участие нескольких лиц в собственности на один и тот же объект недвижимости (земельный участок).

Во-вторых, правовая квалификация такого участия была достаточно «размытой».

И. А. Покровский отмечал, что «своеобразный уклад землевладения в средневековой Европе способствовал весьма широкому развитию разнообразных форм участия нескольких лиц в праве собственности на один и тот же участок», однако «юридическая квалификация всех этих отношений представляла для романистически мыслящей юриспруденции того времени чрезвычайные затруднения» [Покровский 2013: 209].

В-третьих, в основе понимания соотношения различных форм участия в собственности на один и тот же земельный участок в эпоху феодализма лежали два концепта.

Один из них базировался на философско-теоретическом учении о «верховой» и «подчиненной» собственности (*dominium directum* и *dominium utile*), согласно которому государь передавал находящемуся от него в вассальной зависимости лицу – графу, герцогу и т. д. – феоде (земельный участок) в пожизненное владение за несение государственной службы. Тем не менее, по словам И. А. Покровского, «многое не поддавалось даже и таким искусственным конструкциям... и продолжало жить без такого или иного юридического паспорта» [Там же].

В период феодализма права и обязанности на землю основывались на «земельном держании» и личных отношениях в системе социальной иерархии. На ранних этапах «земельные пожалования» были схожи с передачей полного права собственности, однако в более поздние времена «короли и менее крупные сеньоры (лорды) сохраняли собственность на землю за собой и жаловали только частные права пользования и эксплуатации» [Паризи 2011: 192]. Вассалы получали земельные участки в ленное владение в результате пожалования со стороны лиц, занимающих более высокое социальное положение в иерархической системе феодализма (лордов) в обмен на различные услуги и клятвы в личной преданности. Пожалования «раздробленной» собственности постепенно превращались в форму «наследственного дарения», что в итоге приводило к многоуровневому и в перспективе необратимому дроблению собственности [Там же].

В качестве другого концепта выступала теория «разделенной» собственности, объясняющая возможность существования нескольких «прав собственности на один и тот же земельный участок, исходя из функционального понимания феномена собственно-

сти. Функциональное дробление собственности, по замечанию Ф. Паризи, было естественным следствием выведения понятия собственности из фактического пользования и владения землей: те, кто использовал землю для охоты, могли приобрести право охотиться; те, кто растил скот, могли получить право на выпас скота в одном и том же географическом районе [Там же: 190].

Однако в рамках обоих вышеприведенных подходов не было выработано общего понимания терминов «право собственности», «ограниченные вещные права» и, как следствие, четкого их соотношения что, видимо, объясняется, в частности, отсутствием в ту эпоху острой практической потребности в этом.

В дальнейшем феодальная система хозяйствования, в особенности такой ее элемент, как «разделенная» собственность, стали серьезным образом препятствовать экономическому развитию. Все более очевидной становилась необходимость изменения доминирующей в то время концепции функциональной («разделенной») собственности. Так, в попытках предотвратить социальные и политические потрясения французские дворяне и священнослужители 4 августа 1789 г. на первой сессии Генеральных штатов стали отказываться от некоторых своих феодальных прав и привилегий на землю; земля была освобождена от многочисленных личных сервитутов (охотничьих прав, трудовых повинностей, выплат сеньору и др.). И только Французская революция, повлекшая крах феодальной системы, окончательно отменила всякие повинности и сборы в пользу сеньора безо всякой компенсации [Там же: 199].

В конце XVIII в. начали развиваться идеи о необходимости воссоздания римской модели «абсолютной» и единой собственности. Философской основой новых представлений о собственности являлась мысль Г. Гегеля о том, что стандартизация вещных прав представляет собой развитие, связанное с трудной борьбой за освобождение собственности от всепроникающих феодальных обременений; свобода личности напрямую зависит от свободы собственности [Гегель 1990: 16].

Таким образом, римская концепция собственности стала прообразом представлений о буржуазной модели «абсолютной» собственности на землю. В научно-теоретических исследованиях XVIII и XIX вв. явно прослеживаются такие представления. Так, по словам Дж. Остина, право

собственности состоит из двух основных элементов: права пользования собственностью и полномочием не допускать пользования ею другими лицами [Austin 1885]. По мнению И. Канта, универсальные нормы должны быть негативными по содержанию, т. е. «не должны предписывать лицам делать что-либо», и «коррелят вещного права не может требовать активного действия» [Kant 1887: 14].

Римская концепция собственности стала прообразом буржуазной модели «абсолютной» собственности на землю

Однако феномен вещного права с его четкими терминами появился в Германии как часть пандектного учения (лежащего в основе современного понимания догматики гражданского права), разработанного немецкими правоведом-цивиристами на рубеже XVIII–XIX вв. на основе анализа, обобщения и реконструкции римского частного права. Благодаря трудам немецких пандектистов, прежде всего Ф. К. фон Савиньи, А. Ф. Ю. Тибо, в теории вещного права стали четко различаться право собственности и ограниченные вещные права на чужие объекты недвижимости. В частности, Тибо, опираясь на источники римского права, доказал несостоятельность существовавшей в то время идеи о том, что в римском праве имела место «разделенная» собственность, и обосновал необходимость отказа от свойственной эпохе феодализма «разделенной» собственности, которую должны заменить такие понятия, как право собственности и иные вещные права на чужую вещь (главным образом земельный участок) [Thibaut 1834; Суханов 2017: 21].

С устранением отношений феодальной зависимости получила признание модель единой, наиболее полной собственности, не допускающая возможности существования нескольких прав собственности на один и тот же объект недвижимости (земельный участок). Это было законодательно закреплено в ряде европейских гражданско-правовых кодификационных актов XIX в. В пандектных правопорядках появилось понятие ограниченных вещных прав, которые противопоставлялись обязательственным правам, вытекающим из договоров, и вместе с правом собственности стали важнейшими элементами единого института вещного права.

В европейской юриспруденции XIX в. выделяли и анализировали разные аспекты единства собственности – функциональный, физический и правовой, что получило отражение в названиях соответствующих принципов [Паризи 2011: 196–202].

1. *Принцип функционального единства собственности.* Европейские кодификации XIX в. существенно ограничили возможность функционального дробления собственности, предоставляя юридическую защиту только тем вещным правам, которые имеют большую социальную значимость. При этом предпочтение отдавалось способам защиты, обеспечивающим единство вещного права, что обозначалось также как принцип *numerus clausus*. Данный принцип, очевидно, преследовал цель предотвратить возможность создания частными лицами, прежде всего в договорном порядке, вещных прав, которые не санкционированы действующим правомпорядком.

Современные европейские правоведы, в частности Т. Меррилл и Г. Смит, увязывают анализ широко применяемого в странах континентальной Европы принципа *numerus clausus* с понятием стандартных вещных прав, обращая внимание на то, что этот принцип также представляет собой часть невыраженной традиции общего права [Merrill, Smith 2000: 69]. Вместе с тем среди европейских ученых-правоведов имеются и противники данного принципа, выступающие против сведения типов признаваемых вещных прав к небольшому стандартизированному перечню [Rudden 1987: 239].

Принцип *numerus clausus* в той или иной форме получил отражение в ряде европейских кодексов. Так, Французский гражданский кодекс (кодекс Наполеона 1804 г.) типизировал вещные права в форме единой и абсолютной собственности. Это достаточно отчетливо проявляется в ряде его статей. Согласно ст. 544 собственность – это право пользоваться и распоряжаться вещами самым абсолютным образом, если только его использование не воспрещается законами или регламентами. В силу ст. 545 никто не может быть принужден к отчуждению своей собственности, если только этого не требуется для общественной пользы и при условии справедливого и заблаговременного возмещения. В соответствии со ст. 546 право собственности на вещь, как движимую, так и недвижимую, включает право на все пло-

ды, которые приносит вещь, и на все, что к ней присоединяется дополнительно либо естественно, либо искусственно. А в ст. 526 закреплены такие ограниченные вещные права, как узурфрукт на недвижимые вещи, сервитуты и земельные повинности и т. д.

Аналогично можно сослаться на ст. 90 Германского гражданского уложения, которая устанавливает, что только телесные вещи являются вещами в юридическом смысле, в отличие от феодальной модели собственности, в которой большинство нетипичных прав на объект недвижимости (земельный участок) имели бестелесный характер. Это касается и ряда иных мировых правовых систем. Б. Рудден указывал, что «в самых общих чертах все системы ограничивают или, по крайней мере, устанавливают пределы создания вещных прав: „прихоти“ возможны в договоре, а не в вещном праве» [Rudden 1987: 243]. Многими азиатскими правовыми системами была воспринята основополагающая норма, согласно которой «нельзя создать иные вещные права, нежели закрепленные в Кодексе или другом законодательном акте» [Там же]. Подобные нормы предусматривались и в иных правомпорядках, восходящих к европейским правовым системам.

2. *Принцип «физического единства» собственности.* Он в идеальной форме выражает необходимость обеспечения «физической» целостности собственности. Это, в частности, проявляется в том, что нормы законодательства либо положения судебной практики ряда континентальных систем права стали признавать право собственника «огораживать» собственность (земельный участок) для символического обозначения своей исключительной власти [Mattei 2000: 14]. Указанный принцип находил воплощение и в том, что большинство европейских гражданских кодексов XIX в., действующих в целом и до настоящего времени, запрещали или ограничивали «горизонтальное дробление» собственности на земельный участок, вернувшись к римскому представлению о единой модели собственности, которая ограничивала возможность признания прав другого лица на недра. Так, в соответствии с Французским гражданским кодексом 1804 г., Итальянским гражданским кодексом 1865 г. земля не может быть «горизонтально» разделена на несколько наземных и подземных слоев; правом на них должен обладать один собственник.

Однако указанные ограничения на практике соблюдались редко. Так, если первоначально сторонам запрещалось в договорном порядке передавать вещные права на «горизонтальные» слои земельного участка, то в дальнейшем этот запрет стали обходить. Стороны по взаимной договоренности могли предусмотреть положение о том, что они не будут применять норму о «приращении» против обладателя права на поверхность земельного участка, если фактический собственник захочет возвести на нем здание. Суды в регулировании этого вопроса были непоследовательны: изначально они не поддерживали подобные соглашения как противоречащие принципу обеспечения единства собственности, однако в дальнейшем стали проявлять лояльность к таким нетипичным формам дробления собственности на земельный участок. В конечном счете это повлекло отказ законодателя от принципа «физического единства» собственности.

Европейские гражданские кодексы XX в. в итоге вернулись к легитимации положений ранее действовавших кодификаций, признававших «горизонтальное дробление» собственности (земельных участков). Об этом, в частности, свидетельствуют положения ст. 1012–1017 Германского гражданского уложения, которые в дальнейшем были заменены особым законом. Статья 952 Итальянского гражданского кодекса 1942 г. прямо признает право на поверхность земельного участка в качестве значимого вещного права.

Цивилисты середины XX в. относились к отказу от принципа обеспечения «физиче-

ского единства» собственности критически, поскольку это не соответствовало модели «абсолютной» (единой) собственности, наделявшей землевладельца всеми правами собственности на земельный участок, простиравшийся от его поверхности до недр, и позволяло устанавливать взаимные ограничения обладателей прав на поверхность земельного участка и его недр [Bianca 1999]. Вместе с тем отход от упомянутого принципа нельзя воспринимать как полный возврат к средневековым представлениям о модели «разделенной» собственности.

Во-первых, допускавшиеся формы дробления собственности (земельного участка) носили ограниченный характер, что не порождало каких-либо серьезных, системных проблем, если учитывать небольшое количество (как правило двое) владельцев «разделенных» вещных прав – на поверхность земельного участка и его недр.

Во-вторых, экономическая потребность в установлении отдельных вещных прав на полезные ископаемые, а также на разработку недр обуславливали отход от старых римских догм об «абсолютной» (единой) собственности.

В-третьих, «механическое» применение принципа единства собственности в социально-экономических условиях XX в. не способствовало справедливому разрешению конфликтов между владельцем права на земельный участок и владельцем объекта недвижимости (здания), находящегося на данном земельном участке, а также не обеспечивало надлежащую правовую защиту интересов добросовестной стороны.

Список литературы

- Austin J.* Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law / ed. by R. Campbell. 5th ed. 1885. 553 p.
- Bianca C. M.* La Proprieta // Diritto Civile. 1999. Vol. 6.
- Kant I.* The Philosophy of Law: An Exposition of the Fundamental Principles of Jurisprudence as the Science of Right. Edinburgh: T. & T. Clark, 1887. 265 p.
- Mattei V.* Basic Principles of Property Law: a Comparative Legal and Economic Introduction. Westport: Greenwood Press, 2000. 207 p.
- Merrill Th. W., Smith H. E.* Optimal Standardization in the Law of Property: The Numerus Clausus Principle // Yale Law Journal. 2000. Vol. 110. Iss. 1. P. 1–70.
- Rudden B.* Economic Theory v. Property Law: The Numerus Clausus Problem // Oxford Essays on Jurisprudence / ed. by J. Eekelaar, J. Bell. Oxford: Oxford Clarendon Press, 1987. P. 239–263.
- Thibaut A. F. J.* System des Pandektenrechts. 8 verbesserte aufl. Jena, 1834. 2 Bd. 558 s.
- Венедиктов А. В.* Государственная социалистическая собственность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 839 с.

Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.

Гримм Д. Д. Проблема вещных и личных прав в древнеримском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 144–216.

Дождев Д. В. Римское частное право: учеб. для вузов / под ред. В. С. Нерсисянца. М.: Норма, 1996. 685 с.

Зайков А. В. Римское частное право в систематическом изложении: учеб. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 480 с.

Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. М.: СПС «КонсультантПлюс», 2003. 683 с.

Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права // Муромцев С. А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. 768 с.

Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. 608 с.

Паризи Ф. Энтропия собственности // Ежегодник сравнительного права / под ред. Д. В. Дождева. М.: Статут, 2011. С. 188–227.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 6-е изд., стер. М.: Статут, 2013. 349 с.

Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 559 с.

Щенникова Л. В. Вещное право: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 238 с.

Владимир Александрович Бублик – доктор юридических наук, профессор, ректор Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: rectorat@usla.ru.

ORCID: 0000-0002-3952-574X

Михаил Николаевич Семьякин – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: grpravo@usla.ru.

ORCID: 0000-0002-2694-7484

Ideas of the Formation and Development of Property Law Abroad

Property law is being intensively modernized, as a result a number of trends in its further development have been identified that need deep scientific research. The authors analyze the civil literature, considering the definition of the concept of property rights. Using the methods of comparison and retrospective analysis, the authors conclude that despite the long history of development of the institute of property rights, today many states apply normative legal acts, the prototypes of which were laws regulating property relations in the era of the formation of Roman private law.

Various principles of ownership forms are considered. Much attention is paid to the disclosure of the principles of physical unity of property and the opposite principle of horizontal division of property. Each of these principles was the basis of property law in different historical periods. The authors also formulate the main ideas of the formation and development of property law abroad.

The analysis of the regulatory framework and scientific literature has shown that in modern realities it is necessary to move away from the principle of physical unity of property to the principle of horizontal division of property.

Keywords: *personal easement, property, property rights, the phenomenon of property rights, the principle of physical unity of property, the principle of functional unity of property*

Recommended citation

Bublik V. A., Semyakin M. N. Idei stanovleniya i razvitiya veshchnogo prava za rubezhom [Ideas of the Formation and Development of Property Law Abroad], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 4, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_4.

References

- Austin J. *Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law*, 5th ed., 1885, 553 p.
- Bianca C. M. La Proprieta [Property], *Diritto Civile* [Civil Law], 1999, vol. 6.
- Dozhdev D. V. *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman Private Law], Nersesyants V. S. (ed.) Moscow, Norma, 1996, 685 p.
- Gegel' G. V. F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], Nersesyants V. S. (ed.), Moscow, Mysl', 1990, 524 p.
- Grimm D. D. Problema veshchnykh i lichnykh prav v drevnerimskom prave [The Problem of Property and Personal Rights in Ancient Roman Law], *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2007, no. 3, pp. 144–216.
- Kant I. *The Philosophy of Law: An Exposition of the Fundamental Principles of Jurisprudence as the Science of Right*, Edinburgh, T. & T. Clark, 1887, 265 p.
- Mattei V. *Basic Principles of Property, Law: a Comparative Legal and Economic Introduction*, Westport, Greenwood Press, 2000, 207 p.
- Merrill Th. W., Smith H. E. Optimal Standardization in the Law of Property: The Numerus Clausus Principle, *Yale Law Journal*, 2000, vol. 110, iss. 1, pp. 1–70.
- Muromtsev S. A. *Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima* [Civil Law of Ancient Rome], Moscow, SPS «Konsul'tantPlyus», 2003, 683 p.
- Muromtsev S. A. *Izbrannye trudy po rimskomu i grazhdanskomu pravu* [Selected Works on Roman and Civil Law], Moscow, Tsentr YurInfoR, 2004, 768 p.
- Pamyatniki rimskogo prava: Zakony XII tablits. Institutsii Gaya. Digesty Yustiniana* [Monuments of Roman Law: Laws of the XII Tables. Guy's Institutions. Digests of Justinian], Moscow, Zertsalo, 1997, 608 p.
- Parizi F. *Entropiya sobstvennosti* [Entropy of Property], Dozhdev D. V. (ed.), *Ezhegodnik sravnitel'nogo prava*, Moscow, Statut, 2011, pp. 188–227.
- Pokrovskii I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The Main Problems of Civil Law], Moscow, Statut, 2013, 349 p.
- Rudden B. *Economic Theory v. Property Law: The Numerus Clausus Problem*, Eekelaar J., Bell J. (eds.), *Oxford Essays on Jurisprudence*, Oxford, Oxford Clarendon Press, 1987, pp. 239–263.
- Shchennikova L. V. *Veshchnoe pravo* [Property Law], Perm', Izd-vo Perm. un-ta, 2001, 238 p.
- Sukhanov E. A. *Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatel'nyi ocherk* [Property Law: Scientific and Cognitive Essay], Moscow, Statut, 2017, 559 p.
- Thibaut A. F. J. *System des Pandektenrechts* [System of Pandect Law], Jena, 1834, vol. 2, 558 p.
- Venediktov A. V. *Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost'* [State Socialist Property], Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1948, 839 p.
- Zaikov A. V. *Rimskoe chastnoe pravo v sistematicheskoy izlozhenii* [Roman Private Law in a Systematic Presentation], Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2012, 480 p.

Vladimir Bublik – doctor of juridical sciences, professor, rector of the Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: rectorat@usla.ru. ORCID: 0000-0002-3952-574X

Mikhail Semyakin – doctor of juridical sciences, professor of the Department of civil law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: grpravo@usla.ru. ORCID: 0000-0002-2694-7484

Дата поступления в редакцию / Received: 03.07.2020

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.09.2020

А. Н. Тихонов

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

ПРАВООТНОШЕНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ДОГОВОРА О ПРИЕМНОЙ СЕМЬЕ

Основываясь на трудах О. А. Красавчикова, посвященных исследованию юридических фактов, автор статьи выделяет правосубъектные предпосылки, а также юридико-фактические основания возникновения и динамики правоотношений, возникающих в связи с заключением договора о приемной семье. Обосновывается что отношения, возникающие по поводу назначения граждан, желающих стать приемными родителями, опекунами (попечителями), а также отношения по осуществлению контроля за деятельностью указанных граждан органами опеки и попечительства являются организационными административно-правовыми. Отношения между приемными родителями и детьми, возникающие по поводу воспитания, а также защиты их законных прав и интересов, имеют семейно-правовую природу.

Выделены отличительные черты исследуемых правоотношений: они имеют длительный характер; не ограничиваются реализацией тех прав и обязанностей, которые образуют их содержание; могут прекратиться только в случаях, прямо указанных в законе; их основной объем составляют личные неимущественные отношения.

Ключевые слова: устройство детей, оставшихся без попечения родителей, приемная семья, договор о приемной семье, опека и попечительство

Для цитирования

Тихонов А. Н. Правоотношения, возникающие в связи с заключением договора о приемной семье // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. С. 12–18. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_12.

УДК 347.6

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_12

Если ребенок по тем или иным причинам, в частности перечисленным в п. 1 ст. 121 Семейного кодекса РФ, остается без попечения родителей, защита его прав и интересов возлагается на государство. В соответствии с п. 1 ст. 20 Конвенции ООН 1989 г. «О правах ребенка» ребенок, который временно или постоянно лишен своего семейного окружения, а также который не может оставаться в таком окружении, имеет право на особую защиту и помощь государства. Обязанность по защите прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей, возлагается на органы опеки и попечительства. При этом деятельности иных организаций или физических лиц, направленной на выявление или устройство детей, оставшихся без попечения родителей, семейное законодательство не допускает.

Устройство детей, оставшихся без попечения родителей, может иметь как временную, так и постоянную форму. К одной из разновидностей временных форм устройства детей относится передача ребенка под опеку или попечительство по договору о приемной семье. Законодатель прямо предусматривает, что к договору о приемной семье применяются правила гражданского законодательства о возмездном оказании услуг в части, не урегулированной семейным законодательством, если это не будет противоречить существу таких отношений (п. 2 ст. 152 СК РФ).

В юридической литературе высказаны различные мнения по вопросу отраслевой принадлежности данного договора. Одни авторы относят его к семейно-правовым договорам [Семейное право 2020: 270], другие

обосновывают его гражданско-правовую природу, третьи указывают на его смешанный характер. В частности, О. Н. Низамиева относит договор о приемной семье к семейно-правовым договорам с некоторыми элементами публичности. Автор отмечает, что «цель договора о приемной семье заключается не в получении стороной по договору каких-либо услуг на возмездной основе, а в реализации права ребенка на семейное воспитание» [Низамиева 2009: 111]. Л. Ю. Михеева считает, что предметом договора о приемной семье «является совершение обязанной стороной (опекуном или попечителем) юридических или (и) фактических действий в пользу подопечного (третьего лица), что позволяет причислить данное соглашение к разряду договоров об оказании услуг» [Там же]. Заключая договор о приемной семье, приемный родитель принимает на себя обязательства по оказанию услуги по воспитанию ребенка за вознаграждение, т. е. выполняет оплачиваемую работу [Михеева 2003: 182]. Эту точку зрения поддерживает правоприменитель¹. Основываясь на отраслевой принадлежности института опеки и попечительства над несовершеннолетними, а также на группах обязанностей, возлагаемых на опекунов, Д. Б. Савельев делает вывод о смешанном характере возникающих правоотношений [Савельев 2017: 119].

Говоря о правовой природе договора о приемной семье, следует учитывать, что исторически семейное право имеет «родственную» связь с правом гражданским. Гражданское право является «материнской» отраслью по отношению к семейному праву [Яковлев 2012: 735]. К отношениям, возникающим в связи с заключением договора о приемной семье, применяются правила гражданского законодательства о возмездном оказании услуг, «поскольку это не противоречит существу таких отношений». «Главное, что должно препятствовать субсидиарному применению норм гражданского права к семейным отношениям, это личный характер семейно-правовых связей, и эта специфика семейных отношений не должна игнорироваться и устраняться путем необоснованного субсидиарного применения норм гражданского права» [Яковлев 2012: 740]. В данном случае следует согласиться

с мнением Б. М. Гонгало, согласно которому недопустимо «механическое перенесение наших представлений о гражданско-правовых договорах в семейно-правовую сферу» [Гонгало 2018: 190].

Определяя юридическую природу правоотношений, возникающих в связи с заключением договора о приемной семье, важно выявить юридические факты, обуславливающие возникновение и динамику исследуемых правоотношений. Совокупность юридических фактов, необходимых для наступления определенных юридических последствий, называют в правовой науке юридическим составом [Красавчиков 2005: 104]. Юридический состав, обеспечивающий динамику правоотношения, связанного с передачей ребенка по договору о приемной семье, включает в себя: во-первых, действие лиц, желающих стать опекунами (оформляется соответствующим заявлением), во-вторых, акт органа опеки и попечительства – решение о возможности быть опекуном (административный акт), в-третьих, заявление от лиц, желающих принять на воспитание в семью конкретного ребенка, в-четвертых, согласие самого ребенка, достигшего возраста 10 лет, в-пятых, решение о назначении заявителей приемными родителями (оформляется соответствующим актом, издаваемым органами опеки и попечительства), в-шестых, договор о приемной семье.

Тот факт, что договор о приемной семье является лишь элементом юридического состава соответствующих правоотношений, также обусловлен их спецификой. В данном случае следует согласиться с мнением И. Б. Новицкого о том, что «личный элемент настолько преобладает в семейно-правовых отношениях, что имеющие здесь место соглашения не получают самостоятельного значения и во всяком случае должны быть резко отграничены от имущественных договоров гражданского права» [Новицкий 2006: 114]. Особый интерес представляет юридическое значение «личного элемента» в правоотношениях, возникающих в связи с заключением договора о приемной семье. Этот элемент может играть роль и в гражданско-правовых отношениях, но в них, в отличие от семейно-правовых, особое значение, как правило, придается профессиональным навыкам, особым умениям, специальным познаниям лица,

¹ См., например: Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 мая 2017 г. № 91-КГ17-2.

например при заказе написать портрет или выдаче доверенности. В семейно-правовых отношениях важен другой аспект, характеризующий личность, на первый план выходят морально-нравственные качества лица. Лично-доверительный характер отношений между приемным родителем и ребенком отражает свойство возникающего правоотношения.

Законодатель придает особое значение наличию психоэмоциональной связи между приемными родителями и ребенком. Обязательным элементом юридического состава является такой юридический факт, как установление контакта с ребенком. Отсутствие данного элемента делает невозможной реализацию прав ребенка на заботу, защиту и др.,

---

Лично-доверительный характер отношений между приемным родителем и ребенком отражает свойство возникающего правоотношения

а значит и правоотношения по опеке (попечительству) между приемными родителями и ребенком возникнуть не могут. Помимо этого, в случаях, когда доверие в последующем будет утеряно, должны прекратиться и правоотношения, возникающие в связи с заключением договора о приемной семье. Отсутствие психоэмоциональной связи не позволит приемным родителям надлежащим образом исполнять свои обязанности, что приведет к нарушению прав ребенка. Так, договор о приемной семье может прекратить свое действие по просьбе приемных родителей, а также вследствие ненадлежащего исполнения ими своих обязанностей.

К основаниям движения правовых связей относятся правосубъектные предпосылки. Участники отношений, возникающих при передаче на воспитание гражданам ребенка по договору о приемной семье, должны обладать правосубъектностью. О. А. Красавчиков под правосубъектностью с точки зрения ее юридического содержания предлагал понимать социально-правовую способность, юридическое качество лица [Красавчиков 2005: 32]. Составными элементами правосубъектности являются способности лица: иметь права и исполнять обязанности (правоспособность);

своими действиями приобретать и создавать для себя и других лиц права и обязанности (дееспособность). По сути, речь идет о предоставлении субъектам правовых возможностей быть участниками общественных взаимосвязей, в том числе отношений по опеке (попечительству).

Согласно п. 1 ст. 152 СК РФ договор о приемной семье заключается между органом опеки и попечительства и приемным родителем (родителями). Право получать надлежащие уход и воспитание, а также представительство по договору о приемной семье возникает у ребенка, хотя несовершеннолетний в качестве стороны Семейным кодексом прямо не назван. Участниками указанных правоотношений выступают приемные родители и орган опеки и попечительства, действующий в интересах несовершеннолетнего. Правосубъектность органов государственной власти или органов местного самоуправления, выполняющих властные функции руководства, обозначается в юридической науке, законодательстве и на практике специальной категорией «компетенция» [Иоффе 2004: 181]. М. А. Рожкова пишет: «Публичные органы совершают юридические акты (односторонние действия) во исполнение установленных для них законом обязанностей в соответствии с объемом и содержанием своей компетенции. Они могут проявлять свое усмотрение только в рамках выбора наиболее рационального и целесообразного решения из нескольких возможных (если закон предоставляет им такое право) исходя из лежащей на них общей обязанности по совершению этих действий» [Рожкова 2009: 113]. Иначе говоря, компетенция, во-первых, определяет объем прав и обязанностей, которыми тот или иной орган может обладать, во-вторых, очерчивает круг правоотношений, участниками которых могут быть органы государственной власти или органы местного самоуправления.

С юридической стороны, как обоснованно утверждал С. С. Алексеев, главное в компетенции составляют властные права государственных органов – права на активные юридически значимые действия. Они заключаются в предоставлении государственному органу или органу местного самоуправления возможности своими односторонними действиями (актами) порождать, изменять или прекращать конкретные правоотношения

[Алексеев 2009: 390]. Таким односторонним действием (актом), являющимся основанием возникновения правоотношений, связанных с заключением договора о приемной семье, выступает решение о назначении заявителей приемными родителями. Заключая договор о приемной семье, орган опеки и попечительства также действует в рамках своей компетенции.

В соответствии со ст. 146 СК РФ к лицам, желающим стать приемными родителями, предъявляются требования относительно возраста, состояния здоровья т. п. Также, по общему правилу, указанные лица должны пройти соответствующую подготовку¹. Приемными родителями не могут быть лица, ограниченные в семейной дееспособности, например лишенные родительских прав или ограниченные в них и др. Права и обязанности возникают у приемных родителей в отношении несовершеннолетнего. В силу своего возраста несовершеннолетний не может в полном объеме осуществлять свои права, что компенсирует своим участием орган опеки и попечительства. Под опеку по договору о создании приемной семьи может быть передан только несовершеннолетний, оставшийся без попечения родителей.

Опека и попечительство, осуществляемые на основании договора о приемной семье, представляют собой совокупность правоотношений, связанных с попечением, воспитанием, а также защитой прав и интересов несовершеннолетнего. Правоотношения эти неоднородны по своей юридической природе. В. Ф. Яковлев указывал на наличие в их составе двух тесно связанных между собой групп отношений [Советское семейное право 1982: 240]. Первая группа – отношения, возникающие между соответствующими государственными органами опеки и попечительства и опекунами (попечителями), вторая – отношения, связанные с назначением граждан опекунами, попечителями и обеспечением контроля за их деятельностью. По характеру данные отношения являются административно-правовыми. Отношения,

¹ Исключение закон делает в отношении близких родственников детей, а также лиц, которые являются или являлись усыновителями и в отношении которых усыновление не было отменено, и лиц, которые являются или являлись опекунами (попечителями) детей и которые не были отстранены от исполнения возложенных на них обязанностей (п. 1 ст. 146 СК РФ).

складывающиеся между опекунами, попечителями и опекаемыми детьми в семье, по мнению В. Ф. Яковлева, входят во вторую группу. По характеру указанные правоотношения имеют семейно-правовую природу [Там же].

С принятием решения о назначении приемными родителями между гражданами и соответствующим органом государственной власти возникает социальная связь. Это правоотношение создает предпосылки для возникновения семейного правоотношения, определяя его характер и участников. В таком случае речь может идти об организационных правоотношениях между гражданами и специально на то уполномоченным органом. Используя обозначенные О. А. Красавчиковым [Красавчиков 2017: 52–53] общие особенности (родовые признаки) организационных отношений, можно утверждать, что такие отношения складываются из организационных действий (неимущественных, неличных, нетрудовых и т. д.), направленных на упорядочение (нормализацию) в дальнейшем «организуемых» отношений – отношений опеки (попечительства). Иначе говоря, объектом данных организационных отношений является упорядоченность отношений опеки (попечительства). Цель возникающего в связи с правомерным действием уполномоченного органа отношения состоит лишь в организации отношений по осуществлению опеки (попечительства). Эти организационные отношения следует отнести к административно-правовым, имеющим семейно-правовой эффект.

Отношения между органом опеки и попечительства и гражданами, возникающие в связи с назначением их опекунами или попечителями, следует относить к административно-правовым. Вынесение органом опеки и попечительства вышеназванных актов позволяет лицам, которые желают принять ребенка, заключить договор о создании приемной семьи.

В результате заключения указанного договора у органа опеки и попечительства появляется право контролировать действия приемных родителей, в том числе право требовать отчет о хранении, об использовании имущества подопечного и об управлении этим имуществом. В случаях обнаружения ненадлежащего исполнения приемными родителями обязанностей правоотношения из

договора о приемной семье могут прекратиться. В случае выявления нарушения имущественных прав подопечного орган опеки и попечительства обязан предъявить к приемным родителям требование о возмещении причиненных убытков. Согласно предложенной О. А. Красавчиковым [Красавчиков 2017: 54] классификации подобные организационные отношения можно отнести к организационно-контрольным отношениям. Реализация такого отношения может создать возможность для прекращения основной семейно-правовой связи.

Правоотношения, складывающиеся между приемными родителями и опекаемыми детьми, обладают рядом характерных черт. Так, основной объем возникающих между несовершеннолетним ребенком и приемными родителями отношений будут составлять личные неимущественные отношения. Договорному регулированию будут подлежать наиболее значимые аспекты жизни ребенка в приемной семье. Основной «массив» возникающих между приемными родителями и ребенком неимущественных отношений не подлежит договорному или нормативному регулированию. Данные отношения в большей степени регулируются нормами морали и нравственными установками, принятыми в обществе, что также характерно для права семейного. Некоторые права приемных родителей по отношению к принимаемому в семью ребенку (права по воспитанию, обеспечению получения приемным ребенком образования т. п.) являются одновременно их обязанностями. Как отмечается в науке, наличие «прав – обязанностей» характерно именно для семейного права в отличие,

например, от права гражданского [Яковлев 2012: 737].

Возникающие у приемных родителей права и обязанности, составляющие содержание рассматриваемых правоотношений, не могут быть переданы другим лицам. В силу специфики правоотношения личность приемных родителей имеет определяющее значение, вследствие чего передача прав по опеке (попечительству) не допускается. Более того, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения приемными родителями обязанностей к ним могут быть применены меры семейно-правовой ответственности.

Правоотношения, связанные с передачей ребенка в семью по договору о приемной семье, прекращаются лишь в случаях, прямо указанных в законе. В число последних не входит такое типичное для гражданских правоотношений основание прекращения, как надлежащее исполнение лежащих на соответствующем субъекте обязанностей. Правоотношения, возникающее по поводу передачи ребенка по договору о приемной семье, в силу своей правовой природы не могут быть исчерпаны реализацией тех прав и обязанностей, которые образуют их содержание. Исследуемые правоотношения предполагают достаточно длительное взаимодействие их участников. Это обусловлено главным образом спецификой целей и задач, которые заключаются в воспитании приемного ребенка, в обеспечении получения им образования и т. д. С учетом вышесказанного правоотношения, складывающиеся между приемными родителями и опекаемыми детьми, по своему характеру могут быть отнесены к семейно-правовым отношениям.

Список литературы

- Алексеев С. С. Общая теория права: учеб. М.: Проспект, 2009. 565 с.
- Гонгало Б. М. Семейное законодательство: проблемы и перспективы // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 187–193.
- Иоффе О. С. Избранные труды. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004. Т. 2. 509 с.
- Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. М.: Статут, 2017. Т. 1. 492 с.
- Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. М.: Статут, 2005. Т. 2. 494 с.
- Михеева Л. Ю. Проблемы правового регулирования отношений в сфере опеки и попечительства: дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул: Том. гос. ун-т, 2003. 405 с.
- Низамиева О. Н. Некоторые теоретические вопросы института приемной семьи // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 4. С. 107–113.
- Новицкий И. Б. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2006. Т. II. 412 с.

Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашение о защите прав и процессуальные соглашения. М.: Статут, 2009. 332 с.

Савельев Д. Б. Соглашения в семейной сфере: учеб. пособие. М.: Проспект, 2017. 143 с.

Семейное право: учеб. для вузов / под ред. А. М. Нечаевой. М.: Юрайт, 2020. 294 с.

Советское семейное право: учеб. / под ред. В. А. Рясенцева. М.: Юрид. лит., 1982. 255 с.

Яковлев В. Ф. Избранные труды: Гражданское право: история и современность. М.: Статут, 2012. Т. II. Кн. 1. 974 с.

Андрей Николаевич Тихонов – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: tichonov_a@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-5533-2908

Legal Relations Arising Out of a Foster Family Agreement

In the paper, on the basis of the works of O. A. Krasavchikov devoted to the study of legal facts, legal prerequisites are highlighted, as well as legal facts – the grounds for the emergence and dynamics of legal relations arising out of a foster family agreement. It is proved that the relations arising from the appointment of citizens wishing to become foster parents, guardians (trustees), as well as relations for monitoring the activities of these citizens by the guardianship bodies, are attributed to administrative and legal relations. The relations between foster parents and children arising from the implementation of upbringing, as well as the protection of their legal rights and interests, have a family legal nature.

As a result, the characteristic features of the legal relations between foster parents and foster children were identified. The legal relations under study are long lasting; they are not limited to the exercise of those rights and obligations that form their content; they can stop only in cases directly specified in the law; their main volume is made up of personal non-property relations.

Keywords: placement of children left without parental care, foster family, foster family agreement, guardianship

Recommended citation

Tikhonov A. N. Pravootnosheniya, vznikayushchie v svyazi s zaklyucheniem dogovora o priemnoi sem'e [Legal Relations Arising Out of a Foster Family Agreement], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 4, pp. 12–18, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_12.

References

Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law], Moscow, Prospekt, 2009, 565 p.

Gongalo B. M. *Semeinoe zakonodatel'stvo: problemy i perspektivy* [Family Legislation: Problems and Prospects], *Permskii yuridicheskii al'manakh*, 2018, no. 1, pp. 187–193.

Ioffe O. S. *Izbrannye trudy* [Selected Works], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2004, vol. 2, 509 p.

Krasavchikov O. A. *Kategorii nauki grazhdanskogo prava* [Categories of Civil Law Science], Moscow, Statut, 2017, vol. 1, 492 p.

Krasavchikov O. A. *Kategorii nauki grazhdanskogo prava* [Categories of Civil Law Science], Moscow, Statut, 2005, vol. 2, 494 p.

Mikheeva L. Yu. *Problemy pravovogo regulirovaniya otnoshenii v sfere opeki i popечitel'stva* [Problems of Legal Regulation of Relations in the Field of Guardianship]: doct. jur. sc. thesis, Barnaul, Tom. gos. un-t, 2003, 405 p.

Nechaeva A. M. *Semeinoe pravo* [Family Law], Moscow, Yurait, 2020, 294 p.

Nizamieva O. N. Nekotorye teoreticheskie voprosy instituta priemnoi sem'i [Some Theoretical Issues of the Foster Family Institute], *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2009, vol. 151, no. 4, pp. 107–113.

Novitskii I. B. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu* [Selected Works in Civil Law], Moscow, Statut, 2006, vol. 2, 412 p.

Rozhkova M. A. *Yuridicheskie fakty grazhdanskogo i protsessual'nogo prava: soglasenie o zashchite prav i protsessual'nye soglaseniya* [Legal Facts of Civil and Procedural Law: Agreement on the Protection of Rights and Procedural Agreements], Moscow, Statut, 2009, 332 p.

Ryasentseva V. A. (ed.) *Sovetskoe semeinoe pravo* [Soviet Family Law], Moscow, Yurid. lit., 1982, 255 p.

Savel'ev D. B. *Soglaseniya v semeinoi sfere* [Agreements in the Family Sphere], Moscow, Prospekt, 2017, 143 p.

Yakovlev V. F. *Izbrannye trudy* [Selected Works], Moscow, Statut, 2012, vol. 1, 974 p.

Andrey Tikhonov – candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Department of civil law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: tichonov_a@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-5533-2908

Дата поступления в редакцию / Received: 19.11.2020

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 20.06.2021

К. Л. Брановицкий, В. В. Ярков
Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ПАНДЕМИИ: ПРЕДИКТИВНОЕ ПРАВОСУДИЕ*

Развитие искусственного интеллекта и его возможное применение в правосудии являются очень популярными темами на различных дискуссионных научных площадках. В то же время большинство дискуссий сконцентрировано, скорее, на общефилософских вопросах (робот-судья и пределы применения искусственного интеллекта), чем на практических процессуальных аспектах обсуждаемой проблематики.

Предлагаемый авторами подход позволяет рассмотреть практические преимущества использования предиктивного правосудия в условиях российской действительности. Речь идет прежде всего о возможном частичном восполнении таким способом пробела в виде отсутствия в отечественной доктрине разработанного немецкой процессуальной доктриной института «судебного руководства». В некоторых случаях отсутствие вытекающего из данного института равноправного диалога со сторонами и их представителями ведет к нарушению права быть выслушанным и принятию «неожиданных» для участников разбирательства судебных решений. Особый акцент сделан на цифровизации и пандемии, также стимулирующих развитие предиктивного правосудия. Авторы обосновывают пределы использования предиктивного правосудия, исходя из действующей концепции судебной власти.

Ключевые слова: *цивилистический процесс, гражданский процесс Германии, право быть выслушанным, цифровизация, пандемия, судебное руководство, предиктивное правосудие*

Для цитирования

Брановицкий К. Л., Ярков В. В. Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии: предиктивное правосудие // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. С. 19–26. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_19.

УДК 347.91/.95

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_19

Происходящие в России и в мире серьезные изменения в социальной и экономической жизни общества, связанные с необходимостью дать ответ новым пандемическим угрозам, с одной стороны, а также с продолжающимся развитием информационных технологий, прежде всего искусственного интеллекта, – с другой, являются новым вызовом для современного правопорядка в его традиционном понимании. Без сомнений, способность отдельных государств и различных интеграционных объединений противостоять

таким вызовам, как глобальная пандемия, является наглядным подтверждением эффективности и устойчивости правопорядка.

Вместе с тем было бы не совсем верным считать, что исключительно пандемия COVID-19 является вызовом для изменения традиционных представлений о таком государственном институте, как правосудие. Разумеется, данный фактор сыграл большую роль в понимании важности и в какой-то степени безальтернативности информационных технологий в судопроизводстве (ввиду карантинных мер, режима самоизоляции) с точки зрения гарантий доступности судебной защиты прав и законных интересов граждан

* Статья подготовлена и публикуется в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Информационные технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия» № 18-29-16070.

и организаций, открытости судебного разбирательства. В свою очередь, появившаяся в отечественном правовом порядке возможность участия сторон и иных лиц в онлайн-заседаниях арбитражного суда или особенности исчисления процессуальных сроков в Австрии или Германии были, скорее, направлены на повышение гарантий права быть выслушанным в суде [Брановицкий, Ренц, Ярков 2020а: 115–117].

Однако сам процесс серьезной трансформации, «деритуализации» и «дематериализации» правосудия¹ начался значительно раньше и являлся, с одной стороны, общемировым трендом и изменением представлений о правосудии как об услуге, с другой – результатом активного внедрения в правосудие информационных технологий [Ярков 2020]. В последнем случае чем активнее правовой порядок внедряет современные технологии в цивилистический процесс, тем раньше возникнет необходимость осмысления происходящих вследствие этого изменений в традиционном представлении о процессе как о неком ритуале. Некоторые исследователи ставят вопрос гораздо шире, а цифровизация рассматривается как вызов для права в целом [Хабриева 2018; Талапина 2018; Константинов 2019].

При этом можно наблюдать и определенное изменение актуальной научной повестки: на смену общему восприятию цифровизации как «улучшения, ускорения и удешевления процесса судопроизводства» приходят «приватизация правосудия», «конкуренция с новыми механизмами разрешения споров», «удорожание ввиду необходимости поддержания двойной инфраструктуры» и т. д. [Брановицкий, Ренц, Незнамов и др. 2019; Алиев 2019; Аносов 2018; Незнамов 2019].

В этом смысле происходящий на наших глазах процесс трансформации правосудия обусловлен прежде всего активным применением цифровых технологий, курс на вне-

дрение которых в отечественное судопроизводство был взят задолго до захлестнувшей мир пандемии COVID-19. Последняя лишь добавила трансформационной повестке актуальности.

Одним из классических и неоспоримых постулатов процессуальной доктрины в вопросе отношений «суд – технология» является то, что масштабное внедрение в судопроизводство цифровых технологий не может и не должно влиять на суть судебной деятельности, в которой принятие решения должно всегда оставаться за судьей. Современные технологии выступают исключительно как *средство решения задач правосудия*, играя, в сущности, вспомогательную роль. В литературе высказывается мнение о том, что электронное правосудие в России находится в самом начале становления [Василькова 2018: 214]. Можно смело утверждать, что в основном речь пока идет лишь об инструментальном подходе к использованию в судопроизводстве технологий и электронно-технических средств².

В научной литературе можно встретить весьма осторожные суждения о перспективах использования искусственного интеллекта в правосудии: «Судья-человек должен использовать цифровые технологии в качестве правового помощника для осуществления своей деятельности... Идеальная форма сотрудничества судьи и искусственного интеллекта видится в мгновенной обработке информации и подготовке документации роботом, но вынесении конечного решения судьей» [Коваленко, Печатнова, Стаценко и др. 2020]. Необходимо учитывать риски вторжения искусственного интеллекта в сферу судейского усмотрения [Там же: 171]. Исключить институт судебного усмотрения – значит лишить судопроизводство смысла, отмечают представители данного подхода.

Другие исследователи подчеркивают, что вне зависимости от степени автоматизации юридических процессов и использования в них искусственного интеллекта человек должен оказывать прямое воздействие на принимаемые решения [Нагродская 2019: 118]. За-

¹ Под «деритуализацией» правосудия понимается исключение многих его традиционных процессуальных положений, имеющих, по мнению законодателя, отягчающий и усложняющий характер. В свою очередь, «дематериализация» судебного процесса представляет собой активное использование информационных технологий с внедрением методов «бесконтактного» правосудия, при котором общение суда и участников процесса происходит только в рамках «виртуального судебного пространства».

² Объективная направленность на цифровизацию правовых отношений посредством развития информационных технологий находит отражение, в частности, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утв. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203).

служивают внимания и суждения о том, что главная проблема использования искусственного интеллекта лежит в сфере не технологий, а этики, поскольку ключевой вопрос заключается не в том, обладает ли искусственный интеллект сознанием, а в том, что если, например, мы заменим судью-человека, то люди уже не будут судимы равными себе [Браво-Хуртадо 2018: 188].

Высказывается и противоположная точка зрения, согласно которой вопрос осуществления правосудия искусственным интеллектом должен быть снят с повестки в самое ближайшее время, поскольку только так можно избежать судьейского произвола как неизбежной составляющей человеческой деятельности [Колоколов 2020].

Не углубляясь в дискуссию, отметим лишь, что во многом столь полярные точки зрения возникают при постановке провокационного вопроса о замене судьи-человека искусственным интеллектом. Ключевым элементом здесь является понятие «замена». Именно замена судьи «юнитом искусственного интеллекта» – это один из наиболее острых вопросов [Морхат 2018: 131].

Вместе с тем, рассматривая современные технологии в парадигме оказания помощи / содействия судье в процессе подготовки, рассмотрения гражданского дела в контексте предиктивного правосудия [Василевич 2019], можно попробовать снизить градус дискуссии и с помощью исследования процессуальных особенностей такой деятельности приблизиться к реализации предиктивного правосудия.

Прежде всего остановимся на существовании этого явления. В доктрине отмечается, что современное развитие предиктивного правосудия основывается на анализе алгоритмами баз данных судебных решений. Алгоритм учится выделять в судебных решениях некоторые факторы, свойственные данной группе споров. Кроме того, ведется и языковой анализ. Таким образом, сегодня предиктивное правосудие представляет собой разновидность «слабого» искусственного интеллекта, функционирующего на основе алгоритмов (совокупности правил), созданных людьми [Константинов 2020].

При анализе предиктивного правосудия следует в первую очередь обозначить актуальные пределы его применения в судопро-

изводстве. Установление пределов – важнейший элемент для возможного внедрения такого *legaltech*. Если предиктивное правосудие – это разновидность / технология искусственного интеллекта, то любая замена человека на технологию автоматически отбрасывает нас к дискуссии об этических аспектах искусственного интеллекта [Там же: 28] и одновременно отдаляет от практических шагов по внедрению *legaltech* в судопроизводство. Кроме того, в этом случае может возникнуть вопрос о степени независимости суда [Ярков 2020].

Выходом из данной ситуации может стать использование возможностей предиктивного правосудия в качестве вспомогательного инструмента при осуществлении правосудия при соблюдении одного очень важного правила, а именно предоставления права пользования всеми возможностями *legaltech* не только суду, но и сторонам разбирательства.

Существующий подход

Представим, что преимуществами предиктивного правосудия как вспомогательной технологии пользуется только суд (проекты по «малым делам» во Франции, проекты Европейского Суда по правам человека).

Осознание судом «природы судьи-человека» может позволить стороне убедить / переубедить судью в правильности предлагаемого ею подхода и ошибочности предварительной оценки ситуации судьей

В таком случае при правильно настроенном и эффективном алгоритме существенное облегчение в работе может получить только суд. Стороны разбирательства, напротив, могут столкнуться с усложнением процесса, в частности с проблемой «статистической истины», при которой убедить судью в правильности своей позиции (отличной от предложенного системой варианта) будет труднее.

Дело в том, что среднестатистический судья, не применяющий подобный *legaltech*, готов в принципе допустить существование отличных от его собственного предварительно сформированного убеждения (например, на стадии подготовки по делу, изучения письменных доказательств) точек зрения и примеров судебной практики, поскольку

понимает, что он, будучи человеком, не в состоянии уследить за всеми изменениями законодательства, судебной практики и доктрины. В подобных случаях осознание судом «природы судьи-человека» может позволить стороне убедить / переубедить судью в правильности предлагаемого ею подхода и ошибочности предварительной оценки ситуации судьей.

Если в помощники судье дать «слабый» искусственный интеллект в виде предиктивного правосудия, предварительная убежденность судьи (так называемый субъективный предполагаемый результат рассмотрения) будет умножена на статистическую истину (итог анализа нескольких тысяч схожих дел), которую ему предложит машина¹. Изменить позицию суда в этом случае сторонам будет уже сложнее, хотя бы потому что они будут лишены возможности «увидеть» предлагаемое искусственным интеллектом решение их дела, понять и сравнить фактические обстоятельства дела с тем, как их понял алгоритм, и т. д.

Здесь мы сталкиваемся уже не только с возможным нарушением принципа независимости судей, но и с нарушением права быть выслушанным. Данное право неразрывно связано с идеей правового государства, в котором каждому гарантируется право не просто выступать в качестве объекта судебного разбирательства, но и высказываться и влиять своими действиями на ход процесса и его результат, а на суд возлагается обязанность соблюдать права участников разбирательства² [Фокина 2019].

Данная гарантия, известная со времен римского права как *audiatur et altera pars*,

¹ В этом смысле нельзя исключать того, что субъективное / судейское и «объективное» / машинное убеждения могут с течением времени вообще поменяться местами и судья еще до формирования своей позиции по делу будет «подсматривать» вариант, предлагаемый алгоритмом. Это означает определенного рода воздействие на судью, которое является недопустимым и нарушает принцип независимости. Достаточно представить себе ситуацию, в которой старший и очень уважаемый коллега судьи до того, как последний изучил дело, в частной беседе «объяснил» свою точку зрения на происходящее и на то, как нужно разрешить конкретное дело.

² Следует отметить, что в российском правопорядке право быть выслушанным как самостоятельный принцип отсутствует. Ссылка на данный принцип как общеправовой, обеспечивающий соблюдение права на справедливое судебное разбирательство, содержится в Постановлениях Конституционного Суда РФ от 12 марта 2001 г. № 4-П, от 19 июля 2011 г. № 17-П, от 19 января 2017 г. № 1-П.

в немецком праве состоит из трех основных элементов [Брановицкий 2014]:

1) право на получение информации о ходе и содержании судебного разбирательства, в том числе на ознакомление с содержанием всех ходатайств и заявлений противоположной стороны и промежуточных судебных актов;

2) право на доведение до суда своей позиции: возможность как минимум в письменном виде довести до суда как свою точку зрения на фактические обстоятельства дела, так и правовую позицию до момента принятия окончательного судебного акта по делу;

3) право на учет данной позиции судом, которое рассматривается в контексте обязанности суда принять во внимание и оценить позицию стороны по делу (включая ее ходатайства и заявления).

В отечественном правопорядке суд не выносит промежуточных решений (ввиду отсутствия соответствующей доктрины и правового регулирования), не дает сторонам разъяснений по поводу своего будущего решения (опасаясь обвинений в пристрастности), т. е. до момента объявления решения сохраняется правовая неопределенность. В таких условиях «добавление» новой неопределенности в виде скрытого от сторон предлагаемого алгоритмом решения вряд ли будет способствовать повышению правовой защищенности граждан и организаций и отвечать целям и задачам судопроизводства.

Предлагаемый подход

Принимая во внимание вышеуказанные «особенности» отечественного правопорядка, а также принципы правовой определенности и необходимость обеспечения единообразия судебной практики, можно попробовать сделать открытым для участников разбирательства вариант предлагаемого решения.

В ситуации, когда одна норма права применяется по-разному, возникает угроза единству правопорядка в целом. Единообразие в правоприменении составляет суть справедливости, достигаемой в правовом государстве посредством соблюдения принципа равенства всех перед законом. Этот принцип должен связывать все ветви власти, в том числе судебную, правда, в очень ограниченном масштабе в связи с наличием внутри судебной системы проверочных инстанций [Брановицкий, Ренц, Ярков 2020b].

Предиктивное правосудие, позволяющее судье автоматизировать выборку судебных решений для формирования собственной правовой позиции при разрешении дела, может и должно служить интересам не только суда, но и прежде всего сторон. Ведь конечные цели правосудия – защита и восстановление нарушенных прав и законных интересов.

Представим, что по итогам подготовки дела к судебному разбирательству, т. е. по результатам анализа позиций сторон и представленных доказательств не только судье, но и сторонам будет дана возможность ознакомиться с промежуточным «решением на основе статистических данных». В таком случае суд, сохраняя независимость, может и должен продолжить рассмотрение дела и исследование доказательств, сохраняя при этом возможность вынести отличное от предлагаемого окончательное судебное решение.

В свою очередь стороны могут избрать разные линии процессуального поведения: от усиления выигрышной позиции путем представления дополнительных доказательств до опровержения предлагаемого варианта разрешения дела, например ввиду различий в фактическом составе схожих и рассматриваемых дел, ошибок в юридическом составе и т. д. Нельзя сбрасывать со счетов и вероятное повышение привлекательности примирительных процедур и мировых соглашений в условиях повышения предсказуемости судебного акта.

Кроме того, открытость суда к диалогу и возможность заявления возражений в противовес закрытости результатов предиктивного анализа будет способствовать росту доверия общества к судебной власти.

Подведем итоги. Продолжающийся курс на цифровизацию правосудия, правильность которого подтвердила пандемия COVID-19, ведет к неизбежной трансформации последнего. Процессуальная повестка заиграла новыми красками в условиях развития искусственного интеллекта. Большинство дискуссий вокруг искусственного интеллекта в целом и предиктивного правосудия в частности сосредоточилось на допустимости / недопустимости замены человека машиной. При этом как сторонники, так и противники необходимости внедрения робота-судьи говорят о невозможности осуществления полной замены по причинам в большей степени технологического и в меньшей степени этического свойства.

В свою очередь при использовании вспомогательных функций предиктивного правосудия (без замены человека машиной) признается отсутствие серьезных технических проблем «слабого» искусственного интеллекта, который вне всяких сомнений требует отладки и тонкой настройки. Вместе с тем без учета процессуальных гарантий и социальной сущности правосудия, без придания данному вспомогательному процессу открытого характера есть серьезный риск того, что дискуссия может еще надолго остаться «на бумаге».

Список литературы

Алиев А. Новые методы разрешения споров: конкуренция и взаимодействие с классическими инструментами в эпоху цифровизации и глобализации // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2019. № 1. С. 126–129.

Аносов М. Цифровые технологии влияют на фундаментальные сферы права: к чему готовиться юристам в ближайшем будущем? // ЭЖ-Юрист. 2018. № 9.

Браво-Хуртадо П. Автоматизация отправления правосудия: обращение к трем ошибочным суждениям об искусственном интеллекте // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 181–199. DOI: 10.24031/2226-0781-2018-8-1-181-199.

Брановицкий К. Л. Понятие и значение судебного руководства рассмотрением дела по существу в гражданском процессе Германии // Закон. 2014. № 4. С. 177–186.

Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Незнамов Ал. В. и др. Цифровые технологии в цивилистическом процессе: некоторые тенденции и перспективы // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 52–95. DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-4-52-95.

Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Ярков В. В. Обеспечение единства судебной практики в России и за рубежом: в поисках баланса // Закон. 2020b. № 1. С. 69–84.

Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Ярков В. В. Судебное правотворчество в условиях пандемии коронавируса: нонсенс или необходимость? // Закон. 2020а. № 5. С. 107–117.

Василевич Г. А. Цифровизация права как средство повышения его эффективности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 32–35.

Василькова С. В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. 251 с.

Коваленко К. Е., Печатнова Ю. В., Стаценко Д. А. и др. Судья-робот как преодоление противоречий судебного усмотрения (юридические аспекты) // Юридический вестник ДГУ. 2020. № 4. С. 169–173.

Колоколов Н. А. Еще раз об искусственном интеллекте в правосудии // Уголовное судопроизводство. 2020. № 4. С. 3–6.

Константинов П. В. Цифровизация как современная угроза праву // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 149–156. DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-2-149-156.

Константинов П. Д. Судейское усмотрение, шаблонность судебных решений и природа правосудия в свете предиктивного правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 27–31.

Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.

Нагродская В. Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: науч.-метод. пособие / под ред. Л. А. Новоселовой. М.: Проспект, 2019. 128 с.

Незнамов А. В. «Цифровое просвещение», доступность правосудия и экономическая составляющая цифровизации гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 9. С. 53–57.

Талпина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17. DOI: 10.12737/art_2018_2_1.

Фокина М. А. Развитие Конституционным Судом РФ принципа состязательности в гражданском и арбитражном процессе, административном судопроизводстве (к 25-летию Конституции Российской Федерации) // Современное право. 2019. № 4. С. 72–83. DOI: 10.25799/NI.2019.57.16.004.

Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–17. DOI: 10.12737/art_2018_9_1.

Ярков В. В. Принципы гражданского процессуального права в условиях деритуализации и дематериализации правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11. С. 3–6.

Константин Леонидович Брановицкий – доктор юридических наук, магистр права (ФРГ, Киль), профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: branovitsky@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-9847-3417

Владимир Владимирович Ярков – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: yarkov5995@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-2644-5940

Possible Ways of the Civil Procedure Transformation under Digitalization and Pandemic: Predictive Justice

The development of artificial intelligence and its possible application in justice are very popular topics in various scientific forums. At the same time, discussion is focused more on general philosophical issues (a cyber judge and the limits of artificial intelligence) than on procedural aspects of the matter.

The approach proposed by the authors allows considering the practical advantages of using predictive justice in the context of Russian reality. First of all, we are talking about the possible partial filling in this way of such gap as the absence in the national doctrine of the institution «*richterliche Hinweispflicht*» developed by the German procedural doctrine. In some cases, the lack of an equal dialogue with the parties and their representatives following from this institution leads to a violation of the right to be heard («*Anspruch auf richtliches Gehör*») and the adoption of «unexpected» judgments for the participants in the proceedings. Particular emphasis is placed on digitalization and the pandemic, which are also driving the development of predictive justice. The authors substantiate the limits of the use of predictive justice based on the current concept of the judiciary.

Keywords: civil procedure, German civil procedure, right to be heard, digitalization, pandemic, judicial leadership, predictive justice

Recommended citation

Branovitskiy K. L., Yarkov V. V. Vozmozhnye napravleniya transformatsii tsivilisticheskogo protsessa v usloviyakh tsifrovizatsii i pandemii: prediktivnoe pravosudie [Possible Ways of the Civil Procedure Transformation under Digitalization and Pandemic: Predictive Justice], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 4, pp. 19–26, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_19.

References

Aliev A. Novye metody razresheniya sporov: konkurentsia i vzaimodeistvie s klassicheskimi instrumentami v epokhu tsifrovizatsii i globalizatsii [New Dispute Resolution Methods: Competition and Interaction with Classical Instruments in the Age of Digitalization and Globalization], *Herald of the Euro-Asian Law Congress*, 2019, iss. 1, pp. 126–129.

Anosov M. Tsifrovye tekhnologii vliyayut na fundamental'nye sfery prava: k chemu gotovit'sya yuristam v blizhaishem budushchem? [Digital Technologies Affect Fundamental Areas of Law: What Should Lawyers Prepare For in The Near Future?], *EZh-Yurist*, 2018, no. 9.

Branovitskiy K. L., Rents I. G., Neznamov Al. V. etc. Tsifrovye tekhnologii v tsivilisticheskom protsesse: nekotorye tendentsii i perspektivy [Digital Technology and Civil Procedure: Some Problems and Prospects], *Herald of Civil Procedure*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 52–95, DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-4-52-95.

Branovitskiy K. L., Rents I. G., Yarkov V. V. Obespechenie edinstva sudebnoi praktiki v Rossii i za rubezhom: v poiskakh balansa [Ensuring Uniformity of Judicial Practice in Russia and Abroad: Searching for Balance], *Zakon*, 2020b, no. 1, pp. 69–84.

Branovitskiy K. L., Rents I. G., Yarkov V. V. Sudebnoe pravotvorchestvo v usloviyakh pandemii koronavirusa: nonsens ili neobkhodimost'? [Judicial Rule-Making in the Context of Coronavirus Pandemic: Absurdity or Necessity?], *Zakon*, 2020a, no. 5, pp. 107–117.

Branovitskiy K. L. Ponyatie i znachenie sudebnogo rukovodstva rassmotreniem dela po sushchestvu v grazhdanskom protsesse Germanii [The Concept and Meaning of Judicial Guidance in the Consideration of the Case on the Merits in Germany Civil Procedure], *Zakon*, 2014, no. 4, pp. 177–186.

Bravo-Khurtado P. Avtomatizatsiya otpravleniya pravosudiya: obrashchenie k trem oshibochnym suzheniyam ob iskusstvennom intellekte [Automation of Administration of Justice: Towards Three Incorrect Ideas on Artificial Intellect], *Herald of Civil Procedure*, 2018, no. 1, pp. 181–199, DOI: 10.24031/2226-0781-2018-8-1-181-199.

Fokina M. A. Razvitie Konstitutsionnym Sudom RF printsipa sostyazatel'nosti v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse, administrativnom sudoproizvodstve (k 25-letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii) [Development by the Constitutional Court of the Russian Federation of the Principle of Competitiveness in Civil and Arbitration Procedure, Administrative Legal Proceedings (To the 25 Anniversary of the Constitution of the Russian Federation)], *Sovremennoe pravo*, 2019, no. 4, pp. 72–83, DOI: 10.25799/NI.2019.57.16.004.

Khabrieva T. Ya. Pravo pered vyzovami tsifrovoi real'nosti [Law Facing the Challenges of Digital Reality], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2018, no. 9, pp. 5–17, DOI: 10.12737/art_2018_9_1.

Kolokolov N. A. Eshche raz ob iskusstvennom intellekte v pravosudii [Once Again on Artificial Intelligence in Justice], *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2020, no. 4, pp. 3–6.

Konstantinov P. D. Sudeiskoe usmotrenie, shablonnost' sudebnykh reshenii i priroda pravosudiya v svete prediktivnogo pravosudiya [Judicial Discretion, Stereotypeness of Court Rulings and Nature of Justice in Light of the Predictive Justice], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2020, no. 7, pp. 27–31.

Konstantinov P. V. Tsifrovizatsiya kak sovremennaya ugroza pravu [Digitalization as a Modern Threat to Justice], *Herald of Civil Procedure*, 2019, no. 2, pp. 149–156, DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-2-149-156.

Kovalenko K. E., Pechatnova Yu. V., Statsenko D. A. etc. Sud'ya-robot kak preodolenie protivorechii sudebnogo usmotreniya (yuridicheskie aspekty) [A Robot Judge as Overcoming the Contradictions of Judicial Discretion (Legal Aspects)], *Yuridicheskii vestnik DGU*, 2020, no. 4, pp. 169–173.

Morkhat P. M. *Pravosub'ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noi sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problem* [Legal Personality of Artificial Intelligence in the Field of Intellectual Property Law: Civil Legal Problems]: doct. jur. sc. thesis, Moscow, 2018, 420 p.

Nagrodskaya V. B. *Novye tekhnologii (blokchein / iskusstvennyi intellekt) na sluzhbe prava* [New Technologies (Blockchain / Artificial Intelligence) in the Service of Law], Moscow, Prospekt, 2019, 128 p.

Neznamov A. V. «Tsifrovoe prosveshchenie», dostupnost' pravosudiya i ekonomicheskaya sostavlyayushchaya tsifrovizatsii grazhdanskogo sudoproizvodstva [«Digital Education», Accessibility of Justice and Economic Component of Digitalization of the Civil Proceedings], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2019, no. 9, pp. 53–57.

Talapina E. V. Pravo i tsifrovizatsiya: novye vyzovy i perspektivy [Law and Digitalization: New Challenges and Prospects], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2018, no. 2, pp. 5–17, DOI: 10.12737/art_2018_2_1.

Vasilevich G. A. Tsifrovizatsiya prava kak sredstvo povysheniya ego effektivnosti [Digitization of Law as a Means of Raising Its Efficiency], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2019, no. 8, pp. 32–35.

Vasil'kova S. V. *Elektronnoe pravosudie v tsivilisticheskoy protsesse* [Electronic Justice in Civil Procedure]: cand. jur. sc. thesis, Saint Petersburg, 2018, 251 p.

Yarkov V. V. Printsipy grazhdanskogo protsessual'nogo prava v usloviyakh deritualizatsii i dematerializatsii pravosudiya [Principles of Civil Procedure Law in the Conditions of Deritualization and Dematerialization of Justice], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2020, no. 11, pp. 3–6.

Konstantin Branovitskiy – doctor of juridical sciences, LL.M. (Germany, Kiel), professor of the Department of civil procedure, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: branovitsky@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-9847-3417

Vladimir Yarkov – doctor of juridical sciences, professor, head of the Department of civil procedure, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: yarkov5995@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-2644-5940

Дата поступления в редакцию / Received: 16.07.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.08.2021

В. О. Ватаманюк

Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
(Москва)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ В ГРУППОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Опыт использования института группового производства в иностранных государствах показывает, что в большинстве случаев производство по иску, направленному на защиту прав и законных интересов группы лиц, завершается заключением мирового соглашения сторон. В статье анализируется процессуальный порядок заключения мирового соглашения в групповом производстве в США, Великобритании, Швеции, Германии и Нидерландах. Показаны особенности заключения мирового соглашения при рассмотрении споров с участием многочисленной группы лиц.

Основное внимание уделено изучению процессуальных особенностей заключения мирового соглашения в зависимости от модели группового производства – opt-in или opt-out. Исследуются вопросы самостоятельного заключения мирового соглашения заинтересованными участниками группы. Выявлено, что в большинстве правовых систем, использующих модель opt-out, право на заключение мирового соглашения принадлежит лицу, ведущему дело в интересах группы лиц. По-разному решается вопрос о заключении мирового соглашения в иностранных государствах, модель группового производства которых основана на примате волеизъявления заинтересованных участников группы opt-in. Автор приходит к выводу, что наличие или отсутствие изначально выраженного согласия на присоединение к требованию группы – opt-in или opt-out – не является фактором, определяющим процессуальные особенности заключения мирового соглашения в групповом производстве иностранных государств.

Ключевые слова: *мировое соглашение, мирное урегулирование спора с участием многочисленной группы лиц, групповое производство, групповой иск, защита прав и законных интересов группы лиц, модель группового производства*

Для цитирования

Ватаманюк В. О. Заключение мирового соглашения в групповом производстве иностранных государств // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. С. 27–40. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_27.

УДК 347.92

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_27

Традиционно групповой иск рассматривается в качестве процессуального средства, направленного на защиту прав и законных интересов группы лиц, оказавшихся в одинаковых юридико-фактических обстоятельствах. Опыт использования института группового производства в иностранных государствах показывает, что в большинстве случаев производство по иску, направленному на защиту прав и законных интересов группы лиц, прекращается заключением мирового соглашения сторон [Hensler 2011: 311–314; Krans 2014: 282].

При изучении процессуального порядка заключения мирового соглашения сторон в групповом производстве иностранных государств в первую очередь возникает вопрос о том, подлежит ли оно «санкционированию» заинтересованными участниками группы.

Представляется, что дать ответ на поставленный вопрос значительно проще, если речь идет о государствах, правовые системы которых основаны на использовании модели, не требующей получения согласия на предъявление иска со стороны заинтересованных

участников группы – *opt-out*, поскольку возбуждение и дальнейшее движение группового производства *ex tunc* с самого начала поставлено в зависимость от волеизъявления лица, ведущего дело в интересах группы лиц (*group representative*) [Долганичев 2015: 22].

Напротив, сложности возникают при изучении модели группового производства, основанной на примате волеизъявления заинтересованных участников группы, – *opt-in*. Поскольку для возбуждения группового производства необходимо выражение согласия

В большинстве правовых систем заинтересованные участники группы не являются стороной группового производства [Silvestri 2016: 208]. Присоединившись к требованию, направленному на защиту прав и законных интересов группы лиц (*opt-in*), заинтересованный участник поручает ведение дела представителю группы, который наряду с ответчиком рассматривается в качестве стороны группового производства [Zimmerman 2017: 1064; Ходыкин 2010: 135]. По существу, аналогичные процессуальные последствия предусмотрены в иностранных государствах, в которых возбуждение и дальнейшее движение группового производства не ставятся в зависимость от волеизъявления заинтересованных участников группы (*opt-out*). Предъявив требование от имени многочисленной группы, один из ее участников становится стороной производства, направленного на защиту прав и законных интересов группы лиц.

Можно увидеть, что вне зависимости от модели группового производства – *opt-in* или *opt-out* – право на представление интересов принадлежит лицу, ведущему дело в интересах группы лиц. В большинстве случаев именно оно рассматривается в качестве стороны группового производства, олицетворяет группу. Лицо, ведущее дело в интересах группы лиц, вправе совершать распорядительные процессуальные действия, направленные на изменение и (или) прекращение процессуальных правоотношений.

Рассмотрим особенности заключения мирового соглашения в групповом производстве разных государств.

США

В подавляющем большинстве случаев производство по групповому иску прекращается заключением мирового соглашения сторон [Jolowicz 2009; Буробина 2012: 442; Осаке 2003: 145; Туманов 2021]. Правилом 23 (е) Федеральных правил гражданского процесса *expressis verbis* прямо предусмотрено, что производство по групповому иску может быть окончено в результате заключения мирового соглашения сторон.

По смыслу процессуального закона право на заключение мирового соглашения принадлежит лицу, ведущему дело в интересах группы лиц, поскольку возбуждение груп-

---

Вне зависимости от модели группового производства – *opt-in* или *opt-out* – право на представление интересов принадлежит лицу, ведущему дело в интересах группы лиц

заинтересованных участников группы *opt-in*, можно предположить, что такое же волеизъявление требуется для заключения мирового соглашения сторон. Очевидно, что такое последовательное решение вопроса основано на превалирующем значении воли и волеизъявления многочисленных участников группы, а также на самостоятельном учете их интересов при совершении распорядительных действий, направленных на прекращение процессуальных правоотношений.

Однако, как будет показано в настоящей работе, процессуальный порядок заключения мирового соглашения в групповом производстве иностранных государств не всегда соответствует тем принципам, которые положены в основу разграничения моделей *opt-in* и *opt-out*.

Перед тем как перейти к рассмотрению процессуального порядка заключения мирового соглашения сторон в групповом производстве иностранных государств, необходимо выяснить, сохраняется ли у заинтересованных участников группы возможность влиять на движение производства по групповому иску после присоединения к требованию, направленному на защиту прав и законных интересов группы лиц. Иначе говоря, вправе ли заинтересованные участники группы самостоятельно совершать распорядительные процессуальные действия, направленные на изменение и (или) прекращение процессуальных правоотношений?

пового производства не требует выражения волеизъявления со стороны заинтересованных участников группы (*opt-out*) [Звиер, Ярков 2020: 147]. Представляется, что одной из главных причин подобного решения вопроса выступает многочисленность группы, образующаяся за счет автоматического включения в ее состав заинтересованных участников, оказавшихся в одинаковой юридико-фактической ситуации (*opt-out*). Несмотря на свой утилитарный характер, процессуальный порядок, при котором право на заключение мирового соглашения принадлежит лицу, ведущему дело в интересах группы лиц, позволяет обеспечить своевременное рассмотрение и разрешение требований многочисленных участников группы, а также исключить возникновение между ними конфликтов.

В целях обеспечения процессуальных гарантий заинтересованных участников группы процессуальный закон предоставляет им право на подачу возражений относительно условий мирового соглашения сторон. Будучи несогласными с условиями мирового соглашения, заинтересованные участники вправе подать заявление о выходе из группы (*opt-out*) [Аболонин 2015]. В таком случае они не утрачивают права на предъявление к ответчику иска в индивидуальном порядке [Бернэм, Решетникова, Ярков 1996: 134].

Согласованное между сторонами группового иска мировое соглашение представляется в суд, ведущий производство по делу. Он устанавливает срок, в течение которого заинтересованные участники вправе направить свое заявление о выходе из группы либо представить возражения относительно условий мирового соглашения сторон.

В большинстве случаев предложение о заключении упомянутого соглашения направляется на ранних стадиях группового производства. Это имеет неоспоримые преимущества, поскольку урегулирование спора на первоначальном этапе позволяет минимизировать издержки, связанные с дальнейшим рассмотрением и разрешением группового иска. В силу того что предложение о заключении мирового соглашения, как правило, направляется до прохождения процедуры сертификации группы (*certification*), заинтересованные участники получают смешанное уведомление, содержащее как информацию о сертификации иска в качестве группового,

так и информацию, касающуюся условий мирового соглашения сторон [Долгачев 2017: 138].

Следует при этом иметь в виду, что если мировое соглашение заключается до прохождения процедуры сертификации группы, суд осуществляет сертификацию для целей мирового соглашения сторон [Schwarzer 1995: 840–841; Erichson 2014: 952]. Верховный Суд США в деле *Amchem Products, Inc. v. Windsor* 521 U. S. 591 (1997) обратил внимание на то, что требования, касающиеся сертификации группы, подлежат применению при рассмотрении вопроса об утверждении мирового соглашения сторон [Schwarzer 1995: 840–841].

На практике широкую популярность получила оговорка о том, что мировое соглашение не подлежит утверждению судом, если общее количество участников группы, заявивших о своем желании выйти из нее, превысит определенный процент [Alexander 2000: 9]. Нетрудно заметить, что подобное условие нацелено на обеспечение правовой определенности и предсказуемости результатов примирения сторон, поскольку позволяет оценить возможные случаи предъявления исков к ответчику в индивидуальном порядке.

Мировое соглашение подлежит обязательному утверждению судом. Суд принимает решение об утверждении мирового соглашения только в том случае, если его условия являются адекватными, разумными и справедливыми (правило 23 (e) (2) [Macey, Miller 2009: 170–173]. Если условия соглашения предоставляют преимущества ответчику или лицу, ведущему дело в интересах группы лиц, суд выносит определение об отказе в утверждении соглашения (см., например: *Polar Int'l Brokerage Corp. v. Reeve*, 187 F. R. D. 108 (S. D. N. Y. 1999)).

В целях исполнения определения об утверждении мирового соглашения во многих случаях стороны договариваются об открытии специальных фондов либо эскроу-счетов, на которые зачисляются денежные средства или их эквивалент, подлежащие выплате заинтересованным участникам группы. В результате в мировом соглашении часто можно встретить упоминание о специальной организации, осуществляющей выплату денежных средств или их эквивалента, причитающегося заинтересованным участникам группы.

Опыт использования института группового производства в США показывает, что денежные средства, оставшиеся после выплаты заинтересованным участникам группы, нередко направляются на реализацию социально значимых проектов либо возвращаются ответчику.

Определенным своеобразием обладает также законная сила определения об утверждении мирового соглашения сторон (*res judicata*), чье действие распространяется на всех заинтересованных участников группы за исключением тех, кто отказался от участия в групповом производстве (*opt-out*) [Дэвис 2010: 145].

Несмотря на широкую популярность инструментов мирного урегулирования группового спора многие исследователи указывают на отрицательные последствия функционирования института группового производства в США [Hodges 2010: 716; Hay, Rosenberg 2000: 1378; Шак 2006: 400]. Есть несколько причин их возникновения [Jolowicz 2000: 114]. С одной стороны, это желание ответчика минимизировать размер денежных средств или их эквивалента, подлежащего выплате заинтересованным участникам группы, с другой – стремление адвокатов получить наибольшее вознаграждение, причитающееся им в результате заключения сторонами мирового соглашения [Rotenberg, Jacobs 2016: 307; Biard 2014: 33]. В итоге остаются незащищенными интересы заинтересованных участников группы. Представляется, что только за счет активной роли суда при рассмотрении и утверждении мирового соглашения можно избежать ситуаций, при которых интересы заинтересованных участников группы фактически остаются в «тени» [Forde 1978: 23].

Великобритания

В настоящее время идет процесс поиска оптимальной модели процессуального механизма защиты прав и законных интересов группы лиц. В стране действует несколько моделей группового производства [Andrews 2013: 1]. В рамках представительского производства (*representative proceedings*) стороной выступает лицо, обратившееся в суд в защиту прав и законных интересов группы лиц. В силу того что представительское производство не требует получения согласия заинтересованных участников группы (*opt-out*),

полномочия на заключение мирового соглашения принадлежат лицу, ведущему дело в интересах группы лиц [Эндрюс 2012: 336].

В соответствии с Правилами гражданского судопроизводства Англии 1998 г. (*Civil Procedure Rules*) суд утверждает мировое соглашение сторон, достигнутое в ходе представительского производства, если установит, что оно заключено в интересах всех заинтересованных участников группы.

В отличие от представительского производства, основанного на необходимости наличия у участников группы общего интереса, правовые нормы, регламентирующие приказ о групповом производстве (*group litigation order*), в качестве условия, необходимого для возбуждения группового производства, устанавливают наличие общих для заинтересованных участников группы вопросов права и факта.

Производство, осуществляемое на основании приказа о групповом производстве, основано на необходимости выражения волеизъявления заинтересованными участниками группы (*opt-in*) [Jolowicz 2009; Долганичев 2015: 21]. Одной из ключевых особенностей данного приказа является наделение лиц, присоединившихся к требованию, направленному на защиту прав и законных интересов группы лиц, статусом *стороны группового производства* [Andrews 2012: 178]. По этой причине заинтересованные участники группы *ex lege* обладают правом на заключение с ответчиком мирового соглашения в индивидуальном порядке.

Правила гражданского судопроизводства не содержат специальных положений, определяющих особенности утверждения мирового соглашения, достигнутого при рассмотрении иска по правилам приказа о групповом производстве. Несмотря на наличие в английском гражданском процессе строгих правил, возлагающих на судью обязанность по эффективному управлению судебным процессом (*case management*), в литературе отмечается, что в рамках утверждения мирового соглашения по правилам приказа о групповом производстве суд, по существу, выполняет формальную роль (см., например: *Motto & Ors v. Trafigura Ltd & Anor. 2011. EWHC 90201*). Думается, что такой подход

основан на идее свободы договора, а также на признании автономии воли заинтересованных участников общественных отношений.

Следует, однако, иметь в виду, что в том случае, когда мировое соглашение заключается непосредственно заинтересованными участниками группы, суд при вынесении решения об утверждении этого соглашения может оценить, насколько его принятие повлияет на рассмотрение требований остальных участников группы.

Ученые отмечают, что названные формы защиты прав и законных интересов группы лиц не получили широкого применения в английском гражданском процессе [Mulheron 2008: 7]. Причин тому несколько: во-первых, проблемы, связанные с не совсем удачным изложением законодательных конструкций существующих институтов (законодательный аспект), во-вторых, опасения по поводу возможного взыскания судебных расходов, которые могут быть возложены на заинтересованных участников группы (правоприменительный аспект), в-третьих, низкая степень активности потерпевших лиц, а также отсутствие полной информации о групповом производстве и его процессуальных возможностях (социологический и информационный аспект) [Mulheron 2007; Andrews 2012; Higgins, Zuckerman 2013: 12].

Одной из новелл института группового иска в Англии можно считать появление производства, направленного на защиту коллективных интересов участников конкурентных отношений (*collective proceedings*) [Naar 2018: 223; Graham 2017: 441]. Будучи естественной реакцией на недостатки правового регулирования указанных выше форм защиты прав и законных интересов многочисленной группы лиц, данный институт предусмотрел возможность диспозитивного выбора модели группового производства – *opt-in* или *opt-out*, а также гибкие условия формирования группы, связанные с наличием общих для всех заинтересованных участников вопросов права и факта [Wisking, Allen 2020].

Детальную регламентацию получили также правила заключения мирового соглашения. По модели *opt-out* стороной группового производства выступает лицо, ведущее дело в интересах группы лиц и обладающее полномочиями по заключению мирового согла-

шения сторон (раздел 49А (2) Закона о защите конкуренции 1998 г. (*Competition Act*)). В случае пассивного соучастия в рамках группового производства Закон предусматривает возможность заключения мирового соглашения с одним или несколькими ответчиками (раздел 49А (4)). Суд утверждает мировое соглашение, если найдет, что его условия являются справедливыми и разумными для заинтересованных участников группы.

Важно иметь в виду, что вне зависимости от формы коллективной защиты действие мирового соглашения *ex lege* не распространяется на заинтересованных участников группы, отказавшихся от участия в групповом производстве.

Швеция

Опыт функционирования института группового производства в Швеции свидетельствует о том, что приблизительно одна четвертая дел завершаются заключением мирового соглашения сторон [Hodges, Voet 2018: 140; Rydberg, Hanson 2019: 191]. В отличие от многих иностранных государств, в Швеции правовое регулирование данного института осуществляется на основании отдельного законодательного акта – Закона о групповом производстве 2002 г. При этом отношения, связанные с рассмотрением групповых исков и не урегулированные указанным Законом, регламентируются Процессуальным кодексом Швеции 1948 г.

Несмотря на то что нормативная модель группового иска в Швеции основана на необходимости выражения волеизъявления заинтересованными участниками (*opt-in*) [Yuthayotin 2015: 189], лица, присоединившиеся к требованию, направленному на защиту прав и законных интересов группы лиц, *ipso jure* не рассматриваются в качестве стороны группового производства [Lindblom 2008: 12]. Его стороной выступает лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц и наряду с ответчиком находится в процессуальном общении с судом, рассматривающим дело.

В то же время заинтересованные участники группы, формально-юридически не являясь стороной группового производства, наделены отдельными процессуальными правами стороны на основании общих положений Процессуального кодекса Швеции. В частности, присоединившиеся участники имеют

право заявлять отводы составу суда и другим участникам процесса, участвовать в доказательственной деятельности. В юридической литературе обращается внимание на то, что перечень процессуальных прав заинтересованных участников группы не является исчерпывающим [Harsági, Rhee 2014: 249].

Полномочиями по заключению мирового соглашения обладает лицо, ведущее дело в интересах группы лиц; по смыслу процессуального закона оно должно добросовестно и разумно представлять права и законные интересы заинтересованных участников группы [Lindblom 2009: 16].

В соответствии с Законом о групповом производстве Швеции мировое соглашение подлежит обязательному утверждению судом (раздел 26). Суд утверждает соглашение, если найдет, что его условия справедливы и не носят дискриминационного характера по отношению к отдельным участникам группы.

К сожалению, законодательство о групповом производстве Швеции не предусматривает возможности заключения с ответчиком мирового соглашения в индивидуальном порядке. В частности, в одном из дел суд, отказывая в утверждении мирового соглашения, заключенного отдельными участниками группы, указал, что оно должно быть заключено от имени всех заинтересованных участников группы (*Guy Falk & Lisbeth Frost. District Court of Gothenburg, 2012. T 7211-03. NCC AB*).

Вместе с тем отдельные авторы считают заключение мирового соглашения от имени отдельной подгруппы допустимым [Harsági, Rhee 2014: 249]. Представляется, что такой подход заслуживает особого внимания. Поскольку многочисленная группа лиц может быть весьма неоднородной по составу, обеспечить достижение согласия между всеми заинтересованными участниками группы в большинстве случаев оказывается невозможным или, по крайней мере, затруднительным. Следовательно, интересы заинтересованных участников группы, желающих окончить производство по делу посредством заключения мирового соглашения сторон, не могут ограничиваться без разумных и достаточных оснований.

Думается, что в пользу такого подхода говорит наличие в Законе о групповом производстве Швеции специальных положений

о порядке образования и деятельности отдельных подгрупп. Даже несмотря на то что в Законе отсутствует прямое указание на возможность заключения мирового соглашения от имени отдельной подгруппы, в нем говорится, что заинтересованные участники группы, входящие в состав отдельной подгруппы, имеют право выражать групповое мнение по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам (раздел 20).

Субъективные пределы законной силы определения об утверждении мирового соглашения сторон распространяются на всех присоединившихся участников группы. Исключения составляют лица, отказавшиеся от участия в групповом производстве (*opt-out*) [Jelsma, Cordewener 2011: 14; Lindblom 2009: 16].

Нидерланды

В качестве *sui generis* выступает правовой механизм мирного урегулирования требований участников многочисленной группы лиц. Важным этапом в развитии института группового производства в государстве стало принятие в 2005 г. Закона о коллективном урегулировании споров по причинению массового ущерба. Фактически его нормы были положены в основу Гражданского кодекса Нидерландов (ст. 907–910 кн. 7) и Гражданского процессуального кодекса Нидерландов (ст. 1013).

Согласно ст. 3:305а, 3:305b Гражданского кодекса Нидерландов ассоциации и фонды, а также юридические лица публичного права имеют право на принесение группового иска в целях защиты прав и законных интересов многочисленной группы лиц. В силу того что для возбуждения группового производства не требуется выражения согласия заинтересованных участников группы (*opt-out*), в качестве стороны группового производства рассматривается лицо, обратившееся в суд в защиту прав и законных интересов группы лиц.

В последние годы институт группового производства в Нидерландах претерпел значительные изменения. Действовавшее прежде законодательство ограничивало ассоциации и фонды правом на предъявление иска о признании наличия или отсутствия определенного правоотношения (декларативный групповой иск). Возмещение заинтересованным участникам группы денежных средств

или иного имущества осуществлялось двумя способами: посредством предъявления иска к ответчику в индивидуальном порядке либо заключения мирового соглашения сторон.

С июля 2019 г. ассоциации и фонды наделены правом предъявления иска о взыскании денежных средств (групповой иск о взыскании).

В настоящее время существенно изменены требования, предъявляемые к представительским организациям: они должны продемонстрировать способность эффективно представлять интересы многочисленной группы лиц. Представительские организации должны пройти специальный тест, который демонстрирует возможность лица, ведущего дело в интересах группы, надлежащим образом представлять права и законные интересы «отсутствующих» участников процесса [Tjeenk, Heeswijk 2019: 135]. Действующее законодательство предписывает представительской организации в течение двух дней после предъявления группового иска зарегистрировать заявление в центральном реестре групповых исков. Помимо нее предъявить аналогичные требования могут иные представительские организации. В случае предъявления иска несколькими представительскими организациями суд выбирает ведущего истца-представителя [Там же].

Мировое соглашение между одной или несколькими представительскими организациями и противоположной стороной спора подлежит утверждению вышестоящим судом – Амстердамским апелляционным судом [Roo, Jagtenberg 2018: 253–254]. Информация о мирном урегулировании спора направляется заинтересованным участникам группы, которые вправе в течение срока, установленного судом, представить свои возражения относительно условий мирового соглашения либо подать заявление о выходе из группы (*opt-out*) [Zekoll 2019: 27].

Следует иметь в виду, что одной из отличительных особенностей законодательства о групповом производстве Нидерландов является то, что к содержанию мирового соглашения предъявляются повышенные требования. В силу ст. 7:907 (3) Гражданского кодекса Нидерландов помимо решения вопросов справедливого и разумного определения размера денежных средств, подлежащих выплате заинтересованным участникам группы, суд проверяет правильность определения состава

группы, а также анализирует наличие в мировом соглашении условия о разрешении споров, которые могут возникнуть при его исполнении. Кроме того, суд вправе отказать в утверждении мирового соглашения сторон, если в результате подачи заявления о выходе из группы общее количество участников окажется незначительным [Lith 2010: 17; Hensler 2011: 311].

В. ван Бум отмечает, что при рассмотрении вопроса об утверждении мирового соглашения, достигнутого в порядке группового производства, суд, по существу, реализует своеобразную функцию гестора (*negotiorum gestor*) в отношении «отсутствующих» участников процесса [Boom 2009: 12].

Имея договорную природу, мировое соглашение может предусматривать условие о том, что оно считается не заключенным, если общее количество участников группы, заявивших о выходе из нее, превысит определенный процент [Krans 2014: 288]. В частности, такая оговорка была включена в мировое соглашение, заключенное в рамках рассмотрения дела о массовом причинении вреда здоровью, вызванном употреблением фармацевтических препаратов марки *DES (Amsterdam Court of Appeal, 1 June 2006, LJN AX6440, NJ 2006/461)*. Напротив, такое условие отсутствовало в мировом соглашении, достигнутом в рамках рассмотрения дела с участием вкладчиков банка *Dexia*. В результате более 24 тыс. участников группы заявили о своем отказе от участия в групповом производстве и предъявили к ответчику требования в индивидуальном порядке [Boom 2009: 20]. В связи с этим отдельные ученые стали скептически относиться к институту группового производства [Там же].

Германия

Обладая в значительной степени индивидуалистским характером, немецкая система мирного урегулирования групповых исков существенно отличается от своих зарубежных аналогов. В настоящее время в Германии существует две модели группового производства; обе они не универсальны и действие их распространяется лишь на ограниченный круг общественных отношений [Малешин 2020: 100].

Первая модель предусмотрена Модельным законом о рассмотрении дел на финансовом рынке 2005 г., чье действие рас-

пространяется на требования о возмещении вреда, вызванного в результате распространения на фондовом рынке ложной, вводящей в заблуждение информации, ее сокрытия и использования, а также на требования об исполнении договорных обязательств, основанных на предложении, предусмотренном Законом о приобретении акций и поглощении.

В 2018 г. Гражданское процессуальное уложение Германии было дополнено положениями, регулирующими институт группового производства [Nagy 2019: 80]. В частности, модельным декларативным производством специализированные организации по защите прав потребителей были наделены правом по обращению в суд с заявлением о вынесении декларативного решения. Поданное заявление считается приемлемым, если к нему присоединилось не менее 50 лиц. Модельное декларативное производство не ограничено конкретной сферой общественных отношений, но распространяет свое действие лишь на споры с участием потребителей [Кудрявцева, Вторушин 2021: 54].

Важно иметь в виду, что обе модели группового производства Германии, следуя континентальным канонам и традициям, присущим немецкой правовой системе, предусматривают необходимость выражения заинтересованными участниками группы согласия на участие в групповом производстве (*opt-in*) [Bosters 2017: 31].

Процессуальные особенности заключения мирового соглашения по делам, направленным на защиту прав и законных интересов группы лиц, также несут на себе отпечаток идей, тесно связанных со свободой договора, автономией воли и имущественной самостоятельностью участников оборота. В результате вопрос об утверждении мирового соглашения сторон поставлен в зависимость от волеизъявления участников группы. Согласно ст. 17 (1) Модельного закона о рассмотрении дел на финансовом рынке суд утверждает мировое соглашение, если общее количество заинтересованных участников группы, отказавшихся от участия в заключении мирового соглашения сторон, не превышает 30 % [Naag 2018: 229]. При рассмотрении вопроса об утверждении мирового соглашения сторон суд оценивает условия соглашения с точки зрения соответствия закону, а также требованиям справедливости и соразмерности [Harsági, Rhee 2014: 249].

В отличие от группового производства в области разрешения споров на финансовом рынке, модельное декларативное производство, регламентированное в кн. 6 Гражданского процессуального уложения Германии, не предусматривает возможности принесения иска о взыскании денежных средств (групповой иск о взыскании). Специализированные организации и союзы в области защиты прав потребителей имеют право на обращение в суд с иском о признании наличия или отсутствия правоотношения (декларативный групповой иск). В случае удовлетворения иска специализированной ассоциации или союза заинтересованные участники группы вправе предъявить к ответчику свои требования в индивидуальном порядке [Nagy 2019: 80].

В то же время при рассмотрении декларативного группового иска специализированных ассоциаций и союзов процессуальный закон предусматривает возможность заключения мирового соглашения сторон, условия которого предусматривают выплату заинтересованным участникам группы денежных средств или их эквивалента. Факт заключения мирового соглашения препятствует дальнейшему предъявлению к ответчику иска в индивидуальном порядке. По аналогии с процессуальным порядком мирного урегулирования споров на финансовом рынке § 611 (5) Гражданского процессуального уложения Германии устанавливает, что суд утверждает мировое соглашение, если общее количество заинтересованных участников группы, отказавшихся от участия в заключении мирового соглашения сторон, не превышает 30 % [Balz 2019: 74].

Примером заключения мирового соглашения, предусматривающего выплату заинтересованным участникам группы денежных средств или их эквивалента, служит декларативный групповой иск Федерального союза потребителей Германии к автомобильному концерну *Volkswagen*. В ходе рассмотрения группового дела к заявлению союза присоединилось более 400 тыс. владельцев дизельных транспортных средств *Volkswagen*, пострадавших в результате установки специальных устройств, занижающих реальные показатели выбросов вредных веществ. В феврале 2020 г. суд Брауншвейга утвердил мировое соглашение между союзом и концерном на общую сумму 812 млн евро.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что законодательство о групповом производстве США, Великобритании, Швеции, Германии и Нидерландов содержит специальные положения, регулирующие порядок заключения мирового соглашения по делам, направленным на защиту прав и законных интересов группы лиц. В большинстве случаев право на заключение мирового соглашения принадлежит лицу, ведущему дело в интересах группы лиц. По общему правилу, процессуальное законодательство иностранных государств не предусматривает необходимости получения согласия заинтересованных участников группы на заключение мирового соглашения.

В целях защиты прав и законных интересов заинтересованных участников группы процессуальное законодательство иностранных государств закрепляет специальные критерии, на основании которых суд принимает решение об утверждении мирового соглашения сторон. Принимая это решение, суд обеспечивает защиту прав и законных интересов «отсутствующих» участников процесса.

В силу того что право на заключение мирового соглашения принадлежит лицу, ведущему дело в интересах группы лиц, процессуальное законодательство иностранных государств предоставляет заинтересованным участникам группы право на подачу возражений относительно условий мирового соглашения сторон. Будучи несогласными с его условиями, заинтересованные участники группы вне зависимости от модели группового производства – *opt-in* или *opt-out* – имеют право на подачу заявления об отказе от участия в групповом производстве. В случае подачи такого заявления заинтересованное лицо не лишается права на предъявление к ответчику иска в индивидуальном порядке.

Можно прийти к заключению, что само по себе наличие или отсутствие изначально выраженного согласия на присоединение к требованию группы – *opt-in* или *opt-out* – не является фактором, определяющим процессуальные особенности заключения мирового соглашения в групповом производстве иностранных государств.

Список литературы

- Alexander J. C.* An Introduction to Class Action Procedure in the United States. Debates over Group Litigation in Comparative Perspective. Geneva, 2000. 26 p.
- Andrews N.* Multi-Party Litigation in England // University of Cambridge Faculty of Law Research Paper. 2013. Vol. 2013. № 39. P. 1–15.
- Andrews N.* The Three Paths of Justice. Court Proceedings, Arbitration and Mediation in England. Springer, 2012. 296. p.
- Balz H.* Germany // The Class Actions Law Review / ed. by C. Sanger. 3rd ed. London: Law Business Research Ltd., 2019. P. 70–80.
- Biard A.* Judges and Mass Litigation: A (Behavioural) Law and Economics Perspective // Erasmus University Rotterdam. 2014. Vol. 2014. № 2. P. 39–49.
- Boom W. H.* Collective Settlement of Mass Claims in The Netherlands // Auf dem Weg zu einer europäischen Sammelklage? / ed. by M. Casper, A. Janssen, P. Pohlmann etc. Munich: Sellier European Law Publishers, 2009. P. 259–275.
- Bosters T.* Collective Redress and Private International Law in the EU. Springer, 2017. 268 p.
- Erichson H. M.* The Problem of Settlement Class Actions // The George Washington Law Review. 2014. Vol. 82. № 3. P. 951–989.
- Forde K. M.* Settlement of the Class Action. Litigation // Negotiation and Settlement. 1978. Vol. 5. № 1. P. 23–26.
- Graham C.* Consumer ADR and Collective Redress // The New Regulatory Framework for Consumer Dispute Resolution / ed. by P. Cortés. Oxford Scholarship Online, 2017. P. 427–446.
- Haar B.* Regulation through Litigation – Collective Redress in Need of a New Balance between Individual Rights and Regulatory Objectives in Europe // Theoretical Inquiries in Law. 2018. Vol. 19. № 1. P. 203–233.
- Hársági V., Rhee C. H.* Multi-Party Redress Mechanisms in Europe: Squeaking Mice? Intersentia, 2014. 261 p.

- Hay B., Rosenberg D.* Sweetheart and Blackmail Settlements in Class Actions: Reality and Remedy // *Notre Dame Law Review*. 2000. Vol. 75. № 4. P. 1377–1408.
- Hensler D. R.* The Future of Mass Litigation: Global Class Actions and Third-Party Litigation Funding // *The George Washington Law Review*. 2011. Vol. 79. № 2. P. 306–323.
- Higgins A., Zuckerman A.* Class Actions in England? Efficacy, Autonomy and Proportionality in Collective Redress // *Oxford University Press. Legal Research Paper Series*. 2013. Vol. 2013. № 93. P. 1–46.
- Hodges C.* Collective Actions // *The Oxford Handbook of Empirical Legal Research* / ed. by P. Cane, H. M. Kritzer. Oxford University Press, 2010. P. 707–724.
- Hodges C., Voet S. M.* Delivering Collective Redress: New Technologies. Hart Publishing, 2018. 368 p.
- Jelsma K., Cordewener M.* The Settlement of Mass Claims: A Hot Topic in The Netherlands // *The International Law Quarterly*. 2011. P. 13–20.
- Jolowicz J. A.* Civil Litigation: What Is It For? // *The Civil Procedure Rules Ten Years On* / ed. by D. Dwyer. Oxford University Press, 2009. P. 51–63.
- Jolowicz J. A.* On Civil Procedure. Cambridge University Press, 2000. 425 p.
- Krans B.* The Dutch Act on Collective Settlement of Mass Damages // *Global Business & Development Law Journal*. 2014. Vol. 27. № 2. P. 281–301.
- Lindblom P. H.* Global Class Actions – National Report: Group Litigation in Sweden. Uppsala University, 2008. P. 1–25.
- Lindblom P. H.* Group Litigation in Scandinavia. ERA Forum // *Journal of the Academy of European Law*. 2009. Vol. 10. P. 7–35.
- Lith H.* The Dutch Collective Settlements Act and Private International Law. Erasmus School of Law. Erasmus University Rotterdam, 2010. 151 p.
- Macey J. R., Miller G. P.* Judicial Review of Class Action Settlements // *Journal of Legal Analysis*. 2009. Vol. 1. № 1. P. 167–205.
- Mulheron R.* Justice Enhanced: Framing an Opt-Out Class Action for England // *The Modern Law Review*. 2007. Vol. 70. № 4. P. 550–580.
- Mulheron R.* Reform of Collective Redress in England and Wales: A Perspective of Need // *Civil Justice Council*. 2008. 161 p.
- Nagy C. I.* Collective Actions in Europe. A Comparative, Economic and Transsystemic Analysis. Springer, 2019. 122 p.
- Roo A., Jagtenberg R.* «Shadow of the Law» or «Shadow of the Settlement»: Experiences with the Dutch Act on Collective Settlement of Mass Damage (WCAM) // *Transformation of Civil Justice* / ed. by A. Uzelac, C. H. Rhee. Springer, 2018. P. 249–266.
- Rotenberg M., Jacobs D.* Enforcing Privacy Rights: Class Action Litigation and the Challenge of cy pres // *Enforcing Privacy. Regulatory, Legal and Technological Approaches* / ed. by D. Wright, P. Hert. Springer, 2016. P. 307–334.
- Rydberg M., Hanson O.* Sweden // *The Class Actions Law Review* / ed. by C. Sanger. 3rd ed. London: Law Business Research Ltd., 2019. P. 133–146.
- Schwarzer W. W.* Settlement of Mass Tort Class Actions: Order Out of Chaos // *Cornell Law Review*. 1995. Vol. 80. № 4. P. 837–844.
- Silvestri E.* Group Actions À La Mode Européenne: A Kinder, Gentler Class Action for Europe? // *The Dynamism of Civil Procedure – Global Trends and Developments* / ed. by C. B. Picker, G. I. Seidman. Springer, 2016. P. 203–215.
- Tjeenk J. L., Heeswijk B.* Netherlands // *The Class Actions Law Review* / ed. by C. Sanger. 3rd ed. London: Law Business Research Ltd., 2019. P. 133–146.
- Wisking S., Allen R.* Taking Stock of the Collective Proceedings Regime in the Competition Appeal Tribunal – A Successful Compromise? // *The Civil Procedure Rules at 20* / ed. by A. Higgins. Oxford University Press, 2020. P. 109–110.
- Yuthayotin S.* Access to Justice in Transnational B2C E-Commerce. A Multidimensional Analysis of Consumer Protection Mechanisms. Springer, 2015. 316 p.

Zekoll J. Comparative Civil Procedure // The Oxford Handbook of Comparative Law / ed. by M. Reimann, R. Zimmermann. 2nd ed. Oxford University Press, 2019. P. 1306–1340.

Zimmerman A. S. The Global Convergence of Global Settlements // Kansas Law Review. 2017. Vol. 65. № 1053. P. 1053–1091.

Аболонин Г. О. Правовой режим группового иска в США // Вестник гражданского процесса. 2015. № 3. С. 169–252.

Бернэм У., Решетникова И. В., Ярков В. В. Судебная реформа: проблемы гражданской юрисдикции. Екатеринбург: Изд-во Гуманитар. ун-та, 1996. 150 с.

Буробина Е. В. Групповые иски: зарубежный опыт и российские перспективы // Актуальные проблемы гражданского права. 2012. Вып. 14. С. 417–460.

Долганичев В. В. «Opt-in» против «opt-out»: две различные модели формирования группы в групповом производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 2. С. 20–24.

Долганичев В. В. Возбуждение и подготовка дел группового производства. М.: Статут, 2017. 176 с.

Дэвис С. Групповые иски: «спасательный жилет» для инвесторов и акционеров или верный путь к катастрофе для общества и «золотая жила» для юристов // Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа. 2010. № 1. С. 144–150.

Звиер П., Ярков В. В. Групповые иски в правовой истории США и России: в поисках оптимальной модели // Вестник гражданского процесса. 2020. № 1. С. 143–197.

Кудрявцева Е. В., Вторушин И. О. Групповые иски в зарубежных странах: история и современность // Закон. 2021. № 2. С. 46–57.

Малешин Д. Я. Новеллы групповых исков // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 94–103.

Осакве К. Классовый иск (class action) в современном американском гражданском процессе // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 137–147.

Туманов Д. А. Групповые иски и общественные интересы (некоторые вопросы) // Закон. 2021. № 2. С. 65–67.

Ходыкин Р. М. Некоторые вопросы применения новых положений Арбитражного процессуального кодекса РФ о групповом производстве // Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа. 2010. № 1. С. 132–143.

Шак Х. Ведение процесса в защиту чужих прав // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2006. № 4. С. 385–401.

Эндрюс Н. Система гражданского процесса Англии: судебное разбирательство, медиация и арбитраж / пер. с англ.; под. ред. Р. М. Ходыкина. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 544 с.

Владислав Олегович Ватаманюк – аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9. E-mail: vladislav.vatamanyuk@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-3416-3989

Conclusion of a Settlement Agreement in the Group Proceedings of Foreign Countries

The experience of using the institution of group proceedings in foreign countries illustrates that most cases end with the conclusion of a settlement agreement between the parties. The article reviews the procedure features of concluding a settlement agreement in the group proceedings of the United States, Great Britain, Sweden, Germany and the Netherlands, shows the procedural features of the conclusion of a settlement agreement when considering disputes involving a large group of members.

The main attention is paid to the procedural features of the conclusion of a settlement agreement depending on the model of group proceedings – opt-in or opt-out. The author studies an issue of independent conclusion of a settlement agreement by the group members. It is discovered that in

most legal systems that are based on the opt-out proceedings the right to conclude a settlement agreement belongs to the group representative. The issue of concluding a settlement agreement in foreign countries that base group proceeding on the primacy of the will of the group members of the opt-in group is resolved in different ways. The author concludes that the presence or absence of an initially expressed consent to join the group's action – opt-in or opt-out – is not a factor that determines the procedural features of concluding a settlement agreement in the group proceedings of foreign countries.

Keywords: settlement agreement, amicable settlement of a dispute involving a large group of members, group action, group proceedings, protection of the rights and legitimate interests of a group of persons, model of group proceedings

Recommended citation

Vatamanyuk V. O. Zaklyuchenie mirovogo soglasheniya v gruppovom proizvodstve inostrannykh gosudarstv [Conclusion of a Settlement Agreement in the Group Proceedings of Foreign Countries], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 4, pp. 27–40. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_27.

References

Abolonin G. O. Pravovoi rezhim gruppovogo iska v SShA, [Legal Mechanism of the Class Action in the United States], *Herald of Civil Procedure*, 2015, no. 3, pp. 169–252.

Alexander J. C. An Introduction to Class Action Procedure in the United States, *Debates over Group Litigation in Comparative Perspective*, Geneva, 2000, p. 9.

Andrews N. Multi-Party Litigation in England, *University of Cambridge Faculty of Law Research Paper*, 2013, vol. 2013, no. 39, pp. 1–15.

Andrews N. *The Three Paths of Justice, Court Proceedings, Arbitration and Mediation in England*, Springer, 2012, 296 p.

Balz H. Germany, Sanger. C. (ed.) *The Class Actions Law Review*, London, Law Business Research Ltd., 2019, pp. 70–80.

Bernem U., Reshetnikova I. V., Yarkov V. V. *Sudebnaya reforma: problemy grazhdanskoi yurisdiktsii* [Judicial Reform: Problems of Civil Jurisdiction], Ekaterinburg, Izd-vo Gumanitar. un-ta, 1996, 150 p.

Biard A. Judges and Mass Litigation: A (Behavioural) Law and Economics Perspective, *Erasmus University Rotterdam*, 2014, vol. 2014, no. 2, pp. 39–49.

Boom W. H. *Collective Settlement of Mass Claims in The Netherlands*, Casper M., Janssen A., Pohlmann P. etc. (eds.), *Auf dem Weg zu einer europäischen Sammelklage?*, Munich, Sellier European Law Publishers, 2009, pp. 259–275.

Bosters T. *Collective Redress and Private International Law in the EU*, Springer, 2017, 268 p.

Burobina E. V. Gruppovye iski: zarubezhnyi opyt i rossiiskie perspektivy [Class Actions: Foreign Experience and Russian Perspectives], *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava*, 2012, iss. 14, pp. 417–460.

Devis S. Gruppovye iski: «spasatel'nyi zhilet» dlya investorov i aktsionerov ili vernyi put' k katastrofe dlya obshchestva i «zlotaya zhila» dlya yuristov [Class Actions: A «Life Jacket» for Investors and Shareholders or a Sure Path to Disaster for Society and a «Gold Mine» for Lawyers], *Vestnik Federal'nogo arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga*, 2010, no. 1, pp. 144–150.

Dolganichev V. V. «Opt-in» protiv «opt-out»: dve razlichnye modeli formirovaniya gruppy v gruppovom proizvodstve [«Opt-In» against «Opt-Out»: Two Different Models of Formation of the Group in Group Proceedings], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2015, no. 2, pp. 20–24.

Dolganichev V. V. *Vozbuzhdenie i podgotovka del gruppovogo proizvodstva* [Initiation and Preparation of Cases of Group Proceedings], Moscow, Statut, 2017, 176 p.

Endryus N. *Sistema grazhdanskogo protsessa Anglii: sudebnoe razbiratel'stvo, mediatsiya i arbitrazh* [The English Civil Procedure System: Trial, Mediation and Arbitration], Moscow, Infotropik Media, 2012, 544 p.

- Erichson H. M. The Problem of Settlement Class Actions, *The George Washington Law Review*, 2014, vol. 82, no. 3, pp. 951–989.
- Forde K. M. Settlement of the Class Action. *Litigation, Negotiation and Settlement*, 1978, vol. 5, no. 1, pp. 23–26.
- Graham C. *Consumer ADR and Collective Redress*, Cortés P. (ed.) *The New Regulatory Framework for Consumer Dispute Resolution*, Oxford Scholarship Online, 2017, pp. 427–446.
- Haar B. Regulation Through Litigation – Collective Redress in Need of a New Balance Between Individual Rights and Regulatory Objectives in Europe, *Theoretical Inquiries in Law*, 2018, vol. 19, no. 1, pp. 203–233.
- Harsági V., Rhee C. H. *Multi-Party Redress Mechanisms in Europe: Squeaking Mice?* Intersentia, 2014, 261 p.
- Hay B., Rosenberg D. Sweetheart and Blackmail Settlements in Class Actions: Reality and Remedy, *Notre Dame Law Review*, 2000, vol. 75, no. 4, pp. 1377–1408.
- Hensler D. R. The Future of Mass Litigation: Global Class Actions and Third-Party Litigation Funding, *The George Washington Law Review*, 2011, vol. 79, no. 2, pp. 306–323.
- Higgins A., Zuckerman A. Class Actions in England? Efficacy, Autonomy and Proportionality in Collective Redress, *Oxford University Press, Legal Research Paper Series*, 2013, vol. 2013, no. 93, pp. 1–46.
- Hodges C. *Collective Actions*, Cane P. M., Kritzer H. (eds.) *The Oxford Handbook of Empirical Legal Research*, Oxford University Press, 2010, pp. 707–724.
- Hodges C., Voet S. M. *Delivering Collective Redress: New Technologies*, Hart Publishing, 2018, 368 p.
- Jelsma K., Cordewener M. The Settlement of Mass Claims: A Hot Topic in the Netherlands, *The International Law Quarterly*, 2011, pp. 13–20.
- Jolowicz J. A. *Civil Litigation: What Is It For?* Dwyer D. (ed.), *The Civil Procedure Rules Ten Years On*, Oxford University Press, 2009, pp. 51–63.
- Jolowicz J. A. *On Civil Procedure*, Cambridge University Press, 2000, 425 p.
- Khodykin R. M. Nekotorye voprosy primeneniya novykh polozhenii Arbitrazhnogo protsessual'nogo kodeksa RF o gruppovom proizvodstve [Some Issues of Application of The New Provisions of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation on Group Proceedings], *Vestnik Federal'nogo arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga*, 2010, no. 1, pp. 132–143.
- Krans B. The Dutch Act on Collective Settlement of Mass Damages, *Global Business & Development Law Journal*, 2014, vol. 27, no. 2, pp. 281–301.
- Kudryavtseva E. V., Vtorushin I. O. Gruppyvye iski v zarubezhnykh stranakh: istoriya i sovremennost' [Class Actions in Foreign Countries: History and Modernity], *Zakon*, 2021, no. 2, pp. 47–56.
- Lindblom P. H. *Global Class Actions – National Report: Group Litigation in Sweden*, Uppsala University, 2008, pp. 1–25.
- Lindblom P. H. Group Litigation in Scandinavia. ERA Forum, *Journal of the Academy of European Law*, 2009, vol. 10, pp. 7–35.
- Lith H. *The Dutch Collective Settlements Act and Private International Law*, Erasmus School of Law, Erasmus University Rotterdam, 2010, 151 p.
- Macey J. R., Miller G. P. Judicial Review of Class Action Settlements, *Journal of Legal Analysis*, 2009, vol. 1, no. 1, pp. 167–205.
- Maleshin D. Ya. Novelly gruppyvyykh iskov [Novellas of Class Actions], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2020, no. 5, pp. 94–103.
- Mulheron R. Justice Enhanced: Framing an Opt-Out Class Action for England, *The Modern Law Review*, 2007, vol. 70, no. 4, pp. 550–580.
- Mulheron R. Reform of Collective Redress in England and Wales: A Perspective of Need, *Civil Justice Council*, 2008, 161 p.
- Nagy C. I. *Collective Actions in Europe, A Comparative, Economic and Transsystemic Analysis*, Springer, 2019, 122 p.

Osakve K. Klassovyi isk (class action) v sovremennom amerikanskom grazhdanskom protsesse [Class Action in Modern American Civil Procedure], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2003, no. 3, pp. 137–147.

Roo A., Jagtenberg R. 'Shadow of the Law' or 'Shadow of the Settlement': Experiences with the Dutch Act on Collective Settlement of Mass Damage (WCAM), Uzelac A., Rhee C. H. (eds.) *Transformation of Civil Justice*, Springer, 2018, pp. 249–266.

Rotenberg M., Jacobs D. *Enforcing Privacy Rights: Class Action Litigation and the Challenge of cy pres*, Wright D., Hert P. (eds.) *Enforcing Privacy. Regulatory, Legal and Technological Approaches*, Springer, 2016, pp. 307–334.

Rydberg M., Hanson O. Sweden, Sanger C. (ed.) *The Class Actions Law Review*, 3rd ed., London, Law Business Research Ltd., pp. 133–146.

Schwarzer W. W. Settlement of Mass Tort Class Actions: Order Out of Chaos, *Cornell Law Review*, 1995, vol. 80, no. 4, pp. 837–844.

Shak Kh. Vedenie protsessy v zashchitu chuzhikh prav [Conduction of the Proceedings in Defense of Alien Rights], *Rossiiskii ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessy*, 2006, no. 4, pp. 385–401.

Silvestri E. *Group Actions À La Mode Européenne: A Kinder, Gentler Class Action for Europe?* Picker C. B., Seidman G. I. (eds.) *The Dynamism of Civil Procedure – Global Trends and Developments*, Springer, 2016, pp. 203–215.

Tjeenk J. L., Heeswijk B. Netherlands, Sanger C. (ed.) *The Class Actions Law Review*, 3rd ed., London, Law Business Research Ltd., 2019, pp. 133–146.

Tumanov D.A. Gruppyvye iski i obshchestvennye interesy (nekotorye voprosy) [Class Actions and Public Interest Litigation (Certain Issues)], *Zakon*, 2021, no. 2, pp. 65–67.

Wisking S., Allen R. *Taking Stock of the Collective Proceedings Regime in the Competition Appeal Tribunal – A Successful Compromise?* Higgins A. (ed.) *The Civil Procedure Rules at 20*, Oxford University Press, 2020, pp. 109–110.

Yuthayotin S. *Access to Justice in Transnational B2C E-Commerce, A Multidimensional Analysis of Consumer Protection Mechanisms*, Springer, 2015, 316 p.

Zekoll J. *Comparative Civil Procedure*, Reimann M., Zimmermann R. (eds.) *The Oxford Handbook of Comparative Law*, 2nd ed., Oxford University Press, 2019, pp. 1306–1340.

Zimmerman A. S. The Global Convergence of Global Settlements, *Kansas Law Review*, 2017, vol. 65, no. 1053, pp. 1053–1091.

Zvier P., Yarkov V. V. Gruppyvye iski v pravovoi istorii SShA i Rossii: v poiskakh optimal'noi modeli [Class Action in the Legal History of the USA and Russia: Searching of an Optimal Model], *Herald of Civil Procedure*, 2020, no. 1, pp. 143–197.

Vladislav Vatamanyuk – postgraduate student of the Civil and administrative procedure department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 125993, Russian Federation, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9. E-mail: vladislav.vatamanyuk@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-3416-3989

Дата поступления в редакцию / Received: 15.06.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 02.07.2021

Е. С. Аничкин, А. А. Серебряков
Алтайский государственный университет
(Барнаул)

МОДЕЛИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И УПРАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТАМИ СОВМЕСТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Многие аспекты международного научного и научно-технического сотрудничества не имеют надлежащего нормативно-правового закрепления, особенно в формирующихся интеграционных региональных союзах. Один из проблемных вопросов – определение адекватного подхода к управлению результатами совместных исследований, в том числе охраняемой интеллектуальной собственностью, которая создается при проведении международных научных исследований.

На основе сравнительного анализа нормативных правовых актов Европейского союза, Содружества Независимых Государств и Евразийского экономического союза выделяются три модели правовой регламентации международного научного и научно-технического сотрудничества: децентрализованная, централизованная и отраслевая. Представляется, что они не являются альтернативами друг другу, поскольку их применение обусловливается уровнем интеграции государств, входящих в соответствующие региональные объединения. Выделены также основные принципы, на которых должно строиться нормативно-правовое обеспечение управления результатами совместных научных исследований в рамках международного сотрудничества.

Ключевые слова: международное научное и научно-техническое сотрудничество, международное право, правовой режим результатов научных исследований, управление данными, региональные международные организации, Европейский союз, Содружество Независимых Государств, Евразийский экономический союз

Для цитирования

Аничкин Е. С., Серебряков А. А. Модели нормативно-правового обеспечения международного научного и научно-технического сотрудничества и управления результатами совместных исследований // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. С. 41–49. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_41.

УДК 340

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_41

В последние годы масштабы международного научного и научно-технического сотрудничества существенно изменились. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, отраженным в Мировом отчете об интеллектуальной собствен-

ности 2019 г. «География инноваций: локальные точки, глобальные сети», за неполные 20 лет (2000–2019 гг.) количество совместных научных работ и патентов увеличилось более чем на 15 %, наблюдается активизация международного научного сотрудничества.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 18-29-15011 «Принципы, источники и особенности правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития в России и зарубежных странах Шанхайской организации сотрудничества»).

Рост числа совместных исследований научных коллективов из разных стран, а также привлечение к инновационной деятельности технологических партнеров, в том числе из-за рубежа, неизбежно порождает вопрос об оформлении прав на результаты научной и научно-технической кооперации, об управ-

лении этими правами и передаче научных данных, об охране соответствующих прав [Coro Gutiérrez Pla, Burtchaell 2021]. При этом важно отметить, что научное сотрудничество и научно-технические совместные исследования тесно связаны с интеллектуальной собственностью. От выбранной стратегии оформления результатов научно-исследовательских работ (НИР) в качестве охраняемой интеллектуальной собственности существенно зависят их коммерческая ценность и целесообразность научной и научно-технической коллаборации как таковой [Greenhalgh, Rogers 2006; Santamaría, Surroca 2011]. Представляется, что данная взаимосвязь обусловлена самим содержанием научной и научно-технической деятельности, ее инновационным характером. В то же время для легального оформления инноваций наиболее подходящим является правовой режим интеллектуальной собственности [Caenegem 2007].

Современные ученые уделяют этим вопросам недостаточно внимания. Некоторые из них рассматривают общие вопросы правового обеспечения управления сотрудничеством [Batory, Svensson 2020]. М. Квик провел исследование международного научного сотрудничества на основе библиометрических данных и публикационной активности, не затрагивая юридических аспектов международно-правового обеспечения результатов НИР [Kwiek 2019]. Т. Геринг анализирует лишь некоторые вопросы управления интеллектуальной собственностью в качестве актива организации, занимающейся НИР [Gering 2004]. Д. Чарницки, К. Хусингер, К. Шнайдер обращаются к отдельным проблемам патентования результатов международных научных и научно-исследовательских проектов, но не рассматривают возможные модели правового обеспечения результатов НИР как интеллектуальной собственности [Czarnitzki, Hussinger, Schneider 2015].

Таким образом, необходимо определить основы правового режима результатов научных исследований в рамках международного научного и научно-технического сотрудничества; проанализировать сложившиеся региональные модели международно-правового обеспечения охраны результатов НИР и управления ими; сформулировать основные принципы оформления прав на результаты

совместных научных исследований и передачи знаний.

В целях уяснения содержания научной и научно-технической деятельности нужно обратиться к методологии и понятийному аппарату, которые использованы в Руководстве Организации экономического сотрудничества и развития по сбору и представлению данных об исследованиях и экспериментальных разработках (*OECD's Frascati Manual*). В соответствии с ним научная и научно-техническая деятельность представляет собой творческую систематическую деятельность, которая направлена на увеличение знаний, а также на применение имеющихся знаний в новых условиях. Такая деятельность должна соответствовать нескольким обязательным критериям: новизны (направлена на получение новых данных), творческого характера (основывается на объективно новых идеях и концепциях), неопределенности конечного результата (понесенные затраты могут не соответствовать достигнутым результатам), систематичности (подробное планирование и фиксация всего хода деятельности, включая промежуточные и окончательные итоги), воспроизводимости (возможность использования и передачи полученных знаний, в том числе другими исследовательскими группами).

Не менее важным является определение вида научной и научно-технической деятельности, поскольку это непосредственно влияет на форму результата научной деятельности и, как следствие, на выбор адекватного правового режима, закрепляющего этот результат. *OECD's Frascati Manual* подразделяет научную и научно-техническую деятельность на фундаментальные исследования (проводятся с целью получения новых знаний), прикладные исследования (ориентированы на решение конкретных практических задач), экспериментальные разработки (направлены на получение новых продуктов, разработку новых производственных процессов либо усовершенствование существующих).

Анализ географии международного научного и научно-технического сотрудничества с использованием сервиса Всемирной организации интеллектуальной собственности *Innovation Data Explorer* по таким направлениям, как совместные публикации и совместные изобретения, позволил выделить несколько крупных центров международной

научной кооперации: Североамериканский, Европейский, Восточноазиатский. Однако подходы к нормативному регулированию международной научной кооперации в этих регионах значительно отличаются. В Европе осуществляется многостороннее регулирование международной научной коллаборации на уровне наднациональных источников права, в то время как в других регионах подобные вопросы регламентируются двусторонними соглашениями и соглашениями, заключаемыми непосредственно организациями, участвующими в совместных научных проектах. Представляется, что второй подход менее предпочтителен для настоящего исследования, поскольку в этом случае не формируется универсальное правовое регулирование региональной международной научной и научно-технической коллаборации. Нормативно-источниковую базу настоящего исследования составили правовые акты тех региональных объединений, в которых регулирование рассматриваемой сферы осуществляется на наднациональном уровне (в частности, акты Европейского союза, СНГ, ЕАЭС).

Децентрализованная модель

В Европейском союзе правовой режим результатов транснационального научного и научно-технического сотрудничества регламентирован достаточно детально. Договор о Европейском союзе относит к целям деятельности данного регионального объединения, помимо прочего, содействие научно-техническому прогрессу (ст. 3). Подробнее об этом говорится в положениях Договора о функционировании Европейского союза, в частности провозглашается стремление сформировать единое научное пространство для проведения научных исследований, а также определить общие стандарты международного сотрудничества в научной и научно-технической сфере (ст. 179). Также согласно ст. 183 Договора о функционировании Европейского союза Европейский союз может вводить правила, регламентирующие порядок распространения результатов научных исследований. Представляется, что примером такого регулирования выступает Свод правил управления интеллектуальной собственностью при передаче знаний для университетов и государственных научно-исследовательских организаций 2008 г. Он закрепляет три группы принципов:

принципы внутренней политики организации в отношении интеллектуальной собственности;

принципы политики трансфера знаний;
принципы совместных и контрактных исследований.

В первой группе формулируются требования к локальным актам организации, устанавливающим порядок управления интеллектуальной собственностью: такой документ должен находиться в публичном доступе; содержать четкие и ясные правила по вопросам распределения прав на результаты исследований, ведения соответствующей документации, взаимодействию с третьими лицами и т. п.; закреплять стимулы для поощрения научно-исследовательской деятельности, управления интеллектуальной собственностью и передачи знаний. Кроме того, рекомендуется объединять результаты исследований в портфели интеллектуальной собственности, а также способствовать максимально широкому распространению результатов исследований (в частности, путем предоставления открытого доступа к публикациям, отражающим результаты исследования).

Принципы второй группы предусматривают активный поиск партнеров по использованию и коммерциализации результатов НИР; возмездное использование переданных знаний, полученных в ходе НИР, третьими лицами (однако при этом извлечение прибыли не должно рассматриваться в качестве основной цели); справедливое распределение доходов от трансфера знаний между исследовательскими организациями и лицами, непосредственно задействованными в выполнении исследований.

Наибольший интерес представляют принципы третьей группы, поскольку они непосредственно затрагивают совместные исследования в сфере науки и техники:

совместимость целей участников совместных научных проектов;

распределение прав на интеллектуальную собственность, созданную в результате научного и научно-технического сотрудничества, и доходов от ее использования (при этом по общему правилу права на такую интеллектуальную собственность должны оставаться за той стороной, которая ее создала);

предоставление всем участникам научного и научно-технического сотрудничества в целях проведения исследований прав доступа как к собственным разработкам по соответствующим направлениям (включая ранее созданную интеллектуальную собственность и знания), так и к интеллектуальной соб-

ственности, созданной в результате совместной научно-исследовательской деятельности, независимо от того, кому принадлежат права на них.

В международном научном сотрудничестве базовым является такой режим закрепления прав на интеллектуальную собственность, при котором указанные права принадлежат научно-исследовательским организациям, а не непосредственным исследователям. Важно отметить и то, что единое европейское научно-исследовательское пространство также обеспечивается общеевропейскими механизмами и процедурами защиты интеллектуальной собственности. В качестве примера уместно привести систему Единого европейского патента. Подобные системы существенно облегчают оформление прав на результаты исследований по итогам международного научного и научно-технического сотрудничества.

Еще одним регулирующим актом на европейском пространстве совместных научных исследований выступает Регламент, утверждающий *Horizon Europe* – рамочную

В международном научном сотрудничестве базовым является такой режим закрепления прав на интеллектуальную собственность, при котором указанные права принадлежат научно-исследовательским организациям, а не непосредственным исследователям

программу исследований и инноваций на 2021–2027 гг. В данном документе результаты исследований подразделяются на охраняемые и неохранные, а также формулируются требования к государствам-участникам программы европейских исследований. Среди них стоит выделить страны, не связанные с Европейским союзом. Они могут вступить в программу *Horizon Europe* при соблюдении трех условий: наличия значимого потенциала в области науки, технологий и инноваций; приверженности правилам открытой рыночной экономики, включая соблюдение прав на интеллектуальную собственность и уважение прав человека; приверженности политике улучшения экономического и социального положения граждан. Не менее важно то, что данная программа продвигает принципы

open science (открытой науки). В частности, ст. 35 программы закрепляет обязательность предоставления открытого доступа к научным публикациям и исследовательским данным, однако при условии соблюдения прав на интеллектуальную собственность (принцип «*As open as possible, as closed as necessary*»¹). С понятием *open science* тесно связан принцип *FAIR*, в соответствии с которым любая научная информация должна быть обнаруживаемой, доступной, операционно-совместимой и способной быть использованной повторно [Камалян 2020: 149].

Основным инструментом европейского подхода к международно-правовому обеспечению научного и научно-технического сотрудничества и управлению его результатами является мягкое право, т. е. рекомендации, определяющие основные рамки указанного сотрудничества [Нечаева 2017]. Существует большое количество центров международного научного сотрудничества, которыми выступают университеты и научные организации. С одной стороны, это позволяет сформировать глубокую специализацию и обеспечить гибкость и динамику взаимоотношений между сотрудничающими сторонами. С другой стороны, могут возникать излишняя конкуренция между такими субъектами и неопределенность в правах на результаты совместных научных исследований, поскольку решение данного вопроса относится к компетенции самих участников международной научной коллаборации.

Централизованная модель

Тесные социально-экономические и научные связи на постсоветском пространстве привели к тому, что уже в 1995 г. между странами Содружества Независимых Государств было заключено Соглашение о создании общего научно-технологического пространства 1995 г. В отличие от мягкого европейского подхода к регулированию научно-технической сферы, в СНГ была предпринята попытка выработать единую государственную научно-технологическую политику, опирающуюся на адекватную нормативно-правовую базу. Другим отличием является создание специальных субъектов научно-технической деятельности – международных научных организаций и международных научно-ис-

¹ Перевод с англ.: «Открыто, насколько возможно, ограничено, насколько необходимо».

следовательских центров (в то время как, например, Европейский институт инноваций и технологий выполняет функции координирующего органа Европейского союза в сфере научно-технической политики и непосредственно исследованиями не занимается). Учредителями таких центров, как правило, выступают договаривающиеся государства, а научная и научно-техническая кооперация регламентируется внутренними актами самой организации. При применении такого подхода проще создавать коллаборации для проведения фундаментальных научных исследований. К тому же деятельность подобных организаций должна быть более прозрачной.

Вместе с тем вопросы, касающиеся результатов совместных исследований, в Соглашении СНГ о создании общего научно-технологического пространства фактически не урегулированы: использование интеллектуальной собственности, распределение доходов от результатов совместных работ регламентируются соответствующими договорами о реализации многосторонних научно-технических и инновационных программ и проектов.

При этом акцент на международных научных и научно-исследовательских организациях несколько упрощает решение проблемы распределения прав на результаты исследований. Так, согласно ст. 8 Конвенции о создании и статусе международных научно-исследовательских центров и научных организаций 1998 г. именно у самой организации возникают права на результаты исследований, а у учредителей организации – права на их некоммерческое использование.

В СНГ большое внимание уделяется научно-технической информации. В частности, в 2004 г. утверждено Положение о Межгосударственном координационном совете по научно-технической информации 2004, а в 2014 г. заключено Соглашение о сотрудничестве в сфере межгосударственного обмена научно-технической информацией. Данные акты регламентируют предоставление исходных данных для проведения совместных исследований.

В качестве примеров мягкого регулирования можно привести модельные законы СНГ «О статусе ученого и научного работника» 2008 г. и «О научной и научно-технической деятельности» 2008 г. Раздел 3 первого мо-

дельного закона формулирует общие подходы к распределению прав на научную интеллектуальную собственность между государством, автором-ученым, научной или иной организацией. Однако конкретизация должна осуществляться в соответствующем договоре между указанными субъектами. Второй модельный закон вводит понятие научного и научно-прикладного результата, а также перечисляет их основные формы (научные статьи, доклады, монографии, проекты и пр.). Помимо этого провозглашается, что результаты международных научных исследований, полученные на территории государства-участника СНГ, могут использоваться безвозмездно другими государствами-участниками СНГ.

Тем не менее плотность регионального научного сотрудничества стран СНГ остается низкой в силу недостатков планирования и кооперации в научно-технической сфере, что отражено в Межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2030 года, утвержденной Советом глав правительств СНГ в 2020 г.

В целом централизованная модель позволяет унифицировать вопросы охраны и управления интеллектуальной собственностью, созданной в ходе совместных научных и научно-технических проектов. Основными недостатками можно назвать отсутствие гибкости и низкую скорость принятия управленческих решений. Кроме того, сам процесс создания на паритетных началах крупных международных научно-исследовательских центров занимает значительное время.

Отраслевая модель

На постсоветском пространстве СНГ не единственное региональное объединение. Ряд стран СНГ (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия) одновременно являются членами Евразийского экономического союза. Несмотря на то что Договор о Евразийском экономическом союзе 2014 г. прямо не заявляет в качестве одной из целей интеграции научное и научно-техническое сотрудничество, анализ принципов функционирования и целей Союза позволяет включать в них сферу международного научного и научно-технического сотрудничества. Полагаем, что создание условий для стабильного развития экономик государств-членов ЕАЭС, формирование единого рынка товаров и услуг, всесторонняя

модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобализации невозможны без развитой системы международной региональной научной и научно-технической кооперации. Однако в данном документе прямо говорится о совместном развитии науки только по отдельным направлениям сотрудничества (см., например: Протокол о промышленном сотрудничестве, раздел договора о транспортной политике ЕАЭС). Вместе с тем в разделе 23 договора, посвященного интеллектуальной собственности, указано такое направление сотрудничества государств-членов ЕАЭС, как поддержка научного и инновационного развития.

Такой подход дает основание полагать, что в ЕАЭС правовое обеспечение результатов международного научного и научно-технического сотрудничества осуществляется посредством не самостоятельных правовых норм, а исключительно механизма защиты интеллектуальной собственности. Отчасти это подтверждается наличием Договора о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности 2015 г., Соглашения о порядке управления авторскими и смежными правами на коллективной основе 2017 г., Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза 2020 г. Следует констатировать, что развернутое правовое регулирование отношений в сфере международного научного и научно-технического сотрудничества в ЕАЭС отсутствует.

Вместе с тем нельзя не отметить, что ряд государств, входящих и в СНГ, и в ЕАЭС, объединяет также участие в Евразийской патентной конвенции 1994 г. Созданная согласно ей Евразийская патентная система в целом способствует формированию в постсоветском регионе единого научного и научно-технического пространства и несколько нивелирует недостатки международно-правового регулирования в рамках отдельных объединений государств.

Правовое регулирование совместной научно-исследовательской деятельности в ЕАЭС можно рассматривать в качестве промежуточного варианта между моделями, реализуемыми в ЕС и СНГ. С одной стороны, на текущем этапе развития ЕАЭС как интеграционного

объединения вопросы управления интеллектуальной собственностью, созданной в результате научной и научно-технической кооперации, и ее охраны решаются непосредственными субъектами научной коллаборации (научными, образовательными организациями и их индустриальными партнерами) с учетом общих правил, закрепленных в региональных договорах ЕАЭС, нормы которых часто носят абстрактный и декларативный характер. С другой стороны, прослеживается тенденция к унификации правового регулирования в данной сфере, при этом акцент делается именно на охране интеллектуальной собственности. Однако специальные нормы, определяющие порядок управления результатами исследований, проводимых в рамках международного научного и научно-технического сотрудничества, в том числе интеллектуальной собственности, а также принципы и особенности правового режима этих результатов в документах ЕАЭС отсутствуют. Соответственно говорить о формировании единого научно-исследовательского пространства ЕАЭС пока преждевременно [Нечаева 2017: 149].

Выводы

Построение оптимальной модели международно-правового обеспечения научного и научно-технического сотрудничества и управления результатами совместных исследований невозможно без четкого определения правового режима результатов научной и научно-исследовательской деятельности. Следовательно, международные нормативные акты в сфере региональной международной научной и научно-технической кооперации должны содержать рекомендации либо конкретные правила, касающиеся исходных данных, включая «большие данные», данных, полученных в результате исследований (собственно результаты исследований), которые могут быть облечены в форму, приводящую к появлению интеллектуальной собственности.

Также выбор оптимального варианта во многом зависит от целей и задач, которые стоят перед соответствующей международной региональной организацией. Кроме того, модель может изменяться в зависимости от степени интеграции государств в рамках объединения. Так, для межгосударственных региональных объединений с высокой степенью интеграции и гармонизации законодательной

базы предпочтительна модель, реализуемая в ЕС. Для союзов с низкой степенью интеграции подойдет модель, используемая в СНГ. Для формирующихся интеграций компромиссным вариантом может выступать модель, применяемая в ЕАЭС, поскольку она обеспечивает формирование задела, необходимого для более глубокой интеграции и развития единого научно-технического пространства. Например, по такому пути может развиваться правовое регулирование научного и научно-технического сотрудничества между странами Шанхайской организации сотрудничества.

Однако независимо от выбранной модели важно закрепить в нормах региональных международных актов по вопросам научного и научно-технического сотрудничества следующие базовые принципы, способству-

ющие научно-техническому прогрессу, распространению знаний и укреплению безопасности: совместимость целей участников совместных научно-исследовательских проектов; справедливое распределение прав на интеллектуальную собственность, созданную в результате научной и научно-технической кооперации, и доходов от ее использования; предоставление всем участникам научного и научно-технического сотрудничества равных прав доступа к имеющимся у них исследовательским данным и интеллектуальной собственности, необходимым для проведения соответствующих исследований; обязательное предоставление открытого доступа к научным публикациям и исследовательским данным при условии соблюдения прав на интеллектуальную собственность.

Список литературы

Batory A., Svensson S. Regulating Collaboration: The Legal Framework of Collaborative Governance in Ten European Countries // *International Journal of Public Administration*. 2020. Vol. 43. № 9. P. 780–789. DOI: 10.1080/01900692.2019.1658771.

Caenegem W. van. Intellectual Property Law and Innovation. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 222 p. DOI: 10.1017/CBO9781139168755.

Coro Gutierrez Pla M., Burtchaell L. Managing Intellectual Property Rights in Innovation: the Key to Reaching the Market // *WIPO Magazine*. 2021. № 1. P. 47–52.

Czarnitzki D., Hussinger K., Schneider C. R&D Collaboration with Uncertain Intellectual Property Rights // *Review of Industrial Organization*. 2015. № 46. P. 183–204. DOI: 10.1007/s11151-015-9449-0.

Gering T. The Role of Intellectual Property (IP) in R&D-Based Companies: Setting the Context of the Relative Importance and Management of IP. 2004 // URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/sme/en/wipo_iasp_ge_04/wipo_iasp_ge_04_8.pdf (дата обращения: 30.04.2021).

Greenhalgh C., Rogers M. The Value of Innovation: The Interaction of Competition, R&D and IP // *Research Policy*. 2006. Vol. 35. № 4. P. 562–580. DOI: 10.1016/j.respol.2006.02.002.

Kwiek M. Internationalisation of EU Research Organisations. A Bibliometric Stocktaking Study. Brussels: European Parliament, 2019. 95 p. DOI: 10.2861/68729.

Santamaría L., Surroca J. Matching the Goals and Impacts of R&D Collaboration // *European Management Review*. 2011. Vol. 8. № 2. P. 95–109. DOI: 10.1111/j.1740-4762.2011.01012.x.

Камалян А. М. Формирование пространства открытой науки в Европейском союзе и в Африке: сравнительно-правовой аспект // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. Т. 15. № 7. С. 145–152. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.116.7.145-152.

Нечаева Е. К. Правовое регулирование научных исследований и технологического развития в рамках региональных интеграционных организаций (на примере Европейского союза и Евразийского экономического союза): дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГЮА, 2017. 173 с.

Евгений Сергеевич Аничкин – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета. 656049, Российская Федерация, Барнаул, пр-т Ленина, д. 61. E-mail: rrd231@ Rambler.ru. ORCID: 0000-0001-5432-8958

Андрей Александрович Серебряков – старший преподаватель кафедры гражданского права Алтайского государственного университета. 656049, Российская Федерация, Барнаул, пр-т Ленина, д. 61. E-mail: goodwrong@gmail.com. ORCID: 0000-0002-9184-6778

Models of Regulatory Support for International Scientific and Technical Cooperation and Management of the Results of Joint Research

Many aspects of international scientific and technical cooperation do not have an appropriate regulatory framework. This is especially true for the emerging regional integration unions. One of the problematic issues is the definition of an adequate approach to the management of the results of joint research. Some of them may be protected intellectual property that is created in the course of international scientific research. For this reason, it is important to formulate proposals for building an appropriate model of international legal support for such results.

Based on a comparative analysis of the legal acts of the European Union, the Commonwealth of Independent States and the Eurasian Economic Union, three models of legal regulation of international scientific and technical cooperation are distinguished: decentralized, centralized and sectoral models. It seems that they are not alternatives to each other, since their application is determined by the level of integration of the states that are part of the respective regional unions. The main principles are highlighted, on the basis of which a model of legal support for the management of the results of joint scientific research in the framework of international cooperation should be built. In particular, it is a fair distribution of intellectual property rights created as a result of such cooperation, and income from its use; obligatory provision of the participants of cooperation with open access to scientific publications and research data, etc.

Keywords: *international scientific and technical cooperation, international law, legal regime of scientific research results, data management, regional international organizations, European Union, Commonwealth of Independent States, Eurasian Economic Union*

Recommended citation

Anichkin Ye. S., Serebryakov A. A. Modeli normativno-pravovogo obespecheniya mezhdunarodnogo nauchnogo i nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva i upravleniya rezul'tatami sovmestnykh issledovaniy [Models of Regulatory Support for International Scientific and Technical Cooperation and Management of the Results of Joint Research], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 4, pp. 41–49, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_41.

References

Batory A., Svensson S. Regulating Collaboration: The Legal Framework of Collaborative Governance in Ten European Countries, *International Journal of Public Administration*, 2020, vol. 43, no. 9, pp. 780–789, DOI: 10.1080/01900692.2019.1658771.

Caenegem W. van. *Intellectual Property Law and Innovation*, Cambridge, Cambridge University Press, 2007, 222 p., DOI: 10.1017/CBO9781139168755.

Coro Gutierrez Pla M., Burtchaell L. Managing Intellectual Property Rights in Innovation: the Key to Reaching the Market, *WIPO Magazine*, 2021, no. 1, pp. 47–52.

Czarnitzki D., Hussinger K., Schneider C. R&D Collaboration with Uncertain Intellectual Property Rights, *Review of Industrial Organization*, 2015, no. 46, pp. 183–204, DOI: 10.1007/s11151-015-9449-0.

Gering T. *The Role of Intellectual Property (IP) in R&D-Based Companies: Setting the Context of the Relative Importance and Management of IP*, 2004, available at: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/sme/en/wipo_iasp_ge_04/wipo_iasp_ge_04_8.pdf (accessed: 30.04.2021).

Greenhalgh C., Rogers M. The Value of Innovation: The Interaction of Competition, R&D and IP, *Research Policy*, 2006, vol. 35, no. 4, pp. 562–580, DOI: 10.1016/j.respol.2006.02.002.

Kamalyan A. M. Formirovanie prostranstva otkrytoi nauki v Evropeiskom soyuze i v Afrike: sravnitel'no-pravovoi aspekt [Formation of Open Science Space in the European Union and Africa: Comparative Legal Aspect], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2020, vol. 15, no. 7, pp. 145–152, DOI: 10.17803/1994-1471.2020.116.7.145-152.

Kwiek M. *Internationalisation of EU Research Organisations. A Bibliometric Stocktaking Study*, Brussels, European Parliament, 2019, 95 p., DOI: 10.2861/68729.

Nechaeva E. K. *Pravovoe regulirovanie nauchnykh issledovaniy i tekhnologicheskogo razvitiya v ramkakh regional'nykh integratsionnykh organizatsii (na primere Evropeiskogo soyuza i Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza)* [Legal Regulation of Scientific Research and Technological Development Within Regional Integration Organizations (on the Example of the European Union and Eurasian Economic Union)]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2017, 173 p.

Santamaría L., Surroca J. Matching the Goals and Impacts of R&D Collaboration, *European Management Review*, 2011, vol. 8, no. 2, pp. 95–109, DOI: 10.1111/j.1740-4762.2011.01012.x.

Yevgeniy Anichkin – doctor of juridical sciences, associate professor, head of the Department of constitutional and international law, Altai State University. 656049, Russian Federation, Barnaul, Lenina ave., 61. E-mail: rrd231@rambler.ru.

ORCID: 0000-0001-5432-8958

Andrey Serebryakov – senior lecturer of the Department of civil law, Altai State University. 656049, Russian Federation, Barnaul, Lenina ave., 61. E-mail: goodwrong@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-9184-6778

Дата поступления в редакцию / Received: 09.06.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.08.2021

А. В. Винницкий, О. В. Вагина, Е. Ю. Гаевская
Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

ПРАВИЛА ВОЗВЕДЕНИЯ ПОСТРОЕК НА САДОВЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКАХ И ПОСЛЕДСТВИЯ ИХ НАРУШЕНИЯ

Анализируется система обновленных нормативно-правовых источников, регулирующих возведение построек на земельных участках, предоставленных гражданам для ведения садоводства. Особое внимание уделяется Своду правил 53.13330.2019, устанавливающему правила застройки земель садоводческих некоммерческих товариществ.

Акцентируется внимание на установленных законодателем минимальных отступах от границ соседних земельных участков при возведении построек на садовых земельных участках. Проведены анализ и обобщение судебной практики за 2019–2020 гг. по вопросам сноса незаконно возведенных строений. Сделан вывод, что суды либо отказывают в иске о сносе незаконно возведенной постройки по причине незначительности нарушений, либо изыскивают иные способы восстановления нарушенных прав и законных интересов истцов, не сопряженные со сносом либо переносом постройки, возведенной с отступлением от требований.

Авторы отмечают, что необходимо более тщательное урегулирование института соседского права в целях обеспечения реализации принципа рационального использования земельных участков и установления разумных ограничений с учетом прав и законных интересов смежных землепользователей.

Ключевые слова: соседское право, параметры разрешенного строительства, минимальные отступы от границ соседних земельных участков, самовольная постройка, снос незаконно возведенных построек, садовые земельные участки, садоводческое некоммерческое товарищество (СНТ)

Для цитирования

Винницкий А. В., Вагина О. В., Гаевская Е. Ю. Правила возведения построек на садовых земельных участках и последствия их нарушения // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. С. 50–58. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_50.

УДК 349.4

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_50

Вопросы возведения построек на садовых земельных участках сохраняют актуальность и чрезвычайную распространенность. Это обусловливается и неугасающим интересом граждан к ведению садоводства в нашей стране, и возможностью возведения на данной территории относительно недорогого собственного садового либо жилого дома. Так, по данным Регионального доклада «О состоянии использования земель в Свердловской области в 2019 году» к 1 января 2020 г. только в Свердловской области предоставлено под садоводство 37,6 тыс. га земель; при этом 68,9 % из них находятся в частной собственности.

Правовой режим садовых земельных участков сегодня регулируется рядом обновленных нормативных правовых актов, содержащих взаимосвязанные юридические нормы. Порядок предоставления земельных участков для садоводства регламентирован Земельным кодексом РФ и Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 217-ФЗ). Возведение построек на садовых земельных участках урегулировано главным образом Градостроительным

кодексом РФ, Законом № 217-ФЗ, Сводом правил 53.13330.2019 «Планировка и застройка территории ведения гражданами садоводства. Здания и сооружения» (СНиП 30-02-97* Планировка и застройка территорий садоводческих (дачных) объединений граждан, здания и сооружения), утвержденным приказом Минстроя России от 14 октября 2019 г. № 618/пр, а также правилами землепользования и застройки соответствующего муниципального образования.

Собственник земельного участка имеет право возводить здания, сооружения в соответствии с целевым назначением земельного участка и его разрешенным использованием с соблюдением требований градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил, нормативов (подп. 2 п. 1 ст. 40 Земельного кодекса РФ, ст. 263 Гражданского кодекса РФ).

Однако возведение объектов капитального строительства на садовых земельных участках допускается только в случае, если такие земельные участки включены в предусмотренные правилами землепользования и застройки территориальные зоны, применительно к которым утверждены градостроительные регламенты, предусматривающие возможность такого строительства (ст. 23 Закона № 217-ФЗ). Предельные параметры разрешенного строительства зданий и сооружений, строительство которых осуществляется на садовых земельных участках, определяются градостроительными регламентами. При этом параметры жилого дома, садового дома должны соответствовать параметрам объекта индивидуального жилищного строительства, указанным в п. 39 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ.

Как справедливо отмечают А. А. Матвеева и М. А. Подковырова, в процессе формирования садового участка помимо постановки его на государственный кадастровый учет и регистрации прав на него важна правильная организация территории, не противоречащая требованиям законодательства и градостроительной документации [Матвеева, Подковырова 2020: 149].

Свод правил 53.13330.2019 вступил в силу 15 апреля 2020 г. С указанной даты признается не подлежащим применению утвержденный приказом Министерства регио-

нального развития Российской Федерации от 30 декабря 2010 г. № 849 Свод правил 53.13330.2011, ранее регулировавший вопросы возведения построек на садовых земельных участках.

В целях определения мест допустимого размещения зданий, сооружений на садовых земельных участках новый Свод правил устанавливает минимальные отступы от границ земельных участков, за пределами которых строительство зданий, сооружений запрещено и возведенная постройка соответственно приобретает незаконный характер.

Для садового или жилого дома минимальное расстояние до границы соседнего участка должны быть не менее трех метров; для хозяйственных построек – не менее одного метра; высаживать высокорослые деревья необходимо на расстоянии не менее трех метров от ствола, кустарники – не менее одного метра. При возведении на садовом земельном участке хозяйственных построек, располагаемых на расстоянии не менее одного метра от границы соседнего садового земельного участка, скат крыши следует ориентировать таким образом, чтобы сток дождевой воды не попал на соседний участок (п. 6.7 СП 53.13330.2019). Минимальное расстояние от садового или жилого дома до душа, отдельно стоящей бани (сауны), надворной уборной должно быть не менее восьми метров, от колодца до надворной уборной и компостного устройства – также не менее восьми метров (п. 6.8 СП 53.13330.2019). В пределах одного садового земельного участка противопожарные расстояния между строениями и сооружениями законодателем не нормируются (п. 6.5 СП 53.13330.2019).

Правила землепользования и застройки муниципалитетов, как правило, воспроизводят приведенные федеральные нормативы без введения дополнительных параметров местного уровня. К примеру, согласно Правилам землепользования и застройки городского округа – муниципального образования «город Екатеринбург» в зонах коллективных садов, садовых и огородных земельных участков (СХ-3) минимальные отступы от границы земельного участка в целях определения мест допустимого размещения объектов капитального строительства устанавливаются документацией по планировке территории; в случае ее отсутствия либо отсутствия в до-

кументации указания о прохождении линии регулирования застройки грани объекта капитального строительства размещаются на расстоянии не менее трех метров от границ земельного участка. Боковые и задние грани вспомогательных (хозяйственных) строений должны располагаться на расстоянии не менее одного метра от границ смежных земельных участков.

На практике же возможность застройки садовых земельных участков серьезно ограничена их достаточно скромными размерами. Напомним, что площадь земельных участков, предоставляемых ранее под садоводство, составляла в среднем 400–600 кв. м. Сегодня минимальная площадь садового земельного участка устанавливается в проекте застройки территории с учетом местных условий, но не может быть менее 400 кв. м (на территории Свердловской области – не менее 1100 кв. м), в Екатеринбурге – не менее 400 кв. м). В таких условиях полноценная реализация права на возведение построек на садовом земельном участке с соблюдением строительных норм и правил порой становится несколько эфемерной.

По мнению С. А. Гальченко, установление нормативно-правовых ограничений в виде минимальных отступов от границ соседних земельных участков не учитывает интересы частных собственников на использование земельных участков [Гальченко 2008: 42]. Однако подобное суждение спорно, ведь такие ограничения служат интересам смежных землепользователей. Другими словами, каждый член СНТ, будучи ограниченным в собственных возможностях по застройке принадлежащего ему земельного участка, одновременно защищен от «приграничной» застройки со стороны соседей. И в этом усматривается определенный баланс интересов, который, правда, не всегда может отвечать принципу рационального использования земельных участков.

Приходится констатировать хаотичность застройки садовых участков; зачастую не учитываются обязательные требования и регламенты, отсутствуют противопожарные и санитарные разрывы, нарушаются требования по отступам и пр. [Матвеева, Юрина 2020: 30]. Каждое из подобных нарушений способно выступить причиной серьезного конфликта (спора).

Органы публичной администрации не являются субъектами, компетентными разрешать земельные споры и принимать меры по восстановлению нарушенных прав собственников (иных правообладателей) садовых земельных участков. Лицам, права и законные интересы которых нарушены, следует обращаться в районный суд по месту расположения земельного участка (ч. 1 ст. 30 Гражданского процессуального кодекса РФ).

С иском о сносе самовольной постройки вправе обратиться собственник земельного участка, субъект иного вещного права на земельный участок, его законный владелец либо лицо, права и законные интересы которого нарушает сохранение возведенной постройки (п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав») (далее – Постановление Пленумов № 10/22). В результате суды ежегодно вынуждены разрешать соседские споры, возникающие по причинам нарушения тех или иных правил застройки земельных участков, расположенных в садоводческих некоммерческих товариществах. Спектр таких дел достаточно широк [Анисимов 2016: 160].

Как справедливо отмечает И. А. Емелькина, при защите соседских прав отдельного рассмотрения требует соотношение норм публичного и частного права. Публичное право (ряд специальных законодательных актов) содержит градостроительные и санитарно-эпидемиологические нормы, которые, в свою очередь, выступают критерием определения существенного воздействия соседа на земельный участок. Выявление нарушения установленных законом пределов и норм свидетельствует о факте недопустимого воздействия. При этом нормы соседского права в данном случае предоставляют собственнику право, во-первых, допустить такое воздействие с установлением соразмерной компенсации, а во-вторых, запретить воздействие посредством разного рода судебных исков (запрет деятельности, требование о сносе сооружения и т. д.) [Емелькина 2016: 416].

Согласимся с А. Ю. Суюндуковой, которая исходя из анализа действующего законо-

дательства и научной литературы приходит к выводу о том, что участниками соседского правоотношения могут выступать не только собственник имущества, но и иные титульные владельцы, которым принадлежит право пользования недвижимым имуществом. Таким образом, соседями могут быть любые субъекты гражданского права: как физические, так и юридические лица и публично-правовые образования. Еще одним признаком соседского права является то, что оно возникает в отношении недвижимого имущества – земельных участков, жилых помещений (соседние квартиры или комнаты в коммунальных квартирах в многоквартирных домах), а также нежилых помещений и других объектов [Суяндуклова 2015: 124–125].

Каковы же последствия нарушения обязательных требований к возведению построек на садовых земельных участках?

Анализ судебной практики по делам рассматриваемой категории следует начать со знакового определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 октября 2018 г. № 49-КГ18-45. В нем получила развитие ранее сформированная позиция о том, что несоблюдение, в том числе незначительное, градостроительных и строительных норм и правил при строительстве может являться основанием для удовлетворения заявленного негаторного иска, *если при этом нарушается право собственности или законное владение истца* (п. 45 Постановления Пленума № 10/22). В указанном Определении суд отклонил требования о признании бани самовольной постройкой и об обязанности снести ее, несмотря на мнение истца о том, что баня возведена ответчиком на смежном земельном участке без необходимых разрешений, в нарушение градостроительных норм, создает угрозу его жизни и здоровью и может повлечь пожар и уничтожение имущества истца. Суд указал, что «поскольку снос объекта самовольного строительства является крайней мерой гражданско-правовой ответственности, а устранение последствий нарушений должно быть соразмерно самому нарушению, не создавать дисбаланса между публичным и частным интересом, приводящего к нарушению устойчивости хозяйственного оборота и причинению несоразмерных убытков, то незначительное нарушение действующих норм и правил как единственное

основание для сноса спорной постройки не может бесспорно свидетельствовать о невозможности сохранения самовольной постройки при установленных по делу обстоятельствах».

По сути, вывод Суда основан на конституционно-правовых принципах справедливости, разумности и соразмерности, согласно которым несоответствие избранного истцом способа защиты характеру и степени допущенного нарушения влечет отказ в иске. Решая подобного рода споры, суды обязаны в каждом случае определять, каким способом, кроме сноса строения, можно восстановить нарушенное право истца.

Ключевой вывод, сделанный в Определении № 49-КГ18-45, оказал значительное влияние на формирование судебной практики в 2019–2020 гг. Суды стали более тщательно выяснять: 1) соразмерность совершенного правонарушения (например, отступления от строительных правил и норм при возведении постройки) последствиям его устранения (в том числе экономическим), 2) возможность устранения нарушений прав и законных интересов истца иным способом, не сопряженным со сносом незаконно возведенной постройки.

Обратим внимание и на то, что само по себе нарушение норм по отступам от границ соседнего земельного участка квалифицируется судами как незначительное (см., например: апелляционные определения Ленинградского областного суда от 2 октября 2020 г. № 33-2689/2020, от 19 июня 2019 г. № 33-3269/2019, от 6 июня 2018 г. № 33-2480/2018, Алтайского краевого суда от 5 июня 2019 г. по делу № 33-4965/2019, Московского областного суда от 10 апреля 2019 г. по делу № 33-7727/2019, Санкт-Петербургского городского суда от 27 ноября 2018 г. по делу № 2-46/2018).

Аналогичный подход применяют и арбитражные суды (см., например: постановления Арбитражного суда Поволжского округа от 4 декабря 2020 г. по делу № А55-17909/2019, Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 июня 2020 г. по делу № А55-28187/2019). Они отмечают, что при рассмотрении вопроса о лишении ответчика объекта недвижимого имущества наличие формальных оснований (например, таких как возведение постройки с нарушением установленных градостроительных и иных норм и правил)

само по себе еще не ведет к сносу данного объекта; для принятия решения о сносе спорного объекта недвижимости необходимо доказать, что он представляет угрозу жизни и здоровью граждан. Несоблюдение минимальных отступов от соседнего земельного участка и санитарно-бытовых разрывов не свидетельствует о нарушении прав соседних землепользователей, поскольку само по себе не является фактором, оказывающим вредное воздействие.

Таким образом, нарушение градостроительных и строительных норм и правил выступает основанием для сноса постройки только при установлении существенности и неустранимости указанных нарушений. К существенным нарушениям строительных норм и правил относятся такие неустранимые нарушения, которые могут повлечь разрушение постройки, причинение вреда жизни, здоровью человека, повреждение или уничтожение имущества других лиц.

При оценке значительности допущенных нарушений при возведении самовольных построек должны приниматься во внимание и положения ст. 10 ГК РФ о недопустимости совершения гражданами и юридическими лицами действий исключительно с намерением причинить вред другому лицу или злоупотребления правом в других формах.

Заслуживает внимания также временной фактор, поскольку судам приходится разрешать споры в отношении построек, возведенных на садовых земельных участках более 10, 20 и даже 50 лет назад. К примеру, Коношский районный суд Архангельской области рассматривал иск о переносе хозяйственных построек, уже длительное время находящихся на земельном участке на одном и том же месте. Против существования построек истец ранее не возражал, какие-либо требования об их сносе не заявлял. При этом суду не было представлено доказательств того, что месторасположение хозяйственных построек с 1959 г. было изменено (решение Коношского районного суда Архангельской области от 12 июля 2017 г. № 2-161/2017). Непредъявление иска о сносе либо переносе незаконно возведенной постройки, по сути, может служить свидетельством отсутствия возражений у смежных землепользователей. Соответственно, уместно говорить о применении

в подобной ситуации эстоппеля – принципа утраты права на возражение при противоречивом поведении.

Не менее значим и фактор возможного нарушения правил застройки самим истцом как смежным землепользователем, что может явиться основанием для заявления по отношению к нему аналогичных встречным требованиям со стороны ответчика по первоначальному иску. В подобной ситуации следование сугубо формальному подходу и принятие решения о сносе всех построек, возведенных с отступлениями от требований, независимо от существенности их нарушения (в частности, по причине незначительного несоблюдения минимальных отступов от границ соседнего земельного участка) приведет к масштабному причинению неоправданного вреда неопределенному кругу граждан, явному нарушению баланса интересов и подрыву стабильности гражданского оборота.

Приведенные правовые позиции справедливы и в контексте реформирования института самовольной постройки, в ходе которого уточнены критерии отнесения постройки к самовольным, а из ст. 222 ГК РФ было исключено указание на *существенность* нарушения градостроительных и строительных норм и правил (Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в статью 222 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон „О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации“»). Однако суды, как мы убедились, продолжают руководствоваться данным критерием, что указывает на не вполне выверенный курс, выбранный законодателем.

В качестве альтернативного варианта восстановления нарушенного права истца суды рассматривают возможность переноса незаконно возведенной постройки, но в связи с плотностью застройки на земельных участках садоводческих некоммерческих товариществ эта мера также не является эффективной (см., например: постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 июня 2020 г. по делу № А55-28187/2019).

Рассматривая иски о сносе незаконно возведенных построек на садовых земельных участках, суды сталкиваются и с вопросом нарушения допустимого про-

цента застройки земельного участка, которое может повлечь за собой нарушение минимальных отступов от границ земельного участка (см., например, указанное выше постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда). Отметим, что СП 53.13330.2019 не устанавливает плотность застройки садовых земельных участков, но соответствующее параметрирование может вводиться правилами землепользования и застройки муниципального образования. Так, в Екатеринбурге в зонах коллективных садов, садовых и огородных земельных участков (СХ-3) максимальная плотность застройки в границах садового земельного участка установлена в размере 30 %, что осложняет полноценную реализацию правообладателями садовых земельных участков права на возведение наряду с жилым домом, например, бани и иных вспомогательных построек. При среднем размере площади садового земельного участка в 400–600 кв. м, повторим, это практически невозможно. В итоге суды, рассматривая аналогичные дела, также приходят к взвешенному выводу о несущественности допущенных при строительстве нарушений и принимают решения об отказе в сносе возведенных построек.

Анализ судебной практики по вопросам сноса незаконно возведенных строений за 2019–2020 гг. позволяет сделать вывод, что суды, разрешая споры в результате «соседских войн», отказывают в иске и соответственно в сносе постройки, возведенной с отступлениями от требований, по мотиву незначительности таких нарушений либо ищут иные способы восстановления нарушенных прав и законных интересов истца, не сопряженные со сносом / переносом постройки.

Регулярные изменения в отечественном земельном законодательстве, к сожалению, не способствуют предотвращению и разрешению конфликтов в рассматриваемой сфере [Землякова, Самончик, Устюкова 2020: 28]. При этом, несомненно, правовой институт соседского права должен быть усовершенствован. Как справедливо замечает П. В. Крашенинников, «под соседскими правами должны пониматься разумные ограничения, которые должен претерпевать собственник земельного участка в интересах соседей»¹.

¹ Куликов В. В Гражданском кодексе пропишут правила для соседей по квартире и даче // Рос. газ. 2020. 20 апр.

Ю. Д. Курмаева предлагает рассматривать соседское право в двух значениях: во-первых, как ограничение права собственности в интересах соседа, которое заключается в обязанности собственника земельного участка претерпевать воздействие исходящих с соседнего земельного участка газов, паров, запахов, дыма, копоти, тепла, шумов, вибрации и иное подобное воздействие, если оно не оказывает влияния на использование его земельного участка или оказывает на его использование такое влияние, которое не превышает установленных нормативов, разумных пределов; во-вторых, как самостоятельный институт гражданского права,

---

Нарушение градостроительных и строительных норм и правил является основанием для сноса постройки только при установлении существенности и неустранимости указанных нарушений

а именно совокупность гражданско-правовых норм, устанавливающих ограничение права собственности законного владельца земельного участка в интересах соседа в виде пределов (запретов, стеснений) и, соответственно, форм осуществления данного права, а также способов его защиты при выходе за установленные ограничения и альтернативные варианты урегулирования последствий при выходе за установленные пределы [Курмаева 2017: 97].

Кроме того, соседское право нужно отличать от многочисленных административных запретов, которые основаны, например, на правилах дорожного движения, противопожарных, санитарных, градостроительных и других нормах. Эти запреты не будут являться ограничением права собственности, так как они устанавливают нормальный режим эксплуатации отдельных объектов, представляющих повышенную общественную опасность, и осуществляются в административном порядке [Камышанский 2000: 101–102].

Данные ограничения должны не только учитывать права и законные интересы смежных землепользователей, но и обеспечивать рациональное использование земельных участков.

Список литературы

Анисимов А.П. Классификация этапов развития соседского права: дискуссионные вопросы // Вестник ТвГУ. Сер. Право. 2016. № 2. С. 160–171.

Гальченко С. А. Межевание земель населенных пунктов в условиях уплотненной застройки // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2008. № 5. С. 41–48.

Землякова Г. Л., Самончик О. А., Устюкова В. В. Правовое регулирование земельных отношений в садоводческих и огороднических товариществах: вопросы без ответов // Экологическое право. 2020. № 4. С. 28–33.

Емелькина И. А. Проблемы формирования института соседского права в российском гражданском праве // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 2. С. 399–414.

Камышанский В. П. Пределы и ограничения права собственности: моногр. Волгоград: Волгоград. юрид. ин-т МВД России, 2000. 219 с.

Курмаева Ю. Д. «Соседское право» как самостоятельный институт гражданского права // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2017. № 2. С. 96–101.

Матвеева А. А., Подковырова М. А. Особенности формирования земельных участков, предназначенных для садоводства и огородничества // Управление земельно-имущественным комплексом в условиях цифровизации агропромышленного производства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Пермь: ИПЦ Прокрость, 2020. С. 148–151.

Матвеева А. А., Юрина Т. А. Вопросы обустройства и планировки земельных участков, предназначенных для целей садоводства // Агропромышленная политика России. 2020. № 4. С. 30–34.

Суюндукова А. Ю. Понятие соседского права // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2. С. 122–125.

Андрей Владимирович Винницкий – доктор юридических наук, проректор по научной работе, профессор, заведующий кафедрой земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: av.vinnitskiy@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-8813-3486

Ольга Валерьевна Вагина – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: bmpmag@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-2734-2863

Екатерина Юрьевна Гаевская – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: ekaterinagaevskay@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-9723-1486

Rules for the Construction of Buildings on Garden Land Plots and the Consequences of Their Violation

The paper analyzes the system of updated legal sources regulating the construction of buildings on land plots provided to citizens for gardening. Special attention is paid to the Code of Rules 53.13330.2019, which establishes the rules for the development of land for horticultural associations.

Attention is focused on the requirements for the minimum margins from the borders of neighboring land plots when constructing buildings on garden land plots. The analysis and generalization of relevant judicial practice for 2019–2020 on the demolition of illegally erected buildings were

carried out. It was found that the courts either refuse to claim for the demolition of an illegally erected building on the grounds of insignificance of violations, or seek other ways to restore the violated rights and legitimate interests of the plaintiffs, not involving the demolition or transfer of a building erected with a deviation from the established requirements.

In conclusion, the authors note the need to improve and more thoroughly regulate the legal institution of neighbor law in order to ensure the implementation of the principle of rational use of land plots; the need to establish reasonable restrictions taking into account the rights and legitimate interests of adjacent land users was also pointed out.

Keywords: neighbor law, minimum indents from the borders of neighboring land plots, illegal construction, demolition of illegally erected buildings, garden land, gardening non-profit partnership

Recommended citation

Vinnitskiy A. V., Vagina O. V., Gaevskaya E. Yu. Pravila vozvedeniya postroek na sadovykh zemel'nykh uchastkakh i posledstviya ikh narusheniya [Rules for the Construction of Buildings on Garden Land Plots and the Consequences of Their Violation], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 4, pp. 50–58, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_50.

References

Anisimov A. P. Klassifikatsiya etapov razvitiya sosedskogo prava: diskussionnye voprosy [Classification of Stages of Development of Neighborhood Law: Controversial Issues], *Vestnik TvGU. Ser. Pravo*, 2016, no. 2, pp. 160–171.

Emel'kina I. A. Problemy formirovaniya instituta sosedskogo prava v rossiiskom grazhdanskom prave [Problems of the Formation of the Institute of Neighborhood Law in Russian Civil Law], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2016, vol. 158, book 2, pp. 399–414.

Galchenko S. A. Mezhevanie zemel' naselennykh punktov v usloviyakh uplotnennoi zastroiki [Land Surveying of Settlements in the Conditions of Compacted Development], *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii*, 2008, no. 5, pp. 41–48.

Kamyshanskiy V. P. *Predely i ogranicheniya prava sobstvennosti* [Limits and Restrictions of Property Rights], Volgograd, Volgograd. jurid. in-t MVD Rossii, 2000, 219 p.

Kurmaeva Yu. D. «Sosedskoe pravo» kak samostoyatel'nyi institut grazhdanskogo prava [«Neighborhood Law» as an Independent Institute of Civil Law], *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo*, 2017, no. 2, pp. 96–101.

Matveeva A. A., Podkovyrova M. A. *Osobennosti formirovaniya zemel'nykh uchastkov, prednaznachennykh dlya sadovodstva i ogorodnichestva* [Features of the Formation of Land Plots Intended for Gardening], *Upravlenie zemel'no-imushchestvennym kompleksom v usloviyakh tsifrovizatsii agropromyshlennogo proizvodstva* [Management of the Land and Property Complex in the Conditions of Digitalization of Agro-Industrial Production]: conference papers, Perm, IPTs Prokrost, 2020, pp. 148–151.

Matveeva A. A., Yurina T. A. *Voprosy obustroistva i planirovki zemel'nykh uchastkov, prednaznachennykh dlya tselei sadovodstva* [Questions of Arrangement and Planning of Land Plots Intended for Gardening Purposes], *Agropromyshlennaya politika Rossii*, 2020, no. 4, pp. 30–34.

Suyundukova A. Yu. *Ponyatie sosedskogo prava* [The Concept of Neighborhood Law], *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, no. 2, pp. 122–125.

Zemlyakova G. L., Samonchik O. A., Ustyukova V. V. *Pravovoe regulirovanie zemel'nykh otnoshenii v sadovodcheskikh i ogorodnicheskikh tovarishchestvakh: voprosy bez otvetov* [Legal Regulation of Land Relations in Horticultural Partnerships: Questions without Answers], *Ekologicheskoe pravo*, 2020, no. 4, pp. 28–33.

Andrey Vinnitskiy – doctor of juridical sciences, vice-rector for research, professor, head of the Department of land, urban planning and environmental law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: av.vinnitskiy@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-8813-3486

Ol'ga Vagina – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of land, urban planning and environmental law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: bmpmag@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-2734-2863

Ekaterina Gaevskaya – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of land, urban planning and environmental law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: ekaterinagaevskay@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-9723-1486

Дата поступления в редакцию / Received: 01.06.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.08.2021

Б. А. Воронин, И. П. Чупина, Я. В. Воронина
Уральский государственный аграрный университет
(Екатеринбург)

АГРАРНОЕ ПРАВО КАК РЕГУЛЯТОР ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Используя методы анализа, синтеза, обобщения, сравнительного правоведения и юридического прогнозирования, авторы рассматривают аграрное право как комплексную отрасль российского права. Приведены основные нормативные акты, регулирующие аграрные отношения (в частности, Земельный и Гражданский кодексы Российской Федерации, а также иные законы федерального уровня).

Авторы изучили и представили принципы современного аграрного права, отмечая, что многие из них являются наследием сельскохозяйственного права. В связи с этим сделан вывод о необходимости переоценки принципов современного аграрного права с учетом состояния российского сельского хозяйства и перспектив его развития. Предлагается сформулировать новые принципы аграрного права на основе принципов аграрной политики, определенных в Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства». Изложенные принципы будут способствовать формированию институтов аграрного права и развитию данной отрасли.

Ключевые слова: аграрное право, аграрные правоотношения, сельскохозяйственная деятельность, регулирование общественных отношений

Для цитирования

Воронин Б. А., Чупина И. П., Воронина Я. В. Аграрное право как регулятор отношений в современном сельском хозяйстве // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. С. 59–63. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_59.

УДК 349.4

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_59

Тема формирования и развития отрасли аграрного права активно исследовалась в начале XXI в., о чем свидетельствуют защиты диссертаций по научной специальности 12.00.06 – природоресурсное право; аграрное право; экологическое право. Можно отметить докторские диссертации Б. А. Воронина, Ф. Р. Муратшина, Р. А. Ханнанова, Р. С. Ярандайкина, а также кандидатские диссертации, защищенные в Москве, Волгограде, Саратове, Уфе и других городах Российской Федерации. В указанных работах рассматривались вопросы государственной поддержки, формирования и развития фермерских хозяйств и иных малых и средних форм хозяйствования в аграрном секторе экономики.

Аграрное право как комплексная отрасль права осуществляет регулирование отношений в сфере аграрной экономики. Вместе с тем невозможно качественно урегулировать все отношения в современном сельском хозяйстве лишь нормами аграрного права.

Наличие различных отраслей права, участвующих в правовом регулировании сельскохозяйственной деятельности, дает повод не рассматривать аграрное право как самостоятельную отрасль права. Споры на эту тему у теоретиков продолжаются до сих пор. При этом ученые признают, что классификационным признаком отрасли права является наличие объекта, предмета и методов правового регулирования. Указанные признаки позволяют рассматривать аграрное право как специфическую комплексную отрасль права, с помощью которой опосредуются аграрные отношения и создаются правовые условия для развития аграрной экономики.

Аграрное право как учебная дисциплина, отрасль права и аграрно-правовой науки начала развиваться в 1990 г. в условиях политических трансформаций в Российском государстве и проведения земельной реформы. Новые организационно-правовые формы хозяйствования получили юридическое оформление в Гражданском и Земельном кодексах

Российской Федерации и в Федеральных законах «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», «Об акционерных обществах», «Об обществах с ограниченной ответственностью», «О сельскохозяйственной кооперации», «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», «О личном подсобном хозяйстве» и др.

Поскольку аграрное право получило в наследство от своих предшественников – колхозного и сельскохозяйственного права – апробированную структуру отрасли, то при его формировании практически сохранились институты и принципы, ранее действовавшие в сельскохозяйственном праве. Приведем принципы, обозначенные в учебнике по аграрному праву [Аграрное право 1996]:

- 1) право российских граждан на полноценное питание;
- 2) равенство участников аграрных правоотношений;
- 3) право крестьян на добровольный выбор форм и направлений трудовой и хозяйственной деятельности;
- 4) расширение системы юридических гарантий для свободы аграрного предпринимательства;

На наш взгляд, за основу содержания принципов современного аграрного права целесообразно принять принципы государственной аграрной политики

---

5) всемирная охрана и укрепление множественных форм собственности и базирующихся на них организационно-правовых форм хозяйствования сельскохозяйственных товаропроизводителей;

6) органическая связь трудовой деятельности с природно-климатическими условиями аграрного предпринимательства, экологическая направленность этой деятельности;

7) хозяйственная и юридическая самостоятельность, материальная заинтересованность и ответственность сельскохозяйственных коммерческих организаций (предприятий) за результаты предпринимательской деятельности;

8) полнота правового регулирования аграрных отношений, непрерывность обновления аграрного законодательства, обеспечение законности в деятельности всех участников рыночных аграрных отношений;

9) закрепление за государством регулирующих функций в сфере сельскохозяйственной деятельности;

10) демократизация системы управления агропромышленным комплексом;

11) реальность и гарантированность субъективных прав участников аграрных правоотношений.

Поскольку современное аграрное право действует в условиях, далеких от начала 1990-х гг., и в сельском хозяйстве сформированы новые аграрные отношения, необходима переоценка принципов с учетом современного состояния и прогноза развития сельского хозяйства в Российской Федерации. На наш взгляд, за основу содержания принципов современного аграрного права целесообразно принять принципы государственной аграрной политики, определенные в п. 3 ст. 5 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства»:

1) доступность и адресность государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей;

2) доступность информации о состоянии государственной аграрной политики;

3) единство рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и обеспечение равных условий конкуренции на этом рынке;

4) последовательность осуществления мер государственной аграрной политики и ее устойчивое развитие;

5) участие союзов (ассоциаций) сельскохозяйственных товаропроизводителей в формировании и реализации государственной аграрной политики.

По содержанию эти принципы в целом будут отвечать целям правового регулирования сельскохозяйственной деятельности.

Перечислим также новые дополнительные принципы аграрного права:

1) повышение конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции и российских сельскохозяйственных товаропроизводителей, обеспечение качества российских продовольственных товаров;

2) обеспечение устойчивого развития сельских территорий, занятости сельского населения, повышения уровня его жизни, в том числе оплаты труда работников, занятых в сельском хозяйстве;

3) сохранение и воспроизводство используемых для нужд сельскохозяйственного производства природных ресурсов;

4) формирование эффективно функционирующего рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, обеспечивающего повышение доходности сельскохозяйственных товаропроизводителей и развитие инфраструктуры этого рынка;

5) создание благоприятного инвестиционного климата и повышение объема инвестиций в сфере сельского хозяйства;

6) наблюдение за индексом цен на сельскохозяйственную продукцию, сырье и индексом цен (тарифов) на промышленную продукцию (услуги), используемую сельскохозяйственными товаропроизводителями, и поддержание паритета индексов таких цен (тарифов).

Кроме того, с учетом новых направлений развития сельского хозяйства в аграрном праве должны получить воплощение принципы интеллектуализации аграрного производства, экологизации сельскохозяйственной деятельности, формирования и развития человеческого капитала в сельских территориях, развития цифровой аграрной экономики [Воронин, Круглов, Рущицкая и др. 2021].

Все изложенные выше принципы должны создать основу для формирования институтов аграрного права, которые в совокупности будут ядром современной отрасли аграрного права.

Необходимо еще раз отметить, что аграрное право России вначале регулировало производственно-хозяйственную деятельность по примеру колхозного и сельскохозяйственного права, кооперативных организаций – колхозов, совхозов и иных государственных сель-

скохозяйственных организаций [Воронин, Чупина, Воронина 2021; Пельвицкая 2021]. В советский период переработка сельскохозяйственной продукции и производство продуктов питания осуществлялись специализированными предприятиями, входящими в отдельные от Минсельхоза министерства и ведомства пищевой и перерабатывающей промышленности.

В современных условиях в аграрной экономике произошло слияние сельскохозяйственных товаропроизводителей с предприятиями переработки. Крупные и эффективные сельскохозяйственные организации создают внутривладельческие перерабатывающие структуры, а сельскохозяйственные товаропроизводители создают агрохолдинги или агрокластеры, в которых на приоритетных началах производят пищевые продукты [Nikolaeva, Chistova, Panina etc. 2021].

Как видно из изложенного, объем регулирования аграрного права заметно увеличился, особенно для комплекса общественных отношений [Достижения аграрной науки в производстве 2020]. Следует согласиться с Г. Е. Быстровым в том, что сегодня аграрное право переживает серьезные изменения: обновляется и обогащается его нормативная база под влиянием рыночных реформ в сельском хозяйстве, возникают новые направления правового регулирования; модифицируются структура, соотношение различных институтов и подинститутов; переосмысливаются традиционные понятия и структуры [Быстров 1998].

Список литературы

Nikolaeva O., Chistova O., Panina N. etc. Linking Pollution of Roadside Soils and Ecotoxicological Responses of Five Higher Plants // *Ecotoxicology and Environmental Safety*. 2021. Т. 208. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0147651320314238?via%3Dihub>. DOI: 10.1016/j.ecoenv.2020.111586.

Аграрное право: учеб. / под ред. Г. Е. Быстрова, М. И. Козыря. М.: Юрид. лит., 1996. 640 с.

Быстров Г. Е. Вопросы теории аграрного права и методики его преподавания в юридических вузах России // *Государство и право*. 1998. № 11. С. 58–71.

Воронин Б. А., Круглов В. В., Рущицкая О. А. и др. Правовое регулирование рационального использования и охраны земель в современной России: моногр. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. аграр. ун-та, 2021. 152 с.

Воронин Б. А., Чупина И. П., Воронина Я. В. Организационно-правовые и экономические механизмы рационального использования природных ресурсов // *Аграрное образование и наука*. 2021. № 2.

Достижения аграрной науки в производстве / под ред. М. Ю. Карпущина. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. аграр. ун-та, 2021. 423 с.

Борис Александрович Воронин – доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института аграрно-экологических проблем и управления сельским хозяйством Уральского государственного аграрного университета. 620075, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Тургенева, д. 23. E-mail: voroninba@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-0912-7839

Ирина Павловна Чупина – доктор экономических наук, профессор кафедры управления и права Уральского государственного аграрного университета. 620075, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Тургенева, д. 23. E-mail: irinacupina716@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-2875-3306

Яна Викторовна Воронина – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и права Уральского государственного аграрного университета. 620075, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Тургенева, д. 23. E-mail: arizona72@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-4271-6264

Agrarian Law as a Regulator of Relations in Modern Agriculture

Using the methods of analysis, synthesis, generalization, comparative jurisprudence and legal forecasting, the authors consider agrarian law as an independent branch of Russian law. The main normative acts regulating agrarian relations are given in the paper. They include the Land and Civil Codes of the Russian Federation, and certain federal laws.

The authors studied and presented the principles of modern agrarian law, noting that many of them are the legacy of agricultural law. In this regard, it is concluded that it is necessary to re-evaluate the principles of modern agrarian law, taking into account the current state of Russian agriculture and the prospects for its development. The authors propose to formulate new principles of agrarian law based on the principles of agrarian policy established in the Federal Law «On the Development of Agriculture». These principles are aimed at the formation of institutions of agrarian law and the development of this industry.

Keywords: *agrarian law, agrarian legal relations, agricultural activity, regulation of public relations*

Recommended citation

Voronin B. A., Chupina I. P., Voronina Ya. V. Agrarnoe pravo kak regulyator otnoshenii v sovremennom sel'skom khozyaistve [Agrarian Law as a Regulator of Relations in Modern Agriculture], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 4, pp. 59–63, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_59.

References

Bystrov G. E. Voprosy teorii agrarnogo prava i metodiki ego prepodavaniya v yuridicheskikh vuzakh Rossii [Questions of the Theory of Agrarian Law and Methods of Its Teaching in Law Universities of Russia], *Gosudarstvo i pravo*, 1998, no. 11, pp. 58–71.

Bystrov G. I., Kozyr' M. I. (eds.) *Agrarnoe pravo* [Agrarian Law], Moscow, Yurid. lit., 1996, 640 p.

Karpukhin M. Yu. (ed.) *Dostizheniya agrarnoi nauki v proizvodstve* [Achievements of Agricultural Science in Production], Ekaterinburg, Idz-vo Ural. gos. agrar. un-ta, 2021, 423 p.

Nikolaeva O., Chistova O., Panina N. etc. Linking Pollution Of Roadside Soils And Ecotoxicological Responses Of Five Higher Plants, *Ecotoxicology and Environmental Safety*, 2021, vol. 208, available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0147651320314238?via%3Dihub>, DOI: 10.1016/j.ecoenv.2020.111586.

Pel'vitskaya E. P. K voprosu o stavke zemel'nogo naloga v otnoshenii zemel'nykh uchastkov s vidom razreshennogo ispol'zovaniya «dlya vedeniya sadovodstva» i «dlya vedeniya ogorodnichestva» [On the Issue of the Land Tax Rate in Respect of Land Plots With the Type of Permitted Use «For Gardening» and «For Kitchen-Gardening»], *Agrarnoe obrazovanie i nauka*, 2021, no. 2.

Voronin B. A., Kruglov V. V., Rushchitskaya O. A. etc. *Pravovoe regulirovanie ratsional'nogo ispol'zovaniya i okhrany zemel' v sovremennoi Rossii* [Legal Regulation of Rational Use and Protection of Land in Modern Russia], Ekaterinburg, Idz-vo Ural. gos. agrar. un-ta, 2021, 152 p.

Voronin B. A., Chupina I. P., Voronina Ya. V. *Organizatsionno-pravovye i ekonomicheskie mekhanizmy ratsional'nogo ispol'zovaniya prirodnnykh resursov* [Organizational, Legal and Economic Mechanisms of Rational Use of Natural Resources], *Agrarnoe obrazovanie i nauka*, 2021, no. 2.

Boris Voronin – doctor of juridical sciences, professor, director of the Research institute of agrarian and environmental problems and agricultural management, Ural State Agrarian University. 620075, Russian Federation, Ekaterinburg, Turgenev str., 23. E-mail: voroninba@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-0912-7839

Irina Chupina – doctor of economic sciences, professor of the Department of management and law, Ural State Agrarian University. 620075, Russian Federation, Ekaterinburg, Turgenev str., 23. E-mail: irinacupina716@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-2875-3306

Yana Voronina – candidate of economic sciences, associate professor of the Department of management and law, Ural State Agrarian University. 620075, Russian Federation, Ekaterinburg, Turgenev str., 23. E-mail: arizona72@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-4271-6264

Дата поступления в редакцию / Received: 02.06.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.08.2021

А. В. Казакова

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ КОПИЯ ДОКУМЕНТА ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ?

Лица, вовлеченные в сферу судебных правоотношений, зачастую лишены возможности передачи в судебные органы оригиналов документов. При этом в ряде случаев копии документов нельзя рассматривать в качестве надлежащей альтернативы оригиналу. Широта судебной усмотрения по поводу допустимости / недопустимости использования копий документов формирует противоречивую судебную практику, что, в свою очередь, негативно сказывается на авторитете судебной власти в глазах практикующих юристов.

На основе положений УПК РФ, АПК РФ, ГПК РФ с использованием сравнительно-правового метода автор устанавливает критерии допустимости копий в качестве доказательств, обращает внимание на неоднозначность подхода к решению этого вопроса в зависимости от вида судопроизводства. Автор приходит к выводу, что выработанные в рамках гражданских и арбитражных судебных процедур базовые правовые положения, регулирующие обращение с копиями документов, не могут быть применены в уголовном судопроизводстве. Уголовный процесс имеет свою логику, направленную на установление объективной истины, что минимизирует использование копий в качестве доказательств.

В результате исследования сформулированы особенности приобщения, заведения и оценки копий документов.

Ключевые слова: свобода оценки доказательств, иной документ как доказательство, режим работы с копиями документов, особенности оценки сведений, подтвержденных копиями

Для цитирования

Казакова А. В. Является ли копия документа доказательством в российском уголовном процессе? // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. С. 64–71. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_64.

УДК 343.1

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_64

Обстоятельством, побудившим автора статьи взяться за исследование теоретических вопросов использования копии документа в процессе доказывания, послужило неоднозначное понимание доказательственного значения в различных судопроизводствах Российской Федерации. По роду своей деятельности автору приходится иметь дело и с гражданским, и с арбитражным, и с налоговым, и с уголовным процессом, в связи с чем был выявлен следующий парадокс: «гражданские»¹ юристы (в том числе адво-

¹ В настоящей статье под «гражданскими» подразумеваются юристы, которые представляют интересы граждан и организаций в гражданском, арбитражном судопроизводстве, а также юрисконсульты предприятий.

каты) и их «уголовные»² коллеги очень по-разному смотрят на проблему допустимости копии документа в качестве доказательства. Первые утверждают, что копия документа не может служить полноценным самостоятельным доказательством, а вторые полагают, что она является иным документом и может быть использована для доказывания вины подозреваемого / обвиняемого, положена в основу постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного заключения (акта и постановления), а также предъявлена во время судебного следствия.

² Термин «уголовные юристы» используется для обозначения сотрудников правоохранительных органов, а также преподавателей курса «Уголовный процесс».

Сконструируем ситуацию: потенциальным обвиняемым были предприняты попытки по сокрытию следов преступления, в связи с чем оригиналы товарных накладных, счетов-фактур, универсальных передаточных документов были уничтожены, но остались их копии, которые ранее представлялись, к примеру, в налоговый орган или самому следователю (дознавателю) при проведении доследственной проверки. В этом случае доказать вину иными доказательствами, кроме копий, не удастся.

Представляется, что уже назрела необходимость в выработке единого подхода к исследуемой проблеме, поскольку, во-первых, в правовом государстве недопустимо различие в основных постулатах доказательственного права; во-вторых, налицо высокий скачок преступлений, совершенных в экономической сфере, в связи с чем происходит, условно говоря, сближение гражданского и уголовного процесса, на практике выражающееся в том, что материалы гражданского дела могут «перекочевать» в уголовное дело.

Так, по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации за январь 2021 г., подразделениями органов внутренних дел выявлено 11,5 тыс. преступлений экономической направленности, что составило 91,0 % от общего количества преступлений¹.

Автор настоящей статьи ставит следующие задачи:

- 1) установить статус копий документа в гражданском, арбитражном процессе;
- 2) проанализировать мнения ученых-процессуалистов о применении копий документов в доказывании;
- 3) изучить сложившуюся судебную практику;
- 4) сделать выводы и сформулировать рекомендации.

Как известно, на территории Российской Федерации юридическую силу имеет оригинал документа. Так, для идентификации гражданин предъявляет оригинал паспорта; при необходимости регистрационных или иных действий, порождающих юридические последствия, в государственные органы, учреждения также подаются подлинные документы.

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2021 года // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/23163626/> (дата обращения: 10.04.2021).

Согласно ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под документированной информацией понимается зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель.

А. В. Акопян верно отмечает, что главный вопрос судопроизводства при исследовании письменных доказательств – это определение тождественности фактических обстоятельств обстоятельствам, описанным в документах [Акопян 2019: 96].

Пункт 7 ГОСТа Р 7.0.8-2013. «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечно-му и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17 октября 2013 г. № 1185-стю) гласит, что документом является зафиксированная на носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать. Названный ГОСТ устанавливает следующие определения:

подлинный документ – это документ, сведения об авторе, времени и месте создания которого, содержащиеся в самом документе или выявленные иным путем, подтверждают достоверность его происхождения;

подлинник документа – первый или единственный экземпляр документа;

дубликат документа – повторный экземпляр подлинника документа;

копия документа – экземпляр документа, полностью воспроизводящий информацию подлинника документа;

заверенная копия документа – копия документа, на которой в соответствии с установленным порядком проставлены реквизиты, обеспечивающие ее юридическую значимость.

Следовательно, копия документа не имеет юридической силы. В ряде случаев допускается предъявление заверенных копий документов, при этом надлежащим заверением признается проставление следующих реквизитов: надписи «копия верна»; даты завере-

ния; подписи, фамилии и инициалов лица, заверяющего копию; печати. Надлежащим заверением также является удостоверение копии в органах нотариата, причем копия обладает юридической силой оригинала.

Режим использования оригиналов (подлинников) и копий при доказывании устанавливается отраслевым процессуальным законодательством.

Согласно ч. 2 ст. 71 Гражданского процессуального кодекса РФ письменные доказательства представляются в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии. Иными словами, у сторон имеется альтернатива: либо представить в судебном заседании надлежащим образом заверенную копию, либо предъявить оригинал, при этом ходатайствуя о приобщении к делу заверенной копии.

Аналогичная норма закреплена в Арбитражном процессуальном кодексе РФ: письменные доказательства нужно представлять в суд в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии (ч. 8 ст. 75). Подлинник необходимо представлять в случаях, предусмотренных законом, а также по требованию суда (ч. 9 ст. 75 АПК РФ).

В самом общем виде подлинники документов представляются в следующих случаях:

- 1) обстоятельства дела согласно нормативным правовым актам подлежат подтверждению только такими документами;
- 2) дело невозможно разрешить без подлинных документов;
- 3) представлены копии документа, различные по содержанию;
- 4) одна из сторон заявляет о фальсификации доказательств.

А. В. Акопян на основании анализа правовых норм, общего принципа равнозначности доказательств и судебной практики приходит к выводу о том, что копия документа (даже при условии утраты оригинала или его отсутствия по причине неоформления) может служить надлежащим доказательством по делу [Акопян 2019: 100]. При этом данный автор указывает на правовую незащищенность одной из сторон в случаях, если предоставлена копия документа, которого не может существовать.

Например, в Арбитражном суде Пермского края при рассмотрении вопроса о мнимости сделки правопреемник истца предъявил,

в том числе, товарно-транспортные накладные, согласно которым товар перевозился от поставщика к покупателю. Перевозка не могла быть осуществлена, поскольку, во-первых, указанные в товарно-транспортных накладных транспортные средства представляли собой краноманипуляторные установки и вообще не были предназначены для перевозки каких-либо грузов; во-вторых, исходя из содержания спецификаций до поставки товар находился в том же самом месте, в котором должен был находиться после осуществления поставки (на одном и том же складе). При подобных затруднениях необходимо использовать совокупность иных доказательств, а также привлекать к делу третьих лиц, которые могут оспорить факты, отраженные в копиях документов (решение Арбитражного суда Пермского края от 13 августа 2020 г. по делу № А50-7328/2016).

В. И. Рябоконт добавляет, что в случаях отсутствия подлинника документа по тем или иным причинам в материалы дела включаются как копия документа, так и иные доказательства, на основании которых можно говорить об идентичности копии оригиналу документа [Рябоконт 2019: 567].

С. И. Лопатин указывает на широкое поле для судебного усмотрения по вопросу о достаточности / недостаточности копии документа. Ученый видит причину этого в самих конструкциях норм ГПК РФ и АПК РФ, которые устанавливают право, а не обязанность суда истребовать у сторон оригиналы документов [Лопатин 2019: 20].

Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит подобной нормы о соотношении юридической силы подлинников и копий документов. Вообще о копиях в кодексе говорится в следующих случаях:

- 1) ознакомление участников судопроизводства с материалами уголовного дела;
- 2) приобщение к материалам уголовного дела копий для доказывания обстоятельств уголовного дела;
- 3) приобщение к выделенному уголовному делу заверенных надлежащим образом следователем / дознавателем копий документов из первоначального уголовного дела (ч. 4 ст. 154 УПК РФ);
- 4) использование копий для восстановления утраченного уголовного дела (ч. 2 ст. 158.1 УПК РФ).

Означает ли это, что копии документа как таковой не место в системе доказательств в уголовном судопроизводстве? При ответе на поставленный вопрос не следует забывать и о том, что процессуальный закон, в отличие от материального, допускает в ходе правового регулирования применение закона по аналогии.

В теории уголовного судопроизводства в качестве одного из критериев классификации доказательств указывается источник их формирования. В зависимости от данного критерия доказательства делятся на первоначальные (или первичные) и производные (или вторичные) [Кудин 1967: 8–11]. Первичными называют доказательства, которые получены из первоисточника (т. е. нет промежуточных звеньев между обстоятельством и доказательством). К таковым относятся признательные показания обвиняемого / подозреваемого, показания свидетелей-очевидцев, оригиналы документов, материальные следы, оставшиеся на месте преступления, и т. д. Вторичными являются доказательства, полученные посредством другого источника, иными словами, через посредствующий материальный объект (или лицо). О. В. Левченко среди таковых называет слепки и оттиски следов, показания участников о сведениях, которые они узнали от иных лиц, а также копии документов [Левченко 2013: 112].

Хотелось бы привести мнение корифея доказательственного уголовного права А. Ф. Белкина. Согласно принятому в российском процессе принципу свободной оценки доказательств ценность доказательства не определяется ни его видом, ни видом его источника, из которого оно почерпнуто. «Доказательственному праву чужды заведомо скептический взгляд на те или иные виды доказательств, заведомое определение ценности доказательства без анализа его конкретного содержания и роли в данном конкретном акте доказывания»; всякое предпочтение одного из видов или источников доказательств влечет за собой тенденциозность и нарушение законности в процессе доказывания [Белкин 2007: 263, 265]. Ученый говорит о том, что иное означало бы возвращение к средневековой теории формальных доказательств, что недопустимо в современном обществе.

Н. С. Савельева отмечает, что производные доказательства незаменимы, когда первоначальное доказательство утеряно или по каким-то причинам не может быть использовано [Савельева 2019: 51].

Еще один довод в пользу допустимости использования копии документа содержится в Обзоре практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 за 2020 год. Пункт 9 гласит, что нормы процессуального права не запрещают представлять письменные доказательства в копиях, а также проводить судебную почерковедческую экспертизу по копии документа. Вопросы о достаточности и пригодности материалов, а также о методике проведения экспертизы относятся к компетенции эксперта.

Автор настоящей статьи согласен с тем, что копии документов могут быть предметами экспертного исследования, более того, в ходе своей деятельности приходилось столкнуться с необходимостью назначения экспертизы на предмет отождествления оригинала документа с его копией при следующих обстоятельствах. В материалы дела была представлена копия договора аренды транспортных средств с подписями и печатями двух сторон сделки, которыми выступали юридические лица. Привлеченное третье лицо в судебном заседании представило проект данного договора с подписью и печатью одного из контрагентов, а также пояснило, что с данного документа была произведена копия, на которую в последующем нанесены подпись и печать второго контрагента, со второго документа была снята еще одна копия и представлена в суд в качестве обоснования действительности сделки. Для подтверждения слов третьего лица возникла необходимость проведения экспертизы с поставленным для разрешения вопросом: «С представленного ли оригинала выполнена копия, имеющаяся в материалах дела № А50-7328/2016 (л. д. ...)?». Экспертный центр был готов выполнить данное исследование.

В пользу довода о недопустимости использования копии документа (даже надлежащим образом заверенной) свидетельствуют следующие обстоятельства.

Во-первых, нужно учитывать общественную значимость уголовного судопроизводства. Ведь если в результате гражданского

процесса человек лишается либо денежных средств, либо имущества, то последствием уголовного судопроизводства становится сломанная судьба. Гражданский процесс базируется на совершенно иных принципах, ему присуща своя, особенная логика, которая не применима к уголовному процессу. Так, в гражданском судопроизводстве спорят равноправные стороны, а в уголовном наличествуют властные субъекты, которые обладают силой государственного принуждения. Невозможно представить, что следователя / дознавателя / прокурора можно приравнять по процессуальному положению к истцу по гражданскому делу. Это абсолютно разные субъекты правоотношения.

В уголовном судопроизводстве существует система норм (недоступная гражданскому процессу), связанная с недопустимостью злоупотребления властью и привлечения невиновного к уголовной ответственности: принцип законности (ст. 7 УПК РФ); презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ); постулаты о недопустимости доказательств (ст. 75 УПК РФ); процедура признания доказательств недопустимыми (ч. 4 ст. 88 УПК РФ).

Даже теоретически невозможно представить, чтобы вопрос о допустимости или недопустимости доказательств был связан со способностью прочесть документ

Во-вторых, нельзя не принимать во внимание легкость создания фальсифицированных копий документов. Самый распространенный способ можно условно назвать «апликацией», и состоит он в том, чтобы сделать копии различных документов, интересующих по содержанию, затем вырезать из этих копий отдельные части (отдельно текст, отдельно печать, отдельно подписи и пр.), поместить на лист бумаги и на копировальном приборе сделать копию. В итоге получится копия документа, который никогда физически не существовал. Соответственно ни при каких обстоятельствах невозможно будет установить факт подделки, а также гарантировать, что данное доказательство не было исполнено самими должностными лицами, осуществляющими судопроизводство.

В-третьих, при копировании содержащаяся в документе информация может исказиться, на что обращает внимание А. В. Акопян [Акопян 2019: 101]. Ввиду технического состояния аппаратуры возникают ситуации, когда копии документов становятся нечитаемыми или допускающими двоякое прочтение (последнее относится к цифрам). При этом даже теоретически невозможно представить, чтобы вопрос о допустимости или недопустимости доказательств был связан со способностью прочесть документ (если читаемо – допустимо; нечитаемо – недопустимо).

Так, апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 18 августа 2020 г. по делу № А10-14932/2020 был отменен приговор районного суда Москвы, дело отправлено межрайонному прокурору Москвы для устранения препятствий к его рассмотрению судом, поскольку личность обвиняемого М. была установлена со слов последнего и подтверждена нечитаемой копией паспорта М.

В-четвертых, при восстановлении утраченного уголовного дела оставшиеся от него копии не используются при доказывании. В таких обстоятельствах копии документов служат в качестве отправных данных. В. А. Михайлов указывает, что для восстановления утраченного уголовного дела используются следующие методы:

1) реставрация, т. е. приведение дела в первоначальный вид по его отдельным полностью сохранившимся подлинным материалам, по его отдельным сохранившимся испорченным (поврежденным) материалам и (или) по сохранившимся официально заверенным копиям материалов данного дела;

2) реконструкция дела по сохранившимся незаверенным копиям утраченных материалов;

3) воссоздание дела путем приведения его в прежнее нормальное состояние, т. е. повторное создание путем производства процессуальных действий, наименование и перечень которых устанавливаются по сохранившейся описи документов дела, а содержание – по описаниям данных процессуальных действий участниками уголовного процесса в ходе их допроса [Михайлов 2013: 160].

Ученый акцентирует внимание на том, что допускается восстановление целиком утра-

ченного уголовного дела, и при этом не допускается восстановление частично утраченного.

В-пятых, правила ст. 84 УПК РФ не ущемляют правовой режим работы с копиями документов. В совокупности с другими приведенными доводами такое обоснование обретает логику и начинает выступать в качестве главного в цепочке остальных: в самом сложном, судьбоносном процессе недопустимо применение доказательств, которые бы с точки зрения допустимости имели хоть малейший изъян.

Обратимся к другим примерам из судебной практики.

По уголовному делу № 22-6709/2016 следователем была истребована и приобщена копия должностной инструкции начальника следственного отдела УМВД России по городскому округу. Адвокат в апелляционной жалобе указал, что поскольку не был представлен оригинал, то эта копия не может служить надлежащим доказательством. Судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда в апелляционном определении от 27 октября 2016 г. указала, что необходимые надлежаще заверенные копии документов были истребованы следователем и приобщены к делу как иные документы. Вместе с тем факт отсутствия подлинника инструкции сам по себе не ставит под сомнение данные, содержащиеся в имеющейся копии, которая оценена судом в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, и нарушений прав стороны защиты в этой части не допущено.

Подход суда здесь представляется неверным. Целесообразно в ходе судебного следствия изучать именно оригиналы документов, а при их отсутствии – истребовать у законных владельцев. Практика рассмотрения арбитражных дел выработала правило, согласно которому в судебном заседании стороны представляют на обозрение суда подлинники приобщенных к делу копий, при этом составляется стороной и подписывается председательствующим реестр в двух экземплярах, один из которых приобщается к материалам дела. Появление данного судебного обычая связано в первую очередь с потребностью в объективном и беспристрастном судопроизводстве.

Приведем другой пример.

Московский городской суд в апелляционном постановлении от 5 сентября 2019 г. по делу № 10-16871/2019 указал, что 8 апреля 2019 г. стороной защиты было заявлено ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела ряда документов, характеризующих личность обвиняемого; в тот же день следователь вручил защитнику запрос на представление оригиналов представленных копий документов или заверенных копий документов; 11 апреля 2019 г. следователь вынес постановление о частичном удовлетворении ходатайства защитника, т. е. о приобщении только оригиналов документов.

Суд первой инстанции сделал правильный вывод, что следователь обоснованно отказал в приобщении к материалам дела ксерокопий представленных защитой письменных документов, поскольку возникли обоснованные сомнения в их содержании, источнике получения информации, в способах, условиях и обстоятельствах отражения информации в документе, в способах и условиях получения самого документа, с учетом того что на следователя, устанавливающего обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу (том числе смягчающие наказание обстоятельства и иные, имеющие значение для разрешения уголовного дела), возложена обязанность собрать сведения, проверить и оценить их на предмет относимости, допустимости и достоверности.

Подведем итоги.

1. Использование при отправлении уголовного правосудия копий документов является нарушением принципов законности, состязательности и равноправия сторон, поскольку сам УПК РФ не содержит правил, определяющих режим работы с копиями.

2. Основывать приговор на копиях можно только в ситуациях, когда оригинал доступен (не уничтожен) после соответствующего установления идентичности содержания копии с содержанием подлинника.

3. К материалам уголовного дела необходимо приобщать только читаемые копии документов после сличения их содержания с оригиналом и надлежащего заверения полномоченными лицами (например, нотариусами).

Список литературы

Акопян А. В. Соотношение принципа поиска истины по делу и обоснованности судебного решения в гражданском процессе на примере института оценки письменных доказательств (документов и их копий) // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 2. С. 95–105.

Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2007. 528 с.

Кудин Ф. М. Производные доказательства и их источники в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1967. 21 с.

Левченко О. В. Классификация доказательств в уголовном процессе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 3. С. 111–114.

Лопатин С. И. Потеряли оригинал документа. Когда суду достаточно копии // Арбитражная практика для юристов. 2019. № 3. С. 14–19.

Михайлов В. А. Восстановление уголовного дела // Публичное и частное право. 2013. № 2. С. 158–188.

Рябоконе В. И. Копия и оригинал в письменных доказательствах гражданского судопроизводства // Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства: материалы межвуз. науч.-практ. конф. / под ред. С. В. Потапенко. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2019. С. 565–568.

Савельева Н. В. Проблемы доказательств и доказывания в уголовном процессе: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2019. 95 с.

Александра Викторовна Казакова – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: a.v.kazakova@usla.ru.

ORCID: 0000-0002-1422-8239

Can a Copy of the Document be Used as Evidence in the Russian Criminal Procedure?

Persons involved in judicial legal relations are often deprived of the opportunity to transfer the originals of documents to the judicial authorities. At the same time, in some cases copies of documents cannot be considered as a proper alternative to the original ones. The breadth of judicial discretion regarding the admissibility / inadmissibility of using copies of documents forms controversial judicial practice, which, in turn, negatively affects the authority of the judiciary in the eyes of lawyers.

The author analyzes the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the Code of Civil Procedure of the Russian Federation using the comparative legal method. As a result, the criteria for the admissibility of copies as evidence are established. The author also draws attention to the ambiguity of the approach in this matter, depending on the type of justice. It is concluded that the basic legal provisions regarding the handling of copies of documents developed within the framework of civil and arbitration court procedures cannot be applied to criminal proceedings. The criminal procedure has its own internal logic aimed at establishing the truth, which minimizes the use of copies as evidence. Based on the results of the research part, the peculiarities of the introduction, establishment and evaluation of copies of documents were formulated.

Keywords: *freedom to evaluate evidence, another document as evidence, mode of work with copies of documents, features of the assessment of information confirmed by copies*

Recommended citation

Kazakova A. V. Yavlyaetsya li kopiya dokumenta dokazatel'stvom v rossiiskom ugovolnom protsesse? [Can a Copy of the Document be Used as Evidence in the Russian Criminal

Procedure?], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 4, pp. 64–71. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_64.

References

Akopyan A. V. Sootnoshenie printsipa poiska istiny po delu i obosnovannosti sudebnogo resheniya v grazhdanskom protsesse na primere instituta otsenki pis'mennykh dokazatel'stv (dokumentov i ikh kopii) [Correlation of the Principle of Searching for the Truth in a Case and the Validity of a Court Decision in Civil Proceedings on the Example of the Institute for Evaluating Written Evidence (Documents and their Copies)], *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 2019, vol. 1, no. 2, pp. 95–105.

Belkin A. R. *Teoriya dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve* [Theory of Evidence in Criminal Proceedings], Moscow, Norma, 2007, 528 p.

Kudin F. M. *Proizvodnye dokazatel'stva i ikh istochniki v sovetskom ugolovnom protsesse* [Derived Evidence and Its Sources in the Soviet Criminal Procedure]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Sverdlovsk, 1967, 21 p.

Levchenko O. V. Klassifikatsiya dokazatel'stv v ugolovnom protsesse [Classification of Evidence in Criminal Proceedings], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 3, pp. 111–114.

Lopatin S. I. Poteryali original dokumenta. Kogda sudu dostatochno kopii [We Have Lost the Original Document. When a Copy is Enough for the Court], *Arbitrazhnaya praktika dlya yuristov*, 2019, no. 3, pp. 14–19.

Mikhailov V. A. Vosstanovlenie ugolovnogo dela [The Restoration of a Criminal Case], *Publichnoe i chastnoe pravo*, 2013, no. 2, pp. 158–188.

Ryabokon' V. I. Kopiya i original v pis'mennykh dokazatel'stvakh grazhdanskogo sudoproizvodstva [A Copy and an Original in the Written Evidence of Civil Proceedings], Potapenko S. V. (ed.) *Aktual'nye problemy grazhdanskogo i administrativnogo sudoproizvodstva* [Current Problems of Civil and Administrative Proceedings]: conference papers, Krasnodar, Kuban. gos. un-t, 2019, pp. 565–568.

Savel'eva N. V. *Problemy dokazatel'stv i dokazyvaniya v ugolovnom protsesse* [Problems of Evidence and Proof in Criminal Proceedings], Krasnodar, KubGAU, 2019, 95 p.

Alexandra Kazakova – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of judicial activity and criminal procedure, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: a.v.kazakova@usla.ru.

ORCID: 0000-0002-1422-8239

Дата поступления в редакцию / Received: 08.06.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.08.2021

В. С. Раменская, Е. В. Никитина
Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА НА ПРИМЕРЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА В РАМКАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В статье предпринята попытка комплексно рассмотреть проблему возмещения вреда в уголовном процессе. Целью исследования стал поиск путей возмещения вреда с учетом причин его возникновения. Для этого предлагается разделить все случаи причинения вреда на несколько групп. К первой группе следует отнести ситуации, когда вред причинен преступлением. Вторая группа объединяет случаи причинения вреда, вызванного незаконным или необоснованным привлечением к уголовной ответственности. В третью группу входят все иные случаи причинения вреда, в частности в результате действий органов государственной власти (но речь идет о ситуациях, не связанных с реабилитацией гражданина).

Отношения, входящие в каждую из групп, имеют не только специфические основания возникновения, что должно определить подход к их правовому регулированию, но и особый субъектный состав, принципы, на которых строится взаимодействие между субъектами.

Понимая, что методов уголовно-процессуального права очевидно не хватает для достижения поставленной цели, авторы приняли решение взглянуть на ситуацию шире и использовать системный подход для поиска оптимальных способов возмещения вреда каждой группы. Раскрыв содержание системного подхода и основные его закономерности, авторы предложили применить его для выработки механизмов восстановления прав с учетом функциональной схожести объектов регулирования.

Ключевые слова: возмещение вреда, уголовный процесс, взаимодействие частного и публичного права в уголовном процессе, системный подход, совершенствование законодательства

Для цитирования

Раменская В. С., Никитина Е. В. Проблемы взаимодействия частного и публичного права на примере возмещения вреда в рамках уголовного процесса // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. С. 72–79. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_72.

УДК 343.1

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_72

Для понимания сути взаимодействия разных элементов системы необходимо знать, что представляет собой та или иная система в целом.

Под системой права традиционно понимается внутреннее строение (структура) права, отражающее объединение и дифференциацию юридических норм. Система права, обладая «целостностью и автономностью, стабильностью и динамизмом, взаимосвязью и структурированностью содержания и

формы... обуславливает форму (систему законодательства) и неразрывно с ней связана» [Перевалов 2020: 178]. Для более полного понимания данной системы важно знание базовых правил ее построения, принципов и правил «интеграции и дифференциации юридических норм» [Там же: 179]. Одним из первых является разделение правовых предписаний на частное и публичное право исходя из того, о регулировании каких отношений идет речь: значимых для отдельного

индивида или для всего общества и государства в целом.

С развитием социальных институтов, дифференциацией подхода к пониманию прав и свобод личности менялось и учение о системе права, входящих в ее состав элементах. Но актуальность обозначенного выше деления сохранилась.

Уголовное процессуальное право, будучи, если можно так выразиться, одним из классических образцов публично-правовой отрасли права, обладает всеми чертами, присущими отраслям данной группы. Уголовный процесс строится на императивных началах, неотъемлемым участником правоотношений является представитель государственной власти, который полномочен принимать решения, обязательные для других субъектов, ответственность участников носит не только имущественный, но и личный характер.

Вместе с тем уголовный процесс традиционно взаимодействует не только с публично-правовыми отраслями права (такими как уголовное и уголовно-исполнительное право), образуя единый комплекс, изъятие хотя бы одной из составляющих которого «делает другие его части бессмысленными и безжизненными» [Прошляков 1997: 7]. Нормы данной отрасли тесно связаны с гражданским, семейным, трудовым правом и другими отраслями частного права. При этом не всегда очевидно, с использованием каких правил должно осуществляться такое взаимодействие, на частноправовых или публично-правовых началах строится связь в конкретных правоотношениях. Решение указанных вопросов имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Проследим эту взаимосвязь на примере отношений по возмещению вреда, возникающих в рамках разбирательства уголовного дела. Возникают они достаточно часто, но правовая природа их различна. Все варианты можно разделить на три группы в зависимости от причины возникновения вреда.

К первой группе будут относиться случаи причинения вреда совершенным или готовящимся преступлением. Возмещение могут получить потерпевший, гражданский истец.

Вторая группа ситуаций объединена тем фактом, что вред причиняется при незаконном привлечении к уголовной ответственности. Возмещение могут получить реабили-

тированный и лица, к нему приравненные, в частности физическое лицо, незаконно или необоснованно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу (ч. 3 ст. 133 УПК РФ).

Третья группа самая многочисленная. В нее можно включить все случаи причинения вреда в ходе расследования, разбирательства уголовного дела по иным причинам. Она охватывает ситуации, уголовно-процессуальным законом не урегулированные вовсе или урегулированные недостаточно, например причинение вреда имуществу в ходе производства следственных действий (в том числе при производстве поисковых мероприятий в рамках обыска). Все варианты причинения вреда этой группы можно подразделить на две подгруппы. В первую входят случаи, в которых факт причинения вреда находится в причинной связи с действиями должностных лиц органов государственной власти. Должен быть императивно закреплён максимально простой и эффективный порядок его возмещения. В качестве примера здесь уместно упомянуть возмещение вреда юридическим лицам, которое осуществляется в порядке ст. 139 УПК РФ. Вторая подгруппа включает в себя случаи, когда вред причиняется иными лицами, но в ходе рассмотрения уголовного дела, а причинной связи между деятельностью представителей власти и ущербом нет.

Как видим, отличаются не только причины возникновения вреда, но и субъектный состав таких отношений, основной принцип решения вопроса о компенсации.

В ситуациях первой группы согласно ст. 54 УПК РФ вред должен возмещаться за счет гражданского ответчика. В уголовном судопроизводстве следует лишь заявить соответствующие требования, подкрепив их должной доказательной базой. Но в рамках данной группы возможны споры о размере компенсации, очевидное отсутствие у обязанного лица фактической возможности возместить вред, даже отсутствие самого этого лица в уголовном судопроизводстве. Поэтому применение, казалось бы, простой схемы, закреплённой нормативно, может вызывать множество вопросов.

Правила, регулирующие ситуации второй группы, должны строиться на диаметрально противоположных началах. Вина должност-

ных лиц правоохранительных органов и суда не устанавливается, но государство берет на себя ответственность при возмещении вреда в порядке главы 18 УПК РФ. В этом случае задачей нормативного регулирования должно стать закрепление эффективного механизма, позволяющего реабилитированному получить возмещение вреда всех видов в полном объеме с наименьшими затратами времени и других ресурсов. Решенной эту задачу назвать еще нельзя. Имущественный вред законодатель предлагает возмещать в рамках уголовного процесса в порядке исполнения приговора. Нормы ст. 399 УПК РФ ориентированы на решение вопросов, касающихся субъектного состава участников судебного заседания, обеспечения их присутствия в суде. Самому порядку разбирательства посвящена ч. 7 ст. 399 УПК РФ. В ней прописана простая схема рассмотрения всех спорных вопросов: заявитель представляет свои объяснения, затем исследуются представленные материалы, выслушиваются объяснения иных явившихся в заседание лиц, мнение прокурора и далее судья выносит постановление.

Возможно, данный порядок и хорош для тех целей, которые законодатель изначально предусмотрел для него, а именно для рассмотрения вопросов, возникающих при исполнении приговора. Но использовать его для восстановления имущественных прав реабилитированного затруднительно. Если требования реабилитированного хоть немного отличаются от закрепленного в ч. 1 ст. 135 УПК РФ перечня видов вреда, подлежащего возмещению, то необходимы правила, по которым будут рассматриваться спорные вопросы. Да и сам механизм обращения в суд для восстановления имущественных прав порождает больше вопросов, чем предлагает ответов. Тем более за компенсацией морального вреда, восстановлением трудовых, жилищных и иных нарушенных фактом незаконного привлечения к уголовной ответственности прав нужно обращаться в порядке гражданского судопроизводства, а возможно, даже в другой суд, так как правила подсудности ГПК РФ и ч. 2 ст. 135 УПК РФ отличны.

Случаи возмещения вреда, условно объединенные нами в третью группу, как уже указывалось выше, чаще всего остаются без внимания законодателя. Но это не означает, что они не возникают на практике и не требуют нормативного урегулирования.

Итак, вопросов, возникающих при возмещении вреда в рамках уголовного судопроизводства, существует достаточно, и для решения многих из них требуется выработка универсального подхода.

Подобным подходом может стать учение об общей теории систем. Оно начало складываться в середине прошлого века и с 1970-х гг. прочно вошло в научный оборот. Это научная и методологическая концепция исследования систем, которая детализирует принципы и методы системного подхода. В основе последнего лежит рассмотрение объекта как системы взаимосвязанных элементов [Блауберг, Юдин, Садовский 2010: 272] или совокупности взаимодействующих объектов [Берталанфи 1969: 43]. Другими основными требованиями системного подхода к объекту являются: его целостность, что означает наличие подсистем более высокого порядка; иерархичность строения, предполагающая подчинение элементов низшего порядка элементам более высокого уровня; структуризация, которая позволяет изучать взаимодействие отдельных элементов, а системе в целом – приобретать больше свойств, чем имеют ее элементы по отдельности.

Таким образом, сторонники системного подхода предлагают понимать под системой (гр. «целое, составленное из частей», «соединение») совокупность элементов, выполняющих общую функцию и действующих как единое целое. «Большой российский энциклопедический словарь» определяет систему как множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих определенную целостность, единство [Большой российский энциклопедический словарь 2003: 1437].

Проанализировав систему права, можно сделать вывод, что она отвечает всем основным требованиям, выдвигаемым сторонниками системного подхода к объекту исследования. Есть низшие звенья, которые входят в состав более крупных объектов: норма права, правовой институт, отрасль, система российского права в целом. При этом отдельные нормы и институты права должны подчиняться правилам, заданным для всей системы в целом и отдельных ее отраслей.

Значит, к системе права можно применять методы системного подхода. Один из основных постулатов системного подхода гласит: «Мир систем функционально аналогичен» [Берталанфи 1973: 52]. Это правило позволя-

ет использовать закономерности и механизмы, которые показали свою эффективность в одной ситуации, применительно к другой, функционально схожей (детали при этом могут существенно различаться). Здесь важно учитывать внутренние связи, признаки, на которых строится зависимость элементов системы, задачи, для выполнения которых существует система, представления о желаемом результате функционирования, требующиеся и имеющиеся для достижения результата ресурсы. Также не стоит забывать о признаках отдельных элементов, благодаря которым система взаимодействует с внешней средой, другими окружающими ее системами. А итогом станет системно-историческое видение, позволяющее проследить историю становления системы, ее современное состояние и определить перспективы развития. Последнее представляет наибольший интерес в свете темы настоящего исследования.

Далее предлагаем уяснить, что понимать под функцией правовых предписаний в целом и нормы права в частности. Сущность научной категории «функция» можно определить как отношение одного предмета или явления к другому предмету / явлению, их зависимость и взаимосвязь¹. Термин не относится к числу правовых, но среди юристов уже достаточно давно ведутся дискуссии относительно его содержания. Остановимся на нескольких мнениях, отражающих существенные признаки указанной категории.

Говоря о понятии функции в праве, Т. Н. Радько обращает внимание на единство двух моментов: роли (назначения) права в обществе и основных направлений его воздействия на общественные отношения [Радько 1977: 50]. С. С. Алексеев, в свою очередь, подчеркивает влияние права на результаты правового регулирования, на организацию (упорядочение) общественных отношений [Алексеев 1972: 91]. Н. Н. Вопленко смотрит на проблему максимально широко и предлагает считать функцией права весь спектр влияния на общественные отношения [Вопленко 1998: 45]. А. И. Абрамов, прибегнув к комплексному анализу не только правовых

особенностей, но и философских характеристик, получил следующее определение: «Функция права – внутренне присущее праву явление, определяемое ролью (назначением) права в обществе, представляющее собой основное (главное) направление его воздействия на объективную реальность и выражающее связь права с иными явлениями социальной действительности» [Абрамов 2006: 118].

Подводя итоги приведенной дискуссии, хотелось бы предложить под функцией права понимать комплексное явление, включающее в себя результаты воздействия правовых предписаний на общественные отношения с учетом задач регулирования и представлений о желаемом результате. Но не будем забывать про деление права на частное и публичное исходя из отличий в предмете регулирования, перечне обязательных участников, основных чертах метода регулирования и способах воздействия на поведение

Под функцией права можно понимать комплексное явление, включающее в себя результаты воздействия правовых предписаний на общественные отношения с учетом задач регулирования и представлений о желаемом результате

участников. Объединив эти подходы и применив их для поиска путей совершенствования правовых предписаний, регламентирующих возмещение вреда в уголовном процессе, можно говорить о необходимости внести в действующее законодательство следующие изменения.

Для урегулирования ситуаций первой группы важно учесть, что согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения вреда его имуществу и деловой репутации. Последовательным шагом было бы наделение данного субъекта правом на получение возмещения вреда, что явилось бы способом реализации его функций в процессе. Но законодатель не сделал этого. Перечень прав потерпевшего, приведенный в ч. 2 указанной статьи, носит процессуаль-

¹ Воскобойников А. Э. Системные исследования: базовые понятия, принципы и методология // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 6. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Voskoboinikov_Systems-Research/ (дата обращения: 16.05.2021).

ный характер, нормы направлены на установление правил его участия в разбирательстве дела. Нет разъяснения того, какой вред можно считать причиненным преступлением, кем, как и когда должна быть установлена причинная связь между фактом причинения вреда и преступлением, можно ли признать потерпевшей организацию, которой причинен только имущественный вред или только вред деловой репутации (союз «и» в ч. 2 ст. 42 УПК РФ такой возможности формально не предполагает).

В соответствии с ч. 3 ст. 42 УПК РФ потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, расходов, понесенных в связи с участием в предварительном расследовании и в суде, включая расходы на представителя, согласно требованиям ст. 131 УПК РФ. Но не прописана процедура реализации данного права. Статья 131 УПК РФ к процессуальным издержкам относит только суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с явкой к месту рассмотрения уголовного дела и проживанием. Также предполагаются компенсация расходов, выплаченных представителю потерпевшего, возмещение недополученной последним заработной платы, компенсация за отвлечение от обычных занятий за все время, затраченное потерпевшим в связи с участием в разбирательстве дела. Регламентировано право на возмещение иных расходов, понесенных в ходе производства по делу и предусмотренных УПК РФ. Возмещение всех перечисленных затрат должно осуществляться государством за счет средств федерального бюджета.

Очевидно, что данная норма не может рассматриваться как реализация основного права потерпевшего – права на возмещение вреда, причиненного преступлением.

Статья 44 УПК РФ закрепляет процессуальный статус гражданского истца. К нему относится физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного, компенсации морального вреда, при наличии основания полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. Но содержание иска, его обоснование, процедура подачи в УПК РФ не определены. Также отсутствует указание на легальную возможность использовать в свя-

зи с этим положения ГПК РФ. Понятно, что статусы потерпевшего и гражданского истца могут совпасть в одном лице, но необходимо нормативно закрепить тот факт, что для возмещения вреда, причиненного потерпевшему преступлением, требуется подать гражданский иск в уголовном деле. Аналогичное правило приведено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». Но ст. 1 УПК РФ гласит, что порядок уголовного судопроизводства должен устанавливаться законом.

Итак, возмещение вреда лицам, пострадавшим от преступления, производится разным путем в зависимости от категории возмещаемого вреда. Вред, причиненный преступлением, подлежит возмещению за счет лица, виновного в этом, через гражданский иск, а расходы, связанные с участием в судопроизводстве, возмещает государство. В первом случае отношения строятся на частноправовых началах с использованием диспозитивного метода регулирования, во втором – преобладают публично-правовые черты и императивный подход.

Гораздо больше предложений и замечаний хотелось бы высказать применительно ко второй группе ситуаций, касающихся возмещения вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием.

Поскольку вред причиняется действиями и решениями представителей органов государственной власти, справедливой можно считать занятую законодателем позицию: вред возмещается за счет государства вне зависимости от вины причинителя. Тем не менее необходимо уточнить субъектный состав участников. Сегодня правом на возмещение вреда в порядке главы 18 могут воспользоваться три группы субъектов: 1) сам реабилитированный – лицо, которое незаконно подвергалось уголовному преследованию в качестве подозреваемого или обвиняемого, к кому необоснованно применялись принудительные меры медицинского характера; 2) субъекты, незаконно подвергнутые мерам процессуального принуждения в ходе производства по делу (ч. 3 ст. 133 УПК РФ). Кроме подозреваемого, обвиняемого, это могут быть и потерпевший, гражданский истец, ответчик, эксперт, специалист, переводчик, понятой (ч. 2 ст. 111 УПК

РФ); 3) юридические лица, если вред им был причинен незаконными действиями и решениями должностных лиц органов государственной власти (ст. 139 УПК РФ).

При регулировании отношений с участием субъектов первых двух групп прослеживается общность предмета регулирования, оснований возникновения правоотношений, что обуславливает возможность применения единых приемов и способов воздействия на отношения, выработки единого механизма восстановления нарушенных прав и интересов. Но основания применения ст. 139 УПК РФ существенно отличаются, ведь юридические лица не являются субъектами уголовной ответственности, к ним не могут применяться меры процессуального принуждения. Поэтому представляется обоснованным исключение ст. 139 УПК РФ из главы 18.

Для совершенствования механизма возмещения вреда хотелось бы предложить единый подход к восстановлению прав вне зависимости от вида вреда, подлежащего возмещению. Механизм должен быть максимально понятным для тех, кто пожелает им воспользоваться. Он должен позволять быстро и эффективно восстановить нарушенные права. В связи с этим решение о восстановлении вреда всех видов предлагается принимать в рамках уголовного процесса, но не в порядке исполнения приговора, а по специально разработанной процедуре, адаптированной к потребностям участников отношений.

Приемлемым можно считать подход, использованный законодателем в момент принятия УПК РФ в 2000 г. При надлежащем обосновании размера компенсации решение о возмещении вреда должно иметь полномочия принять должностное лицо, установившее факт незаконного привлечения к ответственности. Предлагается распространить данный порядок не только на случаи возмещения имущественного вреда, как это было ранее, но и на восстановление всех прав, нарушенных незаконным привлечением к ответственности, необоснованным при-

менением мер принуждения. Альтернативой может стать судебное разбирательство, когда в порядке судебного контроля будут проверены документы и иные доказательства, представленные лицом, ходатайствующим о восстановлении своих прав, принято соответствующее процессуальное решение. При этом восстановление всех прав единой процедурой представляется обязательным требованием.

В целях совершенствования предписаний, регламентирующих порядок возмещения вреда в ситуациях третьей группы, предлагается внести в УПК РФ отдельную главу, которая закрепила бы механизм возмещения вреда, незаконно причиненного органами государственной власти. По общим правилам стало бы возможно возмещение вреда любому участнику вне зависимости от его статуса и без детальной регламентации причин возникновения вреда. Закономерным результатом таких изменений могло бы стать объединение порядка возмещения вреда от действий должностных лиц и вреда, причиненного незаконным преследованием.

Если же вред был причинен в рамках уголовного судопроизводства, но не должностными лицами органов государственной власти, то целесообразно закрепить в процессуальном законе правило, согласно которому возмещение должно происходить в гражданском процессе. Так станет возможным решение вопросов на основе диспозитивности и равенства участников отношений.

Таким образом, комплексный взгляд на проблему возмещения вреда в уголовном процессе через призму системного подхода и взаимосвязи частного и публичного начал позволил не только увидеть существующие пробелы и иные проблемы правового регулирования, но и предложить пути их решения. Это дает возможность приблизиться к формированию правовых предписаний, которые позволяли бы участникам уголовно-процессуальных отношений максимально быстро и в полном объеме восстановить права вне зависимости от причины их нарушения.

Список литературы

- Абрамов А. И. Понятие функции права // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 98–120.
Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т. 1. 396 с.
Берталанфи Л. фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования. Методологические проблемы. М.: Наука, 1973. С. 20–37.

Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования. М.: Наука, 1969. С. 30–54.

Блауберг И. В., Юдин Э. Г., Садовский В. Н. Системный подход // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. С. 264–304.

Большой российский энциклопедический словарь. М.: Большая рос. энцикл., 2003. 1888 с.

Вопленко Н. Н. Сущность, принципы и функции права. Волгоград, 1998. 53с.

Перевалов В. Д. Теория государства и права: учеб. и практикум для СПО. М.: Юрайт, 2020. 379 с.

Прошляков А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 39 с.

Радько Т. Н. Функции социалистического права // Советское государство и право. 1977. № 5. С. 48–56.

Виктория Святославовна Раменская – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: viva-ra@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-0428-7283

Елена Викторовна Никитина – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: nick2210@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-5992-3887

Problems of the Interaction of Private and Public Law on the Example of Compensation for Harm in the Framework of Criminal Proceedings

In the paper, an attempt has been made to comprehensively consider the problem of compensation for harm in criminal proceedings. The aim of the study was to find ways to compensate harm, taking into account the causes of its occurrence. The authors propose to divide all cases of harm into several groups. The first group should include all cases when harm is caused by a crime. The second group unites cases of when harm is caused by illegal or unjustified criminal prosecution. The third group includes all other cases of harm, among which it is proposed to single out harm caused by public authorities (we are talking about situations not related to the rehabilitation of a citizen).

The relations included in each of the groups have not only specific grounds for occurrence, which should determine the approach to their legal regulation, but also a special subject composition, the principles underlying the interaction between them.

The methods of criminal procedural law are obviously not enough to achieve this goal, therefore the authors decided to look at the situation more broadly and use a systematic approach to find the best ways to compensate for the harm of each group. Revealing the content of the systematic approach and its main regularities, the authors proposed to apply it to develop mechanisms for the restoration of rights, taking into account the functional similarity of the objects of regulation.

Keywords: *compensation for harm, criminal process, interaction between private and public law in criminal proceedings, a systematic approach to improve the current legislation*

Recommended citation

Ramenskaya V. S., Nikitina E. V. Problemy vzaimodeistviya chastnogo i publichnogo prava na primere vozmeshcheniya vreda v ramkakh ugovolnogo protsesssa [Problems of the Interaction of Private and Public Law on the Example of Compensation for Harm in the Framework of Criminal Proceedings], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 4, pp. 72–79, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_72.

References

Abramov A. I. Ponyatie funktsii prava [The Concept of the Function of Law], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2006, no. 2, pp. 98–120.

Alekseev S. S. *Problemy teorii prava* [Problems of the Theory of Law], Sverdlovsk, 1972, vol. 1, 396 p.

Bertalanfi L. fon. Istoriya i status obshchei teorii sistem [History and Status of General Systems Theory], *Sistemnye issledovaniya: Metodologicheskie problemy*, Moscow, Nauka, 1973, pp. 20–37.

Bertalanfi L. fon. Obshchaya teoriya sistem – obzor problem i rezul'tatov [General Systems Theory – Overview of Problems and Results], *Sistemnye issledovaniya*, Moscow, Nauka, 1969, pp. 30–54.

Blauberg I. V., Yudin E. G., Sadovskij V. N. *Sistemnyi podkhod* [Systems Approach], *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia], Moscow, Mysl', 2010, pp. 264–304.

Bol'shoi rossiiskii entsiklopedicheskii slovar' [Big Russian Encyclopedic Dictionary], Moscow, Bol'shaya ros. entsikl., 2003, 1888 p.

Perevalov V. D. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], Moscow, Yurait, 2020, 379 p.

Proshlyakov A. D. *Vzaimosvyaz' material'nogo i protsessual'nogo prava* [The Relationship of Material and Procedural Law]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 1997, 39p.

Rad'ko T. N. Funktsii sotsialisticheskogo prava [Functions of Socialist Law], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1977, no. 5, pp. 48–56.

Voplenko N. N. *Sushchnost', printsipy i funktsii prava* [Essence, Principles and Functions of Law], Volgograd, 1998, 53 p.

Victoria Ramenskaya – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of judicial activity and criminal procedure, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: viva-ra@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-0428-7283

Elena Nikitina – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of judicial activity and criminal procedure, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: nick2210@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-5992-3887

Дата поступления в редакцию / Received: 08.06.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.08.2021

А. В. Губарева

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, РЕГУЛИРУЮЩЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Отмечая, что миграция в нашей стране регламентируется на уровне международных правовых актов, федеральных законов, подзаконных актов и региональных законов, автор посвящает свое исследование вопросам законодательного и подзаконного регулирования указанной сферы.

Приведены положения базового Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», который устанавливает возможные статусы иностранных граждан в России и необходимые для их трудоустройства документы. Трудовой кодекс РФ определяет особенности регулирования труда таких работников. Также в статье рассматриваются вопросы их налогообложения, медицинского, социального и пенсионного страхования. Подзаконными актами (указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ, приказами МВД РФ) установлены миграционная политика РФ, правила получения виз, патентов, вида на жительство и разрешения на временное проживание, а также ограничительные меры по трудовой миграции, защищающие рынок труда.

Ключевые слова: иностранная рабочая сила, миграция, миграционное законодательство, использование иностранной рабочей силы

Для цитирования

Губарева А. В. Российское законодательство, регулирующее использование иностранной рабочей силы // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. С. 80–86. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_80.

УДК 349.2

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_80

Вопросы миграции в Российской Федерации регулируются на нескольких уровнях:

1) уровень международных правовых актов, которые были подписаны и ратифицированы Российской Федерацией; к таким документам относятся и многосторонние договоры между государствами, и отдельные положения о трудовой миграции двусторонних межправительственных соглашений;

2) уровень российского законодательства, т. е. законов в миграционной, трудовой, уголовно-правовой, административно-правовой, налоговой, социальной сферах;

3) уровень подзаконных актов, которые связаны непосредственно с регулированием миграции в РФ, оформлением трудовых виз, патентов и разрешений, квот на привлечение иностранной рабочей силы и т. п.; сюда же

входят концептуальные документы, определяющие миграционную политику на федеральном уровне;

4) уровень регионального законодательства, которое регулирует отдельные вопросы миграционной политики, трудовой миграции в субъектах РФ, не противоречит федеральному миграционному и трудовому законодательству.

В данной статье мы остановимся на вопросе законодательного и подзаконного регулирования внешней трудовой миграции, использования иностранной рабочей силы.

Основной нормативный акт в этой сфере – Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в ред. от 24 апреля 2020 г.) (далее – За-

кон 15-ФЗ). Согласно ему под иностранным гражданином понимается «физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства», а под иностранным работником – «иностранец, временно пребывающий в Российской Федерации и осуществляющий в установленном порядке трудовую деятельность».

Закон предусматривает возможность временного въезда иностранных граждан в страну по визе (для целей труда – по трудовой визе) либо на безвизовой основе (если между РФ и другим государством заключено соответствующее международное соглашение) с оформлением миграционной карты (для целей труда – с оформлением в миграционной карте этой цели). В Законе также закрепляются формы разрешения на работу иностранных граждан в России: разрешение на работу и патент. Разрешение – это «документ, подтверждающий право иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, требующем получения визы, и других категорий иностранных граждан в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, на временное осуществление на территории Российской Федерации трудовой деятельности». Патент предусмотрен для граждан тех стран, которые прибывают в РФ в безвизовом порядке (за исключением граждан отдельных категорий).

В ст. 13 Закона указывается возможность привлечения иностранных граждан для работы в РФ при наличии разрешения или патента, хотя есть и исключения (постоянное или временное проживание иностранных граждан в РФ на основании вида на жительство или разрешения на временное проживание, участие иностранных граждан в специальной государственной программе, выполнение работ определенных видов у иностранных юридических лиц в РФ, работа в дипломатических представительствах, работа обучающихся во время каникул или в свободное от работы время и др. Патент выдается на срок от одного до 12 месяцев при уплате авансового платежа по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ). При этом как сами иностранные граждане, так и работодатели должны уведомлять иммиграционные органы о работе иностранного работника в организации. Кро-

ме того, разрешения на работу и патенты выдаются ГУВМ МВД РФ после рассмотрения документов.

В ст. 18.1 Закона также установлены особенности государственного регулирования рынка труда в РФ. Правительству даны полномочия по установлению квот на выдачу трудовых виз «в зависимости от профессии, специальности, квалификации иностранных граждан, страны их происхождения, а также в зависимости от иных экономических и (или) социальных критериев с учетом региональных особенностей рынка труда». Кроме того, данная статья наделяет Правительство РФ правом устанавливать допустимую долю иностранных работников, используемых в различных отраслях экономики хозяйствующими субъектами, а также запрещать привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, к экономической деятельности отдельных видов. Все данные меры реализуются и на основе мониторинга рынка труда по стране в целом и по субъектам Федерации в частности.

Трудовое законодательство – еще одна важная отрасль, регулирующая использование рабочей силы в Российской Федерации. Трудовой кодекс Российской Федерации включает главу 50.1 «Особенности регулирования труда работников, являющихся иностранцами или лицами без гражданства». В силу ст. 327.1 при заключении договора с иностранным гражданином к его трудовой деятельности применяются те же нормы, что и для граждан РФ, кроме тех особенностей, которые указаны в гл. 50.1 ТК РФ. Трудовой договор с иностранным гражданином не может быть заключен, если работодатель не вправе привлекать к трудовой деятельности иностранных граждан в соответствии с федеральными законами или международными договорами.

В ст. 327.1 ТК РФ указывается и то, что договор может заключаться на неопределенный или определенный срок. В ст. 327.2 закреплены основания заключения договора: наличие патента или разрешения на работу в РФ, либо вида на жительство или разрешения на временное проживание. Также важно включить в договор основания оказания работнику медицинской помощи в течение срока действия трудового договора, в том

числе реквизиты договора (полиса) добровольного медицинского страхования либо заключенного работодателем с медицинской организацией договора о предоставлении такому работнику платных медицинских услуг.

Все эти документы, включая патент, разрешение на работу, либо вид на жительство или разрешение на временное проживание, а также договор (полис) добровольного медицинского страхования (если его не заключает работодатель), нанимаемый работник должен предъявить работодателю для заключения трудового договора согласно ст. 327.3 ТК РФ. При этом разрешение может быть предъявлено и позже, если для его получения сначала необходимо заключение трудового договора (в данном случае договор вступает в силу после получения разрешения). Для работников из стран ЕАЭС (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Армения) не требуется патент, для граждан Республики Беларусь не требуется и полис ДМС (письмо Минтруда от 17 декабря 2015 г. № 16-4/В-823). Граждане стран ЕАЭС (кроме Республики Беларусь, с которой заключено соглашение о Союзном государстве) должны также предъявлять миграционную карту.

Договор заключается на русском языке, но может быть при необходимости переведен на другой язык, язык страны прибытия иностранного гражданина (ст. 68 Конституции РФ, подп. 1 п. 1 ст. 3 Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», п. 2 ст. 22 приложения к Рекомендации № 86 Международной организации труда «О трудящихся-мигрантах»).

При заключении трудового договора с высококвалифицированным специалистом (мигрантом, обладающим большим опытом и соответствующими знаниями для труда в определенных отраслях в соответствии со ст. 13.2 Закона № 115-ФЗ), прибывшим из страны, которая имеет визовый режим с РФ, работодатель не оформляет разрешение на привлечение иностранного работника. Разрешение должен получить сам специалист, а работодатель только предоставляет документы, которые необходимы для получения разрешения (п. 6 ст. 13.2 Закона № 115-ФЗ), по утвержденным МВД РФ формам. Но заработная плата нанятого специалиста должна быть не ниже 167 тыс. руб. в месяц (подп. 3 п. 1

ст. 13.2 Закона № 115-ФЗ), хотя для ряда работ и установлен пониженный ее размер.

При приеме работника с патентом необходимо уточнить, какой именно регион указан в патенте (работа разрешена только в этом регионе). Должности в трудовом договоре и в разрешительной документации должны соответствовать, работа по трудовому договору должна начинаться не раньше, чем работнику выдадут разрешение на работу. Срок действия трудового договора не должен зависеть от срока действия разрешения на работу¹. Заключение трудового договора с иностранным гражданином обязывает работодателя уведомить об этом факте территориальный орган МВД, занимающийся вопросами миграции, в течение трех рабочих дней с даты заключения договора (п. 8 ст. 13 Закона № 115-ФЗ). При этом суды уточняют, что трудовой договор вступает в силу со дня приема работника на работу, т. е. с даты начала осуществления работником трудовой деятельности, указанной в приказе о приеме его на работу. Соответственно в течение трех рабочих дней с этой даты работодатель и обязан уведомить миграционный орган о заключении договора [Жукова 2020: 27–28].

Иностранному работнику отстраняется от работы по следующим основаниям (ст. 327.5 ТК РФ):

окончание срока разрешения на работу, патента, вида на жительство, разрешения на временное проживание;

окончание срока действия договора о добровольном медицинском страховании (заключенного работником или организацией в пользу работника).

Трудовой договор с иностранным работником (ст. 327.6 ТК РФ) прекращается по следующим основаниям:

прекращение, окончание или аннулирование разрешения на работу, патента, вида на жительство, разрешения на временное проживание;

приведение численности работников в соответствие с установленными федеральными законами, указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ ограничениями на осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами;

¹ Прием иностранных граждан на работу в 2020 году // Бухсофт. 2020. 17 фев. URL: <https://www.buhsoft.ru/article/2479-priem-inostrannyh-grajdan-na-rabotu> (дата обращения: 24.08.2020).

невозможность временного перевода на другую работу или предоставления прежней работы после временного перевода.

При этом в литературе отмечается, что закрепление указанных оснований в значительной степени ограничивает права иностранных работников [Абдуллаев 2018]

Договор должен быть прекращен по истечении одного месяца после наступления упомянутых выше обстоятельств. Работник должен быть уведомлен об этом не позднее чем за три дня до увольнения. При расторжении трудового договора работник имеет право получить выходное пособие (средний двухнедельный заработок) «в связи с приостановлением действия или аннулированием разрешения на привлечение и использование иностранных работников, на основании которого такому работнику было выдано разрешение на работу».

Особенности использования иностранной рабочей силы в Российской Федерации регулирует и налоговое законодательство. Согласно ст. 207 НК РФ налогоплательщиками налога на доходы физических лиц (НДФЛ) являются как налоговые резиденты РФ, так и нерезиденты. Резидентами считаются физические лица, находящиеся на территории РФ «не менее 183 календарных дней в течение 12 следующих подряд месяцев» (п. 2 ст. 207 НК РФ). Налоговая ставка на доходы, получаемые от трудовой деятельности как резидентами, так и нерезидентами, составляет 13 % (ст. 224 НК РФ). Вместе с тем иностранные граждане, работающие по патенту, уплачивают авансовые платежи по НДФЛ согласно ст. 227.1 НК РФ, а именно 1200 руб. в месяц при умножении на коэффициент-дефлятор (в настоящее время – 1,623 (приказ Министерства экономического развития РФ от 3 ноября 2016 г. № 698 «Об установлении коэффициентов-дефляторов на 2017 год») и на региональный коэффициент-дефлятор, устанавливаемый законами субъектов РФ (например, в Москве – 2,4099, в Санкт-Петербурге – 1,8315, в Нижегородской области – 2,06 [Ермошина 2019], все это определяется региональной миграционной политикой). Фиксированный платеж уплачивается в момент получения патента самим иностранным гражданином за срок, на который выдается патент. Работодатель, являясь налоговым агентом (удерживает с дохода работника сумму и перечисляет ее

в бюджет, отчитывается об удержанном и уплаченном НДФЛ), далее уменьшает начисленный НДФЛ на сумму уплаченного фиксированными взносами НДФЛ.

При работе иностранного гражданина у работодателя на территории РФ в обязательном порядке начисляются и страховые взносы в социальные внебюджетные фонды. Однако оплата всех страховых взносов за иностранных работников производится, только если они имеют статус постоянно или временно проживающих в России (на основании вида на жительство или разрешения на временное проживание, это не относится к работе на основании разрешения или патента), по тем же тарифам, что и для граждан РФ. На выплаты работникам, прибывшим

Закрепление дополнительных оснований для прекращения трудового договора в значительной степени ограничивает права иностранных работников

из стран ЕАЭС, также начисляются страховые взносы по тем же тарифам, что и на выплаты гражданам РФ (п. 3 ст. 98 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., письмо Минтруда от 13 марта 2016 г. № 17-3/ООГ-268).

Ставки страховых взносов (ст. 425 НК РФ) от базы обложения (начисленной заработной платы): 22 % в ПФР (свыше 1292 тыс. руб. в год – 10 %), на обязательное медицинское страхование – 5,1 % (для высококвалифицированных специалистов, а также для всех временно пребывающих работников данного страхового взноса нет), на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством – 2,9 % (начисляется до 912 тыс. руб. в год, после чего начисление прекращается, но ставка 1,8 % применяется именно для выплат в пользу временно пребывающих иностранных граждан) с учетом возможности применения пониженных взносов (ст. 427 НК РФ). На выплаты временно пребывающим высококвалифицированным специалистам страховые взносы не начисляются¹. Страховые взносы на травматизм начисляются с выплат работникам всех

¹ Страховые взносы за иностранцев в 2020 году // URL: <https://www.glavbukh.ru/art/19793-vznosy-inostranci-2020> (дата обращения: 24.08.2020).

категорий в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» с учетом действующих ставок для разных видов деятельности организаций (от 0,2 до 8,5 %).

В Федеральном законе от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» указано, что иностранные граждане, работающие в РФ, являются субъектами обязательного пенсионного страхования. Соответственно и Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» называет иностранных граждан субъектами социального страхования (но имеющими разный статус в зависимости от постоянства проживания на территории РФ).

В Федеральном законе от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (в ред. от 24 апреля 2020 г.), указано, что субъектами страхования являются только те иностранные работники, которые проживают на основе вида на жительство или разрешения на временное проживание, а также граждане стран ЕАЭС (кроме тех, кто работает по патенту или разрешению на работу, – они должны заключать договор о добровольном медицинском страховании согласно ТК РФ). В силу этого иностранные работники получают и соответствующие выплаты или услуги (в частности, медицинские). Однако претендовать на пенсию может иностранный гражданин, проживший на территории РФ не менее 15 лет и имеющий вид на жительство. Правила выплат пенсий гражданам стран ЕАЭС при работе в других странах ЕАЭС, «экспорта пенсий» пока что еще находятся на стадии разработки¹.

Далее необходимо рассмотреть наиболее важные подзаконные акты федерального уровня, регулирующие использование иностранной рабочей силы в Российской Федерации.

¹ Шустов А. Единая пенсия Евразийского союза: как это работает // URL: <https://eurasia.expert/evraziyskie-pensii-top-5-faktov/> (дата обращения: 24.08.2020).

Важный концептуальный документ, связанный с обеспечением миграционной политики России, включая трудовую внешнюю миграцию, – Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (утв. Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622). Она декларирует борьбу с пространственной сегрегацией, формированием этнических анклавов, маргинализацией приезжающих в Россию иммигрантов. Предусматривается также развитие механизмов организованного привлечения иностранных работников на российский рынок труда.

Реализацию миграционной политики РФ в части трудовой иммиграции может иллюстрировать постановление Правительства РФ от 30 сентября 2019 г. № 1271 «Об установлении на 2020 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности», подготовку которого курировал Минтруд РФ. Этим документом сохранена допустимая доля иностранных работников в ряде сфер экономической деятельности, которая была установлена на 2019 г., но отменены исключения для отдельных регионов (Астраханская область, Приморский край, где допустимая доля была выше). Сохранены доли в сфере строительства (80 %), также с отменой ряда исключений. При этом с января 2020 г. иностранным гражданам (кроме граждан ЕАЭС) запрещено работать в сфере розничной торговли вне магазинов, в аптеках, на рынках, снижены квоты на привлечение иностранных работников из визовых стран со 140 тыс. чел. (в 2019 г.) до 104 тыс. чел. [Степанов 2020]

Особенности получения визы для работы в Российской Федерации определяет постановление Правительства РФ от 9 июня 2003 г. № 335 «Об утверждении Положения об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы». В нем указано, что за выдачу виз отвечают дипломатические представительства и консульства РФ, МИД РФ, МВД РФ. Для работы в РФ требуется обыкновенная виза и ее вид – рабочая виза. Она выдается на осно-

вании приглашения дипломатическим представительством или консульским учреждением Российской Федерации на срок до трех месяцев, но с возможностью последующего ее продления в органах МВД по месту постановки на миграционный учет, но не более чем на один год до следующего переоформления. Высококвалифицированным специалистам и работникам ряда других категорий может выдаваться многократная рабочая виза.

Документ, который устанавливает форму патента и порядок его выдачи гражданам СНГ и других стран, имеющих с Россией безвизовый режим, – приказ МВД РФ от 20 октября 2017 г. № 800 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по оформлению и выдаче патентов для осуществления иностранными гражданами и лицами без гражданства трудовой деятельности на территории Российской Федерации». В нем со ссылкой на Закон № 115-ФЗ указано, что заявителями являются иностранные граждане и лица без гражданства, оформление патента на срок от одного до 12 месяцев производится в субъекте, в котором намерен работать заявитель. При этом им предоставляются следующие документы:

заявление по утвержденной форме (размещено на портале государственных услуг в соответствующем разделе);

документ, удостоверяющий личность (паспорт);

миграционная карта (в качестве цели визита должна быть отмечена работа);

отрывная часть бланка уведомления о прибытии иностранного гражданина в место пребывания с отметкой о постановке на миграционный учет;

медицинские справки (об отсутствии наркотической зависимости, ВИЧ-инфекции);

действующий на срок осуществления трудовой деятельности договор (полис) добровольного медицинского страхования, заключенный со страховой организацией, либо договор о предоставлении платных медицинских услуг, заключенный с медицинской организацией, находящейся в субъекте РФ, на территории которого иностранный гражданин собирается осуществлять трудовую деятельность;

квитанция об уплате авансового платежа НДФЛ согласно ставкам с учетом регионального коэффициента;

результаты прохождения тестирования по русскому языку, истории и основам законодательства России.

Документы должны быть поданы в течение 30 календарных дней со дня въезда заявителя на территорию РФ. Патент выдается территориальным отделением МВД в течение 10 рабочих дней после принятия заявления. При неоплате патент аннулируется.

Список литературы

Абдуллаев Э. Э. Современные проблемы регулирования трудовых правоотношений с участием иностранных граждан на территории Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 200–206. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.96.11.200-206.

Ермошина Е. Л. Исчисление НДФЛ с доходов работника-иностранца на патенте // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2019. № 6. URL: <https://www.audatpress.ru/ndfl-s-dohodov-inostrancev-na-patente> (дата обращения: 24.08.2020).

Жукова А. Экспаты – анализ трудовых отношений с ними, что нового и суды – какие и с кем // Трудовое право. 2020. № 12. С. 23–32.

Степанов А. В. Компетенция органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере обеспечения миграционной безопасности: анализ содержания, проблемы, предложения // Административное право и процесс. 2020. № 4. С. 8–15.

Анна Викторовна Губарева – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: ashipova@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-6322-9388

Russian Legislation Regulating the Use of Foreign Labor

The author points out that migration in the Russian Federation is regulated at the level of international legal acts, federal laws, by-laws and regional laws. This paper is devoted particularly to the issues of legislative and subordinate regulation of this area.

The provisions of the basic Federal Law «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» are given. They establish the possible statuses of foreign citizens in Russia and the documents required for their employment. The Labor Code of the Russian Federation defines the features of the regulation of the labor of such workers. The article also discusses the issues of their taxation, medical, social and pension insurance. By-laws (decrees of the President of the Russian Federation, decrees of the Government of the Russian Federation, orders of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation) establish the migration policy of the Russian Federation, rules for obtaining visas, patents, residence permits and temporary residence permits, as well as restrictive measures on labor migration that protect the labor market.

Keywords: foreign labor, migration, migration legislation, use of foreign labor

Recommended citation

Gubareva A. V. Rossiiskoe zakonodatel'stvo, reguliruyushchee ispol'zovanie inostranoi rabochei sily [Russian Legislation Regulating the Use of Foreign Labor], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 4, pp. 80–86, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_80.

References

Abdullaev E. E. Sovremennye problemy regulirovaniya trudovykh pravootnoshenii s uchastiem inostrannykh grazhdan na territorii Rossiiskoi Federatsii [Modern Problems of Regulation of Labor Relations with the Participation of Foreign Citizens on the Territory of the Russian Federation], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2018, no. 11, pp. 200–206, DOI: 10.17803/1994-1471.2018.96.11.200-206.

Ermoshina E. L. Ischislenie NDFL s dokhodov rabotnika-inostrantsa na patente [Calculation of Personal Income Tax from the Income of a Foreign Worker on a Patent], *Aktual'nye voprosy bukhgalterskogo ucheta i nalogooblozheniya*, 2019, no. 6, available at: <https://www.audar-press.ru/ndfl-s-dokhodov-inostrancev-na-patente> (accessed: 24.08.2020).

Stepanov A. V. Kompetentsiya organov ispolnitel'noi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii v sfere obespecheniya migratsionnoi bezopasnosti: analiz sodержaniya, problemy, predlozheniya [Competence of the Executive Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation in the Field of Ensuring Migration Security: Content Analysis, Problems, Proposals], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2020, no. 4, pp. 8–15.

Zhukova A. Ekspaty – analiz trudovykh otnoshenii s nimi, chto novogo i sudy – kakie i s kem [Expats – Analysis of Labor Relations with Them, What's New, And Courts – Which Ones and with Whom], *Trudovoe pravo*, 2020, no. 12, pp. 23–32.

Anna Gubareva – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of business law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: ashipova@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-6322-9388

Дата поступления в редакцию / Received: 01.06.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.07.2021

А. Н. Митин, А. В. Рассохин
Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ: ЗАДАЧИ И МЕХАНИЗМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье рассматриваются правовые и организационные аспекты совершенствования управленческого процесса в деятельности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации. Анализируются действующее законодательство, мнения ведущих ученых в сфере государственного управления. Обосновывается необходимость преодоления преград при совершенствовании управленческого процесса органов и организаций прокуратур в период их цифровой трансформации.

Дается анализ двух важнейших задач органов и организаций прокуратуры: совершенствования внутрисистемного (внутреннего) управления; информационного обеспечения. Внутрисистемное управление в прокуратуре авторы рассматривают как вид государственного управления, отмечают роль в нем посланий Президента Федеральному Собранию. В части информационного обеспечения органов и организаций прокуратуры обращается внимание на внедрение ведомственных информационных систем и программных комплексов, подчеркивается влияние информационно-аналитической деятельности на работу прокуратуры, затрагиваются вопросы информационной безопасности.

Ключевые слова: управленческий процесс, прокуратура, внутрисистемное управление, информационное обеспечение, функции, управленческий труд

Для цитирования

Митин А. Н., Рассохин А. В. Управленческий процесс в органах прокуратуры: задачи и механизм совершенствования // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. С. 87–95. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_87.

УДК 34.09

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_87

Научных работ, системно анализирующих основные управленческие аспекты функционирования органов и организаций прокуратуры, удивительно мало. Длительное время усилия ученых и практиков, изучающих задачи совершенствования системы органов прокуратуры Российской Федерации, были сосредоточены на прокурорском надзоре. Между тем существуют значительные резервы, позволяющие повысить эффективность внешнефункциональных мероприятий органов и организаций прокуратуры, проводимых при выполнении работниками управленческих функций.

В основе управления лежит осознанная деятельность человека по упорядочению и подчинению своим интересам некоторых элементов окружающей среды. При помо-

щи управленческих воздействий неорганизованное сообщество людей превращается в целенаправленно действующую и производительную группу. Для этого в органах и организациях прокуратуры требуется каждого работника включить в управленческий процесс.

Управление представляет собой совокупность управленческих процессов – целенаправленных решений и действий, осуществляемых персоналом и руководителями в определенной последовательности. Управленческий процесс регламентируется нормами права, а его результаты имеют юридические последствия.

В условиях современного социально-экономического развития Российской Федерации происходят изменения в законодатель-

стве, в системе государственного управления, Президентом РФ формулируются новые задачи в сфере обеспечения законности и правопорядка. С точки зрения управления задача – это проблемная ситуация, требующая принятия управленческого решения. Мы остановимся на характеристике двух важнейших задач органов и организаций прокуратуры: совершенствовании внутрисистемного (внутреннего) управления и информационном обеспечении органов и организаций прокуратуры.

Внутрисистемная управленческая деятельность (внутреннее управление) в прокуратуре воплощается в управленческом процессе. Его объектом являются социально-экономические связи и поведение человека. К элементам

Эффективность прокурорской деятельности во многом зависит от ее информационного обеспечения, которое составляет основу для принятия управленческих решений

управленческого процесса относят управленческий труд. Его предметом выступают информация об имеющейся задаче и способы ее обработки. Продуктом такого труда по результатам обработки информации становятся управленческие решения, формирующие определенный организационный порядок. Средством управленческого труда служит все то, что способствует проведению операций с информацией: оргтехника, системы автоматизации, программное обеспечение и др.

Сегодня мало кто оспаривает необходимость достижения определенного уровня качества внутрисистемной (внутренней) управленческой деятельности в прокуратуре как составного элемента государственного управления. Организационно-распорядительные документы или акты управления, по утверждению В. Г. Бессарабова, играют роль передаточного механизма между Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре РФ) и конкретными правоприменителями, особым образом акцентируют внимание на приоритетных направлениях прокурорской деятельности, определяют порядок взаимодействия с правоохранительными органами, подбор и расстановку кадров,

работу внутренних подразделений [Бессарабов 2010: 29].

Внутрисистемное (внутреннее) управление в органах и организациях прокуратуры состоит из нескольких взаимосвязанных этапов, которые повторяются, образуя управленческий цикл. Единого мнения о количестве и очередности этих этапов у исследователей нет, но они согласны в том, что четыре основных этапа присутствуют всегда: сбор и анализ информации, принятие на этой основе управленческих решений, организация исполнения решения, контроль [Митин, Ергашев, Осинцев 2019: 170].

Цифровая трансформация в системе отечественной прокуратуры заключается не просто в обеспечении автоматического соотнесения множества разнородных статистических и учетных данных. Надзорный механизм предусматривает поиск, сбор информации для выявления причин нарушения законов и определения мер их превенции, планирование и организацию коллективных действий, создание информационных ресурсов для выполнения различных организационно-распорядительных операций, с помощью которых осуществляется непосредственное управление деятельностью и поведением работников. Продуктом такого процесса и основной формой управляющего воздействия считается управленческое решение. Процедуры информационного обеспечения органов и организаций прокуратуры запущены давно и непосредственно связаны с их цифровизацией, но актуальными остаются задачи применения специализированного лицензионного программного обеспечения, замена устаревающей компьютерной техники, доработка системы государственного единого статистического учета, форм отчетности и др.

Эффективность прокурорской деятельности во многом зависит от ее информационного обеспечения, которое составляет основу для принятия управленческих решений. В дополнение к общему анализу законности и правопорядка на определенной территории информационное обеспечение позволяет отслеживать качество управленческого процесса в органах и организациях прокуратуры.

Споры об отсутствии или наличии управленческого процесса в органах и организациях прокуратуры идут давно, но исследова-

тели всегда были сосредоточены на термине «функция», хотя и не признавали его юридическим. И. Л. Бачило писала, что «даже в специальной работе сложно учесть все отдельные точки зрения по вопросу определения функции и свести их воедино» [Бачило 1976: 27]. Анализ юридической литературы позволяет отметить, что в юриспруденции функция чаще всего используется в значении «направление», «механизм, определяющий направление» [Морозова 2003: 96]. Вместе с тем почти никто не отрицает, что функции – это определенный вид деятельности, без которого управленческий процесс невозможен, а потому «ошибочно сводить функции прокуратуры лишь к одному надзору за исполнением законов» [Терентьев 2012: 116]. А. Д. Берензон в свое время утверждал, что органы прокуратуры выполняют надзорную, криминологическую, криминалистическую, правотворческую и правовоспитательную функции [Берензон 1980: 29].

По мнению Е. Р. Ергашева, Закон о прокуратуре РФ регламентирует и иную деятельность (кроме надзора) органов прокуратуры, к которой относятся координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участие в правотворческой деятельности, международное сотрудничество и организационное обеспечение деятельности органов прокуратуры. Всю эту деятельность в совокупности следует отнести к организационной функции. Следовательно, органам прокуратуры Российской Федерации присущи три функции: осуществления прокурорского надзора, содействия осуществлению правосудия и организационная функция [Ергашев 2018: 29]. Одновременно автор замечает, что в последней редакции Закона о прокуратуре РФ содержится лишь термин «функции», а термин «направления» отсутствует. Тем не менее он считает, что направление – это форма выражения функции, ее составная часть, область деятельности прокуратуры, характеризующаяся определенным предметом, методом, целями, задачами, полномочиями и правовыми средствами [Прокурорский надзор 2012: 22].

В управленческий процесс в органах и организациях прокуратуры вовлечены все работники, но управленческое воздействие в полном объеме осуществляют лишь те лица, которые наделены соответствующими полномо-

чиями согласно определенному должностному статусу. Как правило, это руководители, главенствующая функция которых – принимать управленческие решения. Руководитель органа, организации прокуратуры, конечно же, обладает всей полнотой властных полномочий, несет персональную ответственность за результаты работы органа, организации прокуратуры.

При организации осуществления прокурорами надзорной функции руководитель в то же время создает условия для осуществления управленческой функции контроля за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, а также функции координации при специфических способах управленческого воздействия, оказываемого на организации, не входящие в систему органов прокуратуры. Следует признать, что уровень бюрократизации здесь высокий и проявляется в стремлении «засекретить» все, регламентировать процедуры и соглашения, поддерживать субординацию и конфиденциальность во всем. Во многом это объясняется спецификой надзорных мероприятий, а также необходимостью нераспространения сведений о делах, находящихся в производстве.

Жесткий директивный стиль управления пронизывает всю иерархическую структуру данного надзорного органа. Благодаря этому менять поведение подчиненных легко, но чрезмерно жесткие рамки регламентации «роботизируют» сотрудников, которые формируют у себя социальную установку «ничего не делать без команды». Несмотря на то что профессиональное осуществление функции надзора прокурора незримо сочетается с функцией управления, подавляющее большинство работников прокуратуры сущность, структуру, формы, последствия управленческих воздействий не изучали, осознавая их только на практике. Управление незримо присутствует «за кадром» и проявляется чаще всего в случаях решения кадровых задач. Отсюда и опора на основной принцип назначения на руководящие должности только «своих», получивших опыт прокурорской работы. Специалистов по управлению в органы прокуратуры не приглашают по причине отсутствия у них знаний, умений и навыков в сфере прокурорского надзора.

К механизму управленческого процесса можно отнести одну или несколько связан-

ных процедур, в совокупности реализующих через функции и методы управления определенные цели деятельности. Наиболее распространенными в управленческом процессе признают организационно-распорядительные, экономические и социально-психологические методы. В исследованиях и учебной литературе утверждается, что для управленческого процесса характерно применение норм права и агрегирование различных форм организационного воздействия [Митин, Рассохин 2010: 245]. В органах и организациях прокуратуры управленческие процессы обуславливаются объективными и субъективными факторами. К объективным относят вид и сферу деятельности прокуратуры в зависимости от предмета надзора и подразделения, к субъективным – точку зрения прокуроров на механизм решения поставленных задач, отношения с поднадзорными объектами и др.

Внутрисистемное (внутреннее) управление в органах и организациях прокуратуры может расцениваться, по нашему мнению, как вид государственного управления. В системе государственных органов прокуратура рассматривается как государственно-правовой институт, а служба в органах прокуратуры РФ является одним из видов федеральной государственной службы. Функции, выполняемые федеральными государственными служащими – прокурорскими работниками, многогранны, а их деятельность имеет публичный характер в строгом соответствии с нормативными предписаниями.

С позиций интегративного подхода федеральную государственную службу в органах и организациях прокуратуры справедливо характеризовать как управленческий процесс, включающий в себя субъективные (должностные), функциональные (деятельностные), институциональные (правовые) общественные отношения, урегулированные нормами права.

Таким образом, внутрисистемное (внутреннее) государственное управление в органах и организациях прокуратуры может рассматриваться как осуществление руководства их работниками, в котором государство – орган, обладающий сравнительным преимуществом на насилие и принуждение. По нашему мнению, это управленческое воздействие государства в прокуратуре условно можно определить как государственно-административное управление, т. е. функциониру-

вание на основе технологий администрирования, надзора, сфера реализации социальных интересов путем принятия административных актов во исполнение политических и законодательных [Митин 2017: 128–129].

Кроме того, прокуратура РФ представляет собой орган государственного надзора. Будучи специфической деятельностью, не относящейся ни к одной из ветвей власти, прокурорский надзор в то же время обладает признаками каждой из них, а органы и организации прокуратуры формируют в организационных структурах свое внутрисистемное (внутреннее) управление по аналогии с государственным управлением, осуществляемым в органах государственной власти.

Управленческий процесс в прокуратуре имеет нормативный характер и зависит от управленческих норм, содержащихся, помимо Закона о прокуратуре РФ, в указах Президента РФ, руководящих документах Генеральной прокуратуры РФ и актах ведомственного регулирования. Управленческий процесс в органах и организациях прокуратуры всегда зависит от принятия решений высшими органами власти в стране, а также коллегией Генеральной прокуратуры РФ. С. А. Воронин указывает, что функции государства и его органов производны от политического режима и государственного устройства, а государственные органы объединены в систему, в которой органы и организации прокуратуры составляют особую группу, имеющую особые функции [Воронин 2016: 433]. Да и сама прокуратура согласно ст. 129 Конституции РФ и ст. 1 Закона о прокуратуре РФ – единая централизованная система. Но подбор и расстановка руководителей высшего уровня управления осуществляются в ней в соответствии с федеральными законами, что значительно повышает их ответственность при реализации управленческих функций, принятии оперативных и стратегических решений.

Президент РФ подписал Федеральный закон от 9 ноября 2020 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации“». Он направлен на реализацию Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», в соответствии

с которым уточнены нормы Конституции РФ, определяющие полномочия и организацию деятельности прокуратуры РФ.

Согласно новым нормам Генеральный прокурор Российской Федерации, его заместители, прокуроры субъектов Российской Федерации, приравненные к ним прокуроры военных и других специализированных прокуратур назначаются на должность Президентом Российской Федерации после консультаций с Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации. Одновременно Федеральный закон закрепляет полномочия Президента Российской Федерации по назначению в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации на должность, по которой предусмотрено присвоение высших классов чинов прокурорских работников или воинских званий высших офицеров, и освобождению от такой должности на основании соответствующего представления Генерального прокурора Российской Федерации. Кроме того, Федеральный закон уточняет требования к лицам, назначаемым на должности прокуроров, а также ограничения, запреты и обязанности, связанные с работой в органах прокуратуры Российской Федерации.

Цели и задачи органов и организаций прокуратуры – две категории, тесно связанные между собой, хотя и отличающиеся друг от друга. Если цели – это результат, на достижение которого направлена деятельность прокуратуры, включая прокурорский надзор [Куленко 2008], то задачи прокурорского надзора – это всегда проблемные ситуации с заданной целью, которую необходимо достичь, а подразделяются они на общие, специальные и частные. В системе государственного управления целевые ориентиры, как правило, задает Президент РФ в своих ежегодных посланиях Федеральному Собранию, в них же формулируются поручения и задачи. На заседаниях коллегии Генеральной прокуратуры задачи могут быть конкретизированы.

Послания Президента РФ носят обязательный характер для исполнительной власти, рекомендательный – для законодательной власти, проблемно-постановочный – для института прокуратуры. Так, на заседании коллегии органов прокуратуры РФ при подведении итогов работы этого надзорного ведомства

в 2020 г. Президент РФ определил приоритетные направления деятельности прокуратуры в дальнейшем. Это, в частности, обеспечение законности и правопорядка, организация надзора за исполнением социальных гарантий государства, охрана прав несовершеннолетних, надзорное сопровождение стратегических национальных проектов, анализ правомерности отказов о регистрации сообщений о преступлениях, выявление фальсификаций по ведению учетных данных при реализации полномочий по ведению правовой статистики и др.

Управленческая реакция Генеральной прокуратуры после заседания коллегии была мгновенной. Вышло несколько приказов, относящихся к внутрисистемному управлению. Они вносят изменения в организационно-распорядительные документы, предусматривают внедрение новых форм воспитания кадрового состава, направлены на соблюдение антикоррупционного законодательства, регулируют вопросы социальной поддержки обучающихся в Университете прокуратуры РФ, организации профессиональной подготовки и др. Это позволяет утверждать, что совершенствующийся в институте прокуратуры управленческий процесс органически связан с общими, специальными и частными задачами этого надзорного органа.

Эффективность выполнения функций прокуратуры, а также управленческого процесса зависит от создания, развития и эксплуатации информационных систем Генеральной прокуратуры РФ. Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 была утверждена Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года. В ней предусмотрены следующие задачи: цифровизация объектов надзора, обеспечение бесперебойного функционирования собственной цифровой инфраструктуры, повышение ее информационной безопасности, развитие электронного документооборота и мн. др.

Комплексное совершенствование информационных систем началось еще в 2009 г. Тогда усилия Генеральной прокуратуры РФ были сосредоточены на модернизации автоматизированной системы формирования сводного плана проведения проверок. Затем в 2014–2015 гг. на этой базе создана федеральная государственная информационная систе-

ма «Единый реестр проверок», произведен запуск комплекса мероприятий по созданию Государственной автоматизированной системы правовой статистики (ГАС ПС), создана система межведомственного электронного взаимодействия. В соответствии с Положением, подготовленным Минюстом России в конце 2020 г., ГАС ПС стала рассматриваться как технологическая инфраструктура для ведения единого государственного статистического учета данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании и прокурорском надзоре¹.

В работу прокуратуры внедрены ведомственные информационные системы «Архивное дело ОП», «Кадры ОП», «Пенсия», которые значительно повышают эффективность реализации принимаемых решений.

Запущен новый программный комплекс «Надзор-WEB», ускоряющий процесс рассмотрения обращений в прокуратуру. Создание единой базы данных по внутрисистемному управлению, деятельности районных и городских прокуратур, уголовным делам и надзорному производству позволяет сократить срок принятия решений по тем же обращениям от нескольких месяцев до 10 дней.

Электронный «Личный кабинет прокурора», внедрение которого уже происходит повсеместно, позволит усовершенствовать управленческий процесс с применением сервисов «Календарь прокурора», «Проведение прокурорских проверок», «Ведение дел по административным правонарушениям», «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов», «Анализ и отчетность по принимаемым управленческим решениям, обращениям», «Формирование актов прокурорского реагирования», «Видеоконференции» и др.

Каждое решение в ходе управленческого процесса в органах и организациях прокуратуры не может обойтись без сложнейшей информационно-аналитической работы в структурных подразделениях. Она выражается в анализе и обобщении информации, ее оценке, последующей подготовке обзоров, докладов, сообщений и планировании мероприятий на среднесрочный и долгосрочный период.

¹ Информационные технологии в Генпрокуратуре РФ // URL: <https://www.tadviser.ru/a/383027> (дата обращения: 22.03.2021).

Влияние результатов информационно-аналитической работы на управленческий процесс в органах и организациях прокуратуры проявляется в приказах Генеральной прокуратуры РФ о совершенствовании организации управления в системе прокуратуры страны, при определении приоритетных направлений ее деятельности, на стадиях подготовки организационно-распорядительных, информационно-справочных документов, при определении уровня эффективности работы структурных подразделений [Информационно-аналитическая деятельность 2013: 112].

Для совершенствования управленческого процесса в органах и организациях прокуратуры чрезвычайно важным является и внедрение электронного документооборота. На его основе можно обеспечить сохранность и доступность любого документа, поступающего в прокуратуру, формирующегося в ней, исходящего во внешнюю среду. Таким образом, формирование нарядов, надзорных производств, хранение в архиве и другие формы работы с документами на бумажных носителях могут быть постепенно исключены, что значительно сокращает внутриорганизационные затраты.

На основании приказа Генеральной прокуратуры от 29 декабря 2011 г. № 450 (в ред. от 29 декабря 2020 г.) в органах и организациях прокуратуры действует Инструкция по работе с электронными документами, которые создаются, обрабатываются, регистрируются и хранятся в базе данных АИК «Надзор». Они подписываются усиленной квалифицированной электронной подписью должностного лица в соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

При создании системы информационного обеспечения органов и организаций прокуратуры большое значение имеет обеспечение информационной безопасности. Информационная безопасность рассматривается как защищенность информации и поддерживающей инфраструктуры от случайных или преднамеренных действий естественного или искусственного характера, чреватых нанесением ущерба владельцам или пользователям информации и поддерживающей инфраструктуры.

Согласно Концепции безопасности органов и организаций прокуратуры Россий-

ской Федерации (утв. приказом Генеральной прокуратуры РФ от 27 ноября 2019 г. № 830) задачи обеспечения информационной безопасности включают в себя обеспечение надежной защиты от несанкционированного доступа к сведениям, содержащим любую охраняемую законом тайну, а также к общедоступной информации в любых формах. Требуется защита внутренних инфраструктурных систем, предназначенных для обобщения и анализа информации.

Управленческие решения, определенные в Концепции, имеют долговременный характер и предусматривают применение всех базовых функций управления (прогнозирование, планирование, организация, координация, мотивация, учет и контроль).

Современные информационные технологии становятся неотъемлемой частью управленческих процессов прокуратуры. Генеральной прокуратуре РФ единственной из всех федеральных органов государственной власти отведен отдельный раздел в Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля г. № 1632-р). Вместе с тем вследствие существования практики децентрализованного управления в сфере информатизации органов и организаций прокуратуры отсутствуют единые стандарты разработки и эксплуатации информационных ресурсов и систем. Это повод для максимально воз-

можной автоматизации процессов надзорной, управленческой и иной деятельности, расширения возможностей открытых интерфейсов и совершенствования единой системы разграничения прав доступа к информационным ресурсам, отказа от ввода всех изменений операторами в ручном режиме.

В организационном плане для обеспечения информационной безопасности органов и организаций прокуратуры требуются:

создание структурных подразделений, в штате которых находятся специалисты, обладающие профессиональными компетенциями по предотвращению угроз и пресечению попыток умышленного или неосторожного несанкционированного доступа к информационным системам, контактам и каналам связи;

реализация комплекса мероприятий, таких как недопущение и устранение информационных угроз в отношении прокурорских работников и членов их семей; проверочная работа, связанная с подбором и расстановкой кадров; совершенствование системы учета, контроля, пропускного режима, антитеррористических мероприятий; техническое переоснащение подразделений и др.

В заключение отметим, что состояние научной разработанности проблематики управленческого процесса в институте прокуратуры свидетельствует о возможностях приобщения к ней заинтересованных ученых из разных отраслей научного знания.

Список литературы

Бачило И. Л. Функции органов управления: правовые проблемы оформления и реализации. М.: Юрид. лит., 1976. 200 с.

Берензон А. Д. Об основных направлениях деятельности прокуратуры // Проблемы организации и деятельности прокурорской системы в свете Закона о прокуратуре СССР: сб. науч. тр. М., 1980. С. 27–35.

Бессарабов В. Г. Прокурорский надзор за исполнением законов об избирательных правах граждан. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2010. 80 с.

Воронин С. А. Надзорная функция прокуратуры (теоретический аспект) // Административное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 433–438.

Ергашев Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учеб. Екатеринбург: Раритет, 2018. 436 с.

Информационно-аналитическая деятельность прокуратуры города (района): метод. пособие. М.: НИИ Акад. Ген. прокуратуры, 2013. 112 с.

Куленко О. И. Функции российской прокуратуры и их конституционная природа // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 8. С. 50–56.

Митин А. Н., Рассохин А. В. Системные основы государственного и муниципального управления: учеб. пособие. Екатеринбург: ИД УрГЮА, 2010. 276 с.

Митин А. Н. Теория и механизмы управления. Екатеринбург: ИД УрГЮУ, 2017. 320 с.

Митин А. Н., Ергашев Е. Р., Осинцев Д. В. Эффективность управленческой деятельности органов прокуратуры в условиях государственного администрирования. Екатеринбург: ИД УрГЮУ, 2019. 208 с.

Морозова Л. А. Теория государства и права. М., 2003. 416 с.

Прокурорский надзор в РФ / под ред. Е. Р. Ергашева. М.: Юрайт, 2012. 392 с.

Терентьев И. А. Функции прокуратуры // Человек: преступление или наказание. 2012. № 2. С. 115–118.

Александр Николаевич Митин – заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики управления Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: tipu@usla.ru.

ORCID: 0000-0003-1788-6736

Анатолий Васильевич Рассохин – почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики управления Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: anatolii.ras-soho@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-5819-8967

Management Process in the Prosecutor's Office: Tasks and Improvement Mechanism

The article deals with the legal and organizational aspects of improving the management process in the activities of bodies and organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. The paper analyzes the current legislation and the opinions of leading scientists in the field of public administration, substantiates the need to overcome obstacles in improving the management process of bodies and organizations of prosecutor's offices in the period of their digital transformation.

The two most important tasks of the prosecutor's office bodies and organizations are analyzed. These are improvement of internal management and information support. The authors consider internal management in the bodies and organizations of the prosecutor's office as a type of public administration, and note the role of the President's messages to the Federal Assembly in it. In terms of information support for the bodies and organizations of the prosecutor's office, attention is drawn to the introduction of departmental information systems and software systems, the influence of information and analytical activities on the work of the prosecutor's office is emphasized, and information security issues are touched upon.

Keywords: management process, prosecutor's office, internal administration, information support, functions

Recommended citation

Mitin A. N., Rassokhin A. V. Upravlencheskii protsess v organakh prokuratury: zadachi i mekhanizm sovershenstvovaniya [Management Process in the Prosecutor's Office: Tasks and Improvement Mechanism], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 4, pp. 87–95, DOI: 10.34076/2410-2709_2021_4_87.

References

Bachilo I. L. *Funktsii organov upravleniya: pravovye problemy oformleniya i realizatsii* [Functions of Management Bodies: Legal Problems of Registration and Implementation], Moscow, Yurid. lit., 1976, 200 p.

Berenzon A. D. *Ob osnovnykh napravleniyakh deyatelnosti prokuratury* [On the Main Directions of the Prosecutor's Office], *Problemy organizatsii i deyatelnosti prokurorskoj sistemy v svete*

Zakona o prokurature SSSR [Problems of the Organization and Activity of the Prosecutor's System in the Light of the Law on the Prosecutor's Office of the USSR], Moscow, 1980, pp. 27–35.

Bessarabov V. G. *Prokurorskii nadzor za ispolneniem zakonov ob izbiratel'nykh pravakh grazhdan* [Prosecutor's Supervision over the Execution of Laws on the Electoral Rights of Citizens], Moscow, Akad. Gen. prokuratury Ros. Federatsii, 2010, 80 p.

Ergashev E. R. (ed.) *Prokurorskii nadzor v RF* [Prosecutor's Supervision in the Russian Federation], Moscow, Yurait, 2012, 392 p.

Ergashev E. R. *Prokurorskii nadzor v Rossiiskoi Federatsii* [Prosecutor's Supervision in the Russian Federation], Ekaterinburg, Raritet, 2018, 436 p.

Informatsionno-analiticheskaya deyatel'nost' prokuratury goroda (raiona) [Information and Analytical Activities of the Prosecutor's Office of the City (District)], Moscow, NII Akad. Gen. prokuratury, 2013, 112 p.

Kulenko O. I. *Funktsii rossiiskoi prokuratury i ikh konstitutsionnaya priroda* [Functions of the Russian Prosecutor's Office and Their Constitutional Nature], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 8, pp. 50–56.

Mitin A. N., Rassokhin A. V. *Sistemnye osnovy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [System Bases of State and Municipal Management], Ekaterinburg, ID UrGYuA, 2010, 276 p.

Mitin A. N. *Teoriya i mekhanizmy upravleniya* [Theory and Mechanisms of Management], Ekaterinburg, ID UrGYuU, 2017, 320 p.

Mitin A. N., Ergashev E. R., Osintsev D. V. *Effektivnost' upravlencheskoi deyatel'nosti organov prokuratury v usloviyakh gosudarstvennogo administrirovaniya* [Efficiency of Managerial Activity of Prosecutor's Offices in the Conditions of State Administration], Ekaterinburg, ID UrGYuU, 2019, 208 p.

Morozova L. A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], Moscow, 2003, 416 p.

Terent'ev I. A. *Funktsii prokuratury* [Functions of the Prosecutor's Office], *Chelovek: prestuplenie ili nakazanie*, 2012, no. 2, pp. 115–118.

Voronin S. A. *Nadzornaya funktsiya prokuratury (teoreticheskii aspekt)* [Supervisory Function of the Prosecutor's Office (Theoretical Aspect)], *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2016, no. 5, pp. 433–438.

Aleksandr Mitin – honored worker of the higher school of the Russian Federation, doctor of economic sciences, professor, head of the Department of theory and practice of management, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: tipu@usla.ru.

ORCID: 0000-0003-1788-6736

Anatoliy Rassokhin – honored worker of higher professional education of the Russian Federation, candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of theory and practice of management, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: anatolii.rassoho@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-5819-8967

Дата поступления в редакцию / Received: 16.04.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 22.06.2021

М. В. Жабреев

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург)

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА В РОССИИ И НА УРАЛЕ В ГОДЫ НЭПА

Статья посвящена появлению в РСФСР предпринимательского права и «оживлению» предпринимательской деятельности в России и на Урале в 1921–1929 гг. Советское государство полностью отказалось от законодательства Российской империи в указанной сфере, вследствие чего начало формироваться новое право. Его основой явилось административно-правовое (публичное) регулирование предпринимательской деятельности, тогда как гражданское (частное) право играло лишь вспомогательную роль.

Рассмотрены важнейшие направления новой экономической политики (НЭП), проводимой российским правительством: установление на государственных предприятиях принципа хозяйственного (коммерческого) расчета; разрешение кустарной деятельности; объединение людей в сельскохозяйственные и потребительские кооперативы; разрешение создания частных предприятий; предоставление возможности арендовать государственные предприятия. Особое внимание в статье уделяется привлечению иностранного капитала, оборудования и технологий для создания промышленных концессий. В частности, приведено описание концессии А. Хаммера, разрабатывавшей асбестовые рудники на Урале. При этом автор подчеркивает, что несмотря на высокую рентабельность подобных предприятий их доля в общем объеме производства в стране была небольшой.

Ключевые слова: новая экономическая политика, предпринимательское право, хозяйственный расчет, частное предпринимательство, иностранные концессии, архивные источники, мемуары очевидцев

Для цитирования

Жабреев М. В. Из истории развития предпринимательского права в России и на Урале в годы НЭПа // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. С. 96–105. DOI: 10.34076/2410-2709_2021_4_96.

УДК 341

DOI: 10.34076/2410-2709_2021_4_96

В советской истории имеется небольшой, но важный для возрождения экономики страны период «оживления» предпринимательской активности. Оно было обусловлено появлением в 1920-х гг. комплекса нормативных документов, разрешающих предпринимательскую деятельность. Что это были за документы, почему потребовалось их принятие и как происходила их реализация? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Гражданская война и иностранная военная интервенция окончательно разрушили экономику государства, рожденного революцией 1917 г. Множество заводов и фабрик прекратили работу, были затоплены шахты и руд-

ники, началась колоссальная инфляция. Промышленные предприятия ввиду отсутствия квалифицированной рабочей силы и спроса на продукцию закрывались.

Для нового государства это означало скорую гибель. Руководство РСФСР лихорадочно искало выход из экономического кризиса. Политическое решение о переходе к новой экономической политике (НЭП) было озвучено на X съезде РКП (б), который состоялся в марте 1921 г. Речь шла о поднятии экономики страны за счет внедрения частного предпринимательства и привлечения иностранных инвестиций, но при сохранении политической системы государства. «Отступление»

большевиков от своей политической программы в годы НЭПа было вызвано стремлением удержать свою власть любой ценой, поэтому желание придать экономическим отношениям динамизм сочеталось с попытками законсервировать политическую, прежде всего партийную, систему [Килин 2018: 18].

После поражения революций в Европе большевики еще сохраняли надежду на будущую мировую революцию, а вот построение социализма в отдельной стране в условиях голода и полной разрухи представлялось сомнительным [Смыкалин, Мотревич 2017: 242–252]. Как указывает А. С. Сенявский, «НЭП выступил вариантом развития экономики страны, альтернативным „военному коммунизму“ первых лет существования советского государства» [Сенявский 2006: 13]. А. П. Килин имеет иную точку зрения и считает, что НЭП впитал в себя черты как военного коммунизма, так и капитализма [Килин 2018: 124]. Э. Б. Генкина в свою очередь интерпретирует этот период как переход с помощью НЭПа к государственному капитализму при сохранении идеи строительства социализма [Генкина 1954: 13].

Первый концессионер РСФСР вспоминал: «Это была новая экономическая политика, только что провозглашенная Лениным, несмотря на значительную оппозицию со стороны некоторых его соратников. Только Ленин мог ввести эту политику, явившуюся одним из самых решительных и драматических изменений в истории нашего века» [Хаммер 1988: 71]. Правда, В. И. Ленин в своих выступлениях всегда подчеркивал, что НЭП – это явление временное и оно не опасно, так как все ключевые посты управления государством в руках РКП (б). Главная задача – поднять промышленность страны, разоренную гражданской войной [Ленин 1970. Т. 44: 309].

Основными направлениями НЭПа стали: замена продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом; введение на государственных предприятиях хозяйственного (коммерческого) расчета; разрешение частного предпринимательства; привлечение иностранного капитала, оборудования и технологий для создания промышленных концессий. Нормативное закрепление НЭПа было осуществлено в первой поло-

вине 1921 г. путем принятия Декретов СНК РСФСР от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом», от 28 марта 1921 г. «О свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов в губерниях, закончивших разверстку», от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации», от 17 мая 1921 г. «Об отмене, приостановке и пересмотре некоторых постановлений мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельскохозяйственной кооперации», от 24 мая 1921 г. «Об обмене», от 7 июня 1921 г. «О промысловой кооперации», от 5 июля 1921 г. «О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных Высшему совету народного хозяйства», от 7 июля 1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности».

Именно эти и иные нормативные документы новой государственной власти в сфере экономики явились первоосновой российского / советского предпринимательского права. При этом провозглашался полный отказ от законодательства Российской империи в сфере регулирования предпринимательской деятельности. Существенным отличием права советского государства от права Российской империи выступил установленный советским правом приоритет административно-правового регулирования экономических отношений, тогда как частноправовое (гражданско-правовое) регулирование играло лишь вспомогательную роль. «Мы ничего „частного“ не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государственный. Отсюда – расширить применение государственного вмешательства в „частноправовые“ отношения; расширить право государства отменять „частные“ договоры; применять не *congrus juris homini* к „гражданским правоотношениям“, а наше революционное правосознание» [Ленин 1970. Т. 39: 398].

А. В. Венедиктов писал, что «социалистическая национализация промышленности, рабочий контроль над еще не национализированными предприятиями, планирование и регулирование производственного снабжения и сбыта промышленной продукции, финансирование национализированных предприятий не только в порядке сметного финансирова-

ния, но частично и в порядке банковского кредитования проводились в подавляющем числе случаев в порядке государственно- и административно-правового регулирования и лишь в незначительной части в порядке гражданско-правового регулирования производственных отношений, создаваемого в буре и огне классовых битв нового общества» [Венедиктов 1957: 412].

В 1921 г. в законодательстве страны впервые появилось понятие «**хозяйственный расчет**». Под хозяйственным расчетом согласно материалам X конференции РКП (б), состоявшейся в мае 1921 г., понималось расширение самостоятельности и инициативы

Руководство страны рассчитывало использовать опыт иностранных предприятий в организации производства и применении новейших технологий, в том числе с помощью иностранных специалистов восстановить утраченные после революции внешнеэкономические связи

каждого крупного предприятия в деле распоряжения финансовыми средствами и материальными ресурсами [Коммунистическая партия 1954: 573; Венедиктов 1961: 8]. Если раньше предприятия получали все необходимое для производства от государства и сдавали ему же всю произведенную продукцию, то теперь они должны были вести свою хозяйственную деятельность самостоятельно [Венедиктов 1957: 6]. Предприятия должны были сами закупать сырье и материалы, решать проблемы обеспечения рабочей силой, заниматься сбытом продукции и, получив прибыль и заплатив из нее налоги, развивать собственное производство (первым предприятием, действующим на основе хозрасчета, было «Льноправление», положение о котором утверждено 8 августа 1921 г. Советом труда и обороны РСФСР). Согласно приказу Высшего совета народного хозяйства от 10 августа 1921 г. № 9 основной мерой восстановления крупной государственной промышленности признавалось «раскрепощение государственных предприятий в отношении самоснабжения и сбыта».

Позднее, в 1923 г., был введен **коммерческий расчет** как форма деятельности промышленных предприятий, целью которых являлось извлечение прибыли. Так, в силу ст. 1 Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 10 апреля 1923 г. «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)» государственными трестами признавались государственные промышленные предприятия, которым государство предоставляло самостоятельность в производстве своих операций согласно утвержденному для каждого из них уставу и которые действуют на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли. Замена общепринятого в законодательных актах 1921–1922 гг. термина «хозяйственный расчет» термином «коммерческий расчет» в соединении с указанием на цель извлечения прибыли дала некоторым авторам повод противопоставлять коммерческий и хозяйственный расчет именно как принцип прибыльности предприятия и принцип простой его безубыточности или самокупаемости [Венедиктов 1928: 9–16].

Следующим направлением НЭПа являлось **разрешение частного предпринимательства**: организации мелких частных предприятий с числом работников до 20 человек, а также сдачи в аренду государственных предприятий (Декреты СНК РСФСР «О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных Высшему совету народного хозяйства» и «О кустарной и мелкой промышленности»).

Наиболее распространенной в то время формой привлечения частного капитала к хозяйственной деятельности была аренда государственных предприятий. Сдаче в аренду подлежали только предприятия, которые были сняты с государственного снабжения и в деятельности которых государство не было заинтересовано [Венедиктов 1961: 11]. Арендный договор определял направление производственной деятельности предприятия, объем и ассортимент подлежащей выпуску продукции, долевое отчисление в пользу государства, размеры восстановления и обновления основных фондов и т. д. Предприятия передавались арендатору во временное владение и пользование на условиях, оговоренных в договоре аренды. При этом собствен-

ником предприятия оставалось государство. Арендатор не имел права ни продать, ни заложить арендованное предприятие, он отвечал по суду за сохранность сданного ему во владение и пользование имущества и во всем подчинялся общегосударственному законодательству о труде, социальном страховании и технике безопасности.

Особого внимания заслуживает вопрос о появившихся в РСФСР в период НЭПа **иностранных концессиях**, о которых в советское время особо не говорили и не рекомендовали исследователям обращаться к этой теме. Более того, значительная часть материалов по ней была недоступна и имела гриф «Не для печати». В частности, по распоряжению заместителя председателя СНК РСФСР А. И. Рыкова было категорически запрещено опубликование в прессе, чего бы то ни было, касающегося концессий, без разрешения председателя Главного концессионного комитета. Все, что противоречило идеологической доктрине марксизма-ленинизма, публиковать можно было только в «закрытой» печати. Тем не менее с открытием спецфондов и ранее засекреченных архивных источников в конце XX в. – начале XXI в. стали появляться научные работы, посвященные данному направлению экономики, но их количество явно недостаточно [Захаров 2000: 3; Левин, Шевелева 2016: 3; Хромов 2006: 78].

Вместе с тем иностранные инвестиции, технологии и управленческий опыт были движущими силами промышленной революции в России конца XIX в. – начала XX в. До 1917 г. Российская империя в своем экономическом развитии в значительной степени опиралась на помощь извне. В отдельные годы иностранные инвестиции составляли более половины всех новых капиталовложений в российскую промышленность, а некоторые отрасли – электротехническая, химическая – были созданы преимущественно иностранцами. После революции в течение 1921–1929 гг. советская Россия сделала очередную попытку привлечения в свою экономику иностранного капитала и зарубежных технологий [Данильченко 2000: 4].

Несмотря на большевистские лозунги, призывающие идти «на последний и решительный бой» с мировой буржуазией, руководство РСФСР понимало, что для восстановления разрушенного хозяйства нужны огромные средства. Своими силами, без иностранной помощи, восстановить экономику страны было крайне затруднительно.

В октябре 1919 г. В. И. Ленин заявил корреспонденту газеты «*The Ghicago Daily News*» о том, что советская Россия стоит за экономическую договоренность со всеми странами, особенно с Америкой [Ленин 1970. Т. 39: 209]. Именно В. И. Ленин выступил главным инициатором и организатором концессионной политики в советском государстве [Захаров 2000: 9].

Первым документом, разрешающим иностранные концессии, явился Декрет СНК РСФСР от 23 ноября 1920 г. «Об общих экономических и юридических условиях концессий», согласно которому иностранным предпринимателям позволили брать государственные предприятия в концессию [Смыкалин 2017: 107]. Правительство РСФСР гарантировало, что их имущество не будет подвергаться ни национализации, ни конфискации, ни реквизиции. В развитие данного Декрета 29 марта 1921 г. СНК РСФСР утвердил Принципы советского государства относительно заключения концессионных договоров [Документы внешней политики СССР 1960: 36].

Руководство страны рассчитывало использовать опыт иностранных предприятий в организации производства и применении новейших технологий, в том числе с помощью иностранных специалистов восстановить утраченные после революции внешнеэкономические связи. В результате привлечения иностранных инвесторов доля концессий в некоторых отраслях промышленности стала достаточно высокой: на этих предприятиях добывали 60 % свинца и серебра, 30 % золота, 85 % марганца и т. д. Однако в целом доля иностранных концессий была невелика и объем их производства составлял примерно 1 % общего объема производимой в стране продукции.

По данным Э. Саттона, в России / СССР в период с 1921 по 1930 г. действовало 128 «чистых» (использующих только иностранный капитал) и 93 «смешанных» концессионных предприятия [Левин, Шевелева

2016: 3]. Наиболее крупными из заключенных договоров были концессионные договоры с акционерным обществом шведских заводов в Гетеборге для производства шарикоподшипников, американской фирмой «Гарриман и Ко», английской компанией «Лена Голдфилдс Лимитед» и др. Все они прекратили свое существование к 1930-м гг., хотя имелись и «долгожители», например японская нефтяная концессия, действовавшая на северном Сахалине вплоть до 1944 г. [Попов 1994: 120; Семеникова 1996: 361; Молодяков 2005: 257].

Далее рассмотрим **реализацию НЭПа в Уральском регионе**. К началу НЭПа промышленность Урала находилась в тяжелейшем состоянии. В 1920 г. по сравнению с 1913 г. объем промышленной продукции на Урале составил 12 %, выплавка чугуна – 9 %, добыча железной руды – 7 %.

Оживление предпринимательской активности в регионе необходимо связывать с Декретами СНК РСФСР «О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных Высшему совету народного хозяйства» и «О кустарной и мелкой промышленности». Именно этими нормативными актами в уральскую промышленность был допущен частный капитал, прежде всего в виде аренды государственных предприятий.

Однако аренда государственных предприятий на Урале не прижилась. В 1921–1925 гг. она охватывала лишь небольшое количество предприятий кустарного типа, на каждом из которых работало до 20 человек. При этом, например, на пленуме Уралобкома ВКП (б), состоявшемся в 1925 г., было указано, что «наша политика в отношении промышленности в будущем должна резко измениться. На промышленное строительство должно быть обращено больше внимания в сторону развития мелкой и кустарной промышленности. Те перспективы, которые нами намечаются, говорят не о том, что можно ослабить внимание, а, наоборот, о том, что необходимо нажать и найти пути, чтобы наша мелкая и кустарная промышленность не была круглой сиротой, как это было до сих пор». О том, что в рассматриваемый период на Урале большое внимание уделялось развитию кустарной промышленности, свидетельствуют архивные данные Екатеринбургского

губернского экономического совещания, находящиеся на хранении в Государственном архиве Свердловской области.

В свою очередь частная торговля по своей доле и роли в хозяйстве была в большей степени близка к идеалам советского руководства, так как занимала весьма скромную долю в товарообороте. «Частник» проявлял себя в неформальном секторе экономики, был участником рыночных отношений во внешней экономической деятельности, где необходимо было использовать весь арсенал столь осуждаемых в стране приемов и методов ведения хозяйства [Кишин 2018: 563–565].

Интересная история иностранных концессий на Урале. В рассматриваемый период в регионе действовало четыре концессии: американская концессия Арманда Хаммера на разработку асбестовых рудников в окрестностях Алапаевска, просуществовавшая с 1921 по 1926 г., английская концессия «Лена Гольдфилдс лимитед», действовавшая с 1925 по 1930 г., а также две сезонные фабрики по переработке пуха и пера «Востваг» и «Русавсторг», работавшие на протяжении 1924–1928 гг.

Самой известной в связи с личным знакомством ее главы с главой советского государства была концессия Арманда Хаммера. Остановимся на ней более подробно.

Американский врач Арманд Хаммер приехал в РСФСР в начале лета 1921 г. с целью организации американской помощи голодающим России. Однако в августе он вместе с иностранными бизнесменами отправился на поезде на Урал, посетил Екатеринбург, Алапаевск и Кунгур. Ему было предложено взять в концессию асбестовские рудники в Алапаевском районе, которые в тот период не работали. После возвращения из поездки и личной встречи Хаммера с В. И. Лениным по указанию последнего с Хаммером в срочном порядке (28 октября 1921 г.) было подписано концессионное соглашение на эксплуатацию асбестового рудника сроком на 25 лет [Хаммер 1988: 80, 100]. Это была первая иностранная промышленная концессия не только на Урале, но и в РСФСР.

Вот как Арманд Хаммер описывал свою концессию. «Асбестовый рудник представлял собой большой открытый котлован диа-

метром около трехсот метров, спускавшийся террасами вниз на глубину приблизительно метров тридцать. Но способ добычи асбеста по сравнению с развитыми технологиями Америки и Канады значительно отличался в худшую сторону.

Никогда в жизни не видел я более примитивного способа добычи. Рабочие скальвали руду громоздкими ручными сверлами, обычно на бурение шпура для динамитной шашки уходило два-три дня. После взрыва рабочие собирали осколки породы в корзины и вручную поднимали их на верхнюю площадку, где, сидя рядами, отделяли асбест от породы с помощью молотков, какими обычно работают рабочие-строители дорог в Англии. Очищенная руда перевозилась на крестьянских телегах на железнодорожную станцию в пятнадцати километрах от рудника. При плохой погоде дороги становились непроезжими, и руда не отправлялась на станцию, а просто сваливалась у рудника.

До революции условия работы были исключительно тяжелыми. Рабочие ютились в грязных бараках, работали они по двенадцать часов в сутки шесть дней в неделю, а получали в среднем пятнадцать рублей в месяц. Мастера применяли плети, нередкими были драки и даже убийства. По воскресеньям все напивались – это было единственным развлечением.

Перед войной рудник принадлежал государству и при существовавших в то время ценах должен был приносить огромные прибыли. В действительности же владелец расположенного поблизости конкурирующего частного предприятия с помощью взятки добился того, что самые богатые жилы не разрабатывались. На одной были воздвигнуты строения, а другая была превращена в свалку и завалена сотнями тонн пустой породы и мусора.

Введенная нами механизация и электроосвещение произвели сенсацию, никто из местных жителей никогда до этого не видел электрическую лампочку. Мы быстро заменили старую систему работы механической дробилкой и провели узкоколейку. По условиям контракта мы должны были построить для рабочих дома, обеспечить их школами, больницей, поликлиникой и некоторыми другими удобствами.

В первые годы асбестовая концессия не приносила ожидаемой прибыли из-за падения цен на мировом рынке в результате перепроизводства асбеста в Канаде во время и после Первой мировой войны. Однако по мере увеличения спроса внутри России к 1925 г. наша двадцатипятилетняя концессия начала, наконец, приносить прибыль» [Хаммер 1988: 98–100].

Концессия Хаммера начала работу в мае 1922 г. Добыча асбеста в 1922–1923 гг. составила 20 195 пудов, в 1923–1924 гг. – 41 180 пудов, в 1924–1925 гг. – 37 533 пуда, план по добыче был выполнен. Соглашение предусматривало ежегодные отчисления концессионера в пользу государства либо асбестом, либо иностранной валютой (10 % от прибыли). Добываемая продукция по качеству соответствовала мировым стандартам, рабочие получали зарплату выше, чем на государственных предприятиях. В 1924–1925 гг. на руднике работал 151 чел., а в апреле 1926 г. – уже 266. Особенно возмущала большевиков более высокая рентабельность концессии. Оказалось, что многие подобные предприятия гораздо эффективнее государственных, что подтверждалось статистическими данными [Иностранные концессии в СССР 2005: 447]. В 1927 г. по требованию властей концессионное соглашение с Хаммером было расторгнуто, все оборудование и материалы были переданы государственному предприятию «Ураласбест» [Пустько 2020].

Давая оценку иностранным промышленным концессиям в РСФСР (СССР), нужно избегать крайности, характерной для ряда западных исследователей, считающих, что без привлечения иностранного капитала молодое большевистское государство не смогло бы выжить. Как мы указали выше, общий объем производства иностранных концессий в экономике страны едва составил 1%! Таким образом, в целом в восстановлении и развитии уральской промышленности, как и промышленности всей страны, иностранный капитал и иностранные концессии серьезной роли не играли.

Тем не менее государственно-рыночная модель регионального управления на Урале оказалась весьма эффективной. Если к концу 1920 г. оборот крупной промышлен-

ности Урала упал до 14 % от уровня 1913 г., то на базе многоукладной экономики, сочетания централизованного и местного управления к середине 1920-х гг. практически до довоенного уровня были восстановлены металлургия и

металлообработка (92,2 %), химия (91 %). Кооперативный, частный и концессионный секторы составляли в 1925–1926 гг. 22,2% предприятий с объемом валовой продукции около 10 % [Тимошенко 2005: 83].

Список литературы

Венедиктов А. В. Организация государственной промышленности в СССР. М.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1957. Т. 1: 1917–1920 гг. 764 с.

Венедиктов А. В. Организация государственной промышленности в СССР. М.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1961. Т. 2: 1921–1934 гг. 864 с.

Венедиктов А. В. Правовая природа государственных предприятий. Л.: Прибой, 1928. 184 с.

Генкина Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922 гг.). М.: Госполитиздат, 1954. 504 с.

Данильченко С. Л. Концессионная политика Советского государства в годы НЭПа, 1921–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2000. 203 с.

Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 4. 812 с.

Захаров С. Ю. Концессионная политика советского государства на Урале в 20-е годы: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. 24 с.

Иностранные концессии в СССР (1920–1930): документы и материалы / отв. ред. и сост. М. М. Загорулько. М.: Совр. экономика и право, 2005. Т. II. 856 с.

Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2018. 606 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1954. М.: Госполитиздат, 1954. Ч. 1: 1898–1924. 832 с.

Левин М., Шевелева И. Иностранные концессии в 1920-х годах в СССР: почему расстались? // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 1–20.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 39. 623 с.; Т. 44. 725 с.

Молодяков В. Россия и Япония: поверх барьеров: неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М.: Астрель, 2005. 369 с.

Попов В. Г. Концессионная политика Советского государства на русском Дальнем Востоке (1922–1944 гг.) // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России: сб. науч. тр. Владивосток: Ин-т истории ДВО РАН, 1994. 156 с.

Пусько А. В. Асбестовая концессия Хаммера // Уральская историческая энциклопедия. URL: <https://how-to-all.com/значение:асбестовая%20концессия%20хаммера> (дата обращения: 18.12.2020).

Семеникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: учеб. пособие для вузов. Брянск: Курсив, 1996. 539 с.

Сенявский А. С. Новая экономическая политика: современные подходы и перспективы изучения. М.: РОССПЭН, 2006. 543 с.

Смыкалин А. С. Иностранные промышленные концессии в СССР в 1920–1930-е гг. (историко-юридический аспект) // Бизнес, менеджмент и право. 2017. № 3–4. С. 107–112.

Смыкалин А. С., Мотревич В. П. История отечественного государства и права: учеб. М.: Юстиция, 2017. 414 с.

Тимошенко В. П. В составе Уральской области: предпосылки применения территориально-рыночной модели регионального управления, условия реализации, результаты (1923–1929 гг.) // Уральский исторический вестник. 2005. № 12. С. 81–95.

Хаммер А. Мой век – двадцатый. Пути и встречи / пер. с англ. Г. Салливан. М.: Прогресс, 1988. 304 с.

Хромов С. С. Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. М.: ИРИ РАН, 2006. 384 с.

Михаил Владимирович Жабреев – заместитель первого проректора Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. E-mail: m.v.zhabreev@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-4851-3599

From the History of the Entrepreneurial Law Development in Russia and the Urals during the NEP Years

The article is devoted to the emergence of the entrepreneurial law in the RSFSR and the «revival» of entrepreneurial activity in Russia and the Urals during the period of the new economic policy in 1921–1929. The Soviet state completely refused the legislation of the Russian Empire in the field of regulation of entrepreneurial activity, therefore new law was formed. It was based on the administrative-legal (public) regulation of entrepreneurial activity, while civil (private) law played only an auxiliary role.

The author considers the key policies introduced by the Russian government. These include the establishment of the cost accounting principle at a state enterprise, the permission of private entrepreneurship and the lease of state enterprises, etc. The paper pays particular attention to studying such policy as attracting foreign capital, equipment and technologies for the creation of industrial concessions. For instance, the description of the concession of A. Hammer, which developed asbestos mines in the Urals, is given. The author emphasizes that despite the high profitability of such enterprises, their share in the total volume of production in the country was small.

Keywords: *new economic policy, entrepreneurial law, business accounting, private entrepreneurship, foreign concessions, archival sources, memoirs of eyewitnesses*

Recommended citation

Zhabreev M. V. Iz istorii razvitiya predprinimatel'skogo prava v Rossii i na Urale v gody NEPa [From the History of the Entrepreneurial Law Development in Russia and the Urals during the NEP Years], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 4, pp. 96–105, DOI: 10.34076/2410-2709_2021_4_96.

References

Danil'chenko S. L. *Kontsessionnaya politika Sovetskogo gosudarstva v gody NEPa, 1921–1929 gg.* [The Concession Policy of the Soviet State during the NEP, 1921–1929]: autoabstr. of cand. hist. sc. thesis, Moscow, Mosk. ped. gos. un-t, 2000, 203 p.

Dokumenty vneshnei politiki SSSR [Documents of the Foreign Policy of the USSR], Moscow, Gospolitizdat, 1960, vol. 4, 812 p.

Genkina E. B. *Perekhod Sovetskogo gosudarstva k novoi ekonomicheskoi politike (1921–1922 gg.)* [Transition of the Soviet State to a New Economic Policy (1921–1922)], Moscow, Gospolitizdat, 1954, 504 p.

Khammer A. *Moi vek – dvadtsatyi. Puti i vstrechi* [My Century is the Twentieth. Paths and Meetings], Moscow, Progress, 1988, 304 p.

Khromov S. S. *Inostrannye kontsessii v SSSR. Istoricheskii ocherk* [Foreign Concessions in the USSR. Historical Essay], Moscow, IRI RAN, 2006, 384 p.

Kilin A. P. *Chastnaya trgovlya i kredit na Urale v gody nepa: ekonomicheskie, politicheskie i sotsial'nye aspekty* [Private Trade and Credit in the Urals During the NEP: Economic, Political and Social Aspects], Ekaterinburg, Izd-vo UrFU, 2018, 606 p.

Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK. 1898–1954 [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee. 1898–1954], Moscow, Gospolitizdat, 1954, vol. 1, 832 p.

Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Collection of Essays], Moscow, Izd-vo polit. lit., 1970, vol. 44, 725 p., vol. 39, 623 p.

Levin M., Sheveleva I. *Inostrannye kontsessii v 1920-kh godakh v SSSR: pochemu rasstalis'?* [Foreign Concessions in the 1920s in the USSR: Why Did They Break Up?], *Voprosy ekonomiki*, 2016, no. 1, pp. 1–20.

Molodyakov V. *Rossiya i Yaponiya: poverkh bar'erov: neizvestnye i zabytye stranitsy rossiiko-yaponskikh otnoshenii (1899–1929)* [Russia and Japan: Over the Barriers: Unknown and Forgotten Pages of Russian-Japanese Relations (1899–1929)], Moscow, Astrel', 2005, 369 p.

Popov V. G. *Kontsessionnaya politika Sovetskogo gosudarstva na russkom Dal'nem Vostoke (1922–1944 gg.)* [The Concession Policy of the Soviet State in the Russian Far East (1922–1944)], *Voprosy istorii grazhdanskoi voiny i interventsii na Dal'nem Vostoke Rossii* [Questions of the History of the Civil War and Intervention in the Russian Far East], Vladivostok, In-t istorii DVO RAN, 1994, 156 p.

Pus'ko A. V. *Asbestovaya kontsessiya Khammera* [The Asbestos Concession of Khammer], *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya*, URL: <https://how-to-all.com/znachenie:asbestovaya%20kontsessiya%20khammera> (accessed: 18.12.2020).

Semenikova L. I. *Rossiya v mirovom soobshchestve tsivilizatsii* [Russia in the World Community of Civilizations], Bryansk, Kursiv, 1996, 539 p.

Senyavskii A. S. *Novaya ekonomicheskaya politika: sovremennye podkhody i perspektivy izucheniya* [New Economic Policy: Modern Approaches and Perspectives of Study], Moscow, ROSSPEN, 2006, 543 p.

Smykalin A. S. *Inostrannye promyshlennye kontsessii v SSSR v 1920–1930-e gg. (istoriko-yuridicheskii aspekt)* [Foreign Industrial Concessions in the USSR in the 1920s–1930s (Historical and Legal Aspect)], *Biznes, menedzhment i pravo*, 2017, no. 3–4, pp. 107–112.

Smykalin A. S., Motrevich V. P. *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava* [History of the Russian State and Law], Moscow, Yustitsiya, 2017, 414 p.

Timoshenko V. P. *V sostave Ural'skoi oblasti: predposylki primeneniya territorial'no-rynochnoi modeli regional'nogo upravleniya, usloviya realizatsii, rezul'taty (1923–1929 gg.)* [As a Part of the Ural Region: Prerequisites for the Application of the Territorial-Market Model of Regional Management, Conditions for Implementation, Results (1923–1929)], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2005, no. 12, pp. 81–95.

Venediktov A. V. *Organizatsiya gosudarstvennoi promyshlennosti v SSSR* [The Organization of the State of Industry in the USSR], Moscow, Izd-vo Leningrad. un-ta, 1957, vol. 1, 764 p.

Venediktov A. V. *Organizatsiya gosudarstvennoi promyshlennosti v SSSR* [The Organization of the State of Industry in the USSR], Moscow, Izd-vo Leningrad. un-ta, 1961, vol. 2, 864 p.

Venediktov A. V. *Pravovaya priroda gosudarstvennykh predpriyatii* [The Legal Nature of State-Owned Enterprises], Leningrad, Priboi, 1928, 184 p.

Zagorul'ko M. M. (ed.) *Inostrannye kontsessii v SSSR (1920–1930): dokumenty i materialy* [Foreign Concessions in the USSR (1920–1930): Documents and Materials], Moscow, Sovr. ekonomika i pravo, 2005, vol. II, 856 p.

Zakharov S. Yu. *Kontsessionnaya politika sovetskogo gosudarstva na Urale v 20-e gody* [The Concession Policy of the Soviet State in the Urals in the 20s]: autoabstr. of cand. hist. sc. thesis, Ekaterinburg, Izd-vo Ural. gos. un-ta, 2000, 24 p.

Mikhail Zhabreev – deputy director, Ural State University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 620002, Russian Federation, Ekaterinburg, Mira str., 19. E-mail: m.v.zhabreev@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-4851-3599

Дата поступления в редакцию / Received: 11.01.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 22.06.2021

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ ПРАКТИКА НАУКА

Редактор *К. С. Пугушкина*,
Дизайн обложки *К. О. Хрущева*
Компьютерная верстка *И. В. Яцюк*

Подписано в печать 17.09.21. Формат 60×84/8.

Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,55. Уч.-изд. л. 11,19.

Тираж 100 экз. Заказ № 12

Дата выхода в свет 28.09.2021.

Цена свободная

16+

Уральский государственный юридический университет.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

РОССИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научно-теоретическое, информационное
и практическое издание, основанное в 1993 г.
Министерством юстиции Российской Федерации
и Уральской государственной юридической академией

■ освещает фундаментальные и прикладные проблемы
правового регулирования и правоприменительной практики

■ публикует материалы, отражающие основные направления
профессиональной юридической деятельности
(правотворческой, экспертной, судебной)

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

С 2011 г. журнал включен в библиографическую базу, размещается
и индексируется на библиотечной платформе EBSCO Host (EBSCO Information
Services, Ipswich, MA, USA). С 2012 г. журнал включен в библиографическую
базу Ulrich's™ (SerialsSolutions®, Seattle, WA, USA). В 2014 г. журнал
стал размещаться на платформе EastView Information Services и вошел
в фонды Президентской библиотеки

Редакция журнала:

Екатеринбург, Комсомольская, 23, каб. 207

Тел./факс (343) 375-54-20

E-mail: ruzh@usla.ru, сайт: www.ruzh.org

Подписка:

По «Каталогу периодических изданий. Газеты и журналы» агентства «УралПресс» – подписной
индекс 72610

По каталогу «Почта России» – подписной индекс 04167

Подписка, в том числе за рубежом, возможна через ЗАО «МК-Периодика» с доставкой издания по
любому адресу.

Подписка на электронную версию журнала доступна на сайте Научной электронной библиотеки –
www.e-library.ru

Желающие приобрести новые или уже вышедшие номера «Российского юридического журнала»
могут оформить подписку в редакции по заявке.